ISSN 0130–1640

ЗНАНИЕ–СИЛА 12/90

В истории XX века они останутся символами крупнейших землетрясений. Одинаково грозных, но с совершенно разным исходом.

Землетрясения были всегда и будут всегда. Но обязательно ли сильное землетрясение – это катастрофа?

Знание — сила 12/90

Ежемесячный научно-популярный и научно-художественный журнал для молодежи

Издание ордена Ленина Всесоюзного общества «Знание»

№ 12(762)
Издается с 1926 года

Подписка на журнал «Знание — сила» принимается без ограничений всеми отделениями связи.

[illegible]

Индекс 70332

В НОМЕРЕ

При подготовке к печати репродукции картины «Портрет Ф. М. Достоевского» («Знание — сила», № 9, стр. 74) редакция не располагала сведениями об авторе работы. В настоящее время художник известен. Это иеромонах Стефан (Линицкий). Он сообщил редакции, что в свое время Музей Ф. М. Достоевского отказался принять этот портрет, посчитав, видимо, предосудительным то обстоятельство, что Достоевский изображен в церкви. Сейчас эта картина экспонируется в одной из галерей Нью-Йорка.

ISSN 0130—1640. «Знание — сила», 1990, № 12, 1—96.

УРОК НЕ ВПРОК?

Андрей Алексеевич Никонов — геолог, посвятивший себя изучению землетрясений. Третий раз выступает он в журнале с размышлениями об Армянском землетрясении. Могут спросить: не много ли для одной и той же темы? Нет, не много. Если вспомнить, сколько жертв унесло это землетрясение. Если понять, что должных выводов из катастрофы до сих пор не сделано.

Армения 1988 год. ...ыше 50 тысяч погибших.

Калифорния 1989 год погибло 65 человек

Калифорния. Октябрь 1989 года

чего нельзя позволить катастрофе такого масштаба уйти в прошлое.

До сих пор не проведены всесторонний открытый анализ причин катастрофы, обсуждение промахов и ошибок в организации спасательных и восстановительных работ, не названы публично виновные, не выработана и не обнародована новая структура органов и системы превентивных мер для недопущения подобных трагедий впредь.

Иначе говоря, не извлечено уроков. Не научились действовать, организовы-

вать работу в подобных ситуациях в масштабе страны, республики, района, населенного пункта — перед, во время и после стихийного бедствия.

И ведь это уже не первый раз. Так было уже сорок лет назад, при Ашхабадской сейсмической катастрофе. Тогда, осенью 1948 года, аналогичное по силе землетрясение разразилось в непосредственной близости от столицы Туркмении, полностью уничтожив город и погубив восьмерых из каждых десяти его жителей. В соответствии с практикой того времени важнейшие проявления катастрофы остались необнародованными, научные результаты в достаточной мере не обобщены, бесценный практический опыт действий и взаимодейст-

вий в экстремальных условиях не осмыслен и не зафиксирован. Кажется, только местные строители использовали трагический опыт Ашхабада.

В 1988 году ситуация в стране стала совершенно иной. Информация с места события поступала обильно, и общественность, соответственно, сравнительно быстро могла прореагировать, как внутри страны, так и за рубежом. Это значительно облегчило принятие срочных мер. Но все приходилось делать как будто бы в первый раз, бессистемно, в спешке, ориентируясь и принимая решения на ходу, более или менее произвольно. К чрезвычайной ситуации не оказался готовым никто, может быть, исключая пожарных.

По своим последствиям армянская катастрофа оказалась настолько огромной,

что сразу же возник вопрос о причинах. Ответ пытались найти прежде всего специалисты — сейсмологи, проектировщики, строители. Искали ответ по большей части не в своей области, а в соседнем «цеху». Амбиции, честь мундира, опасения за собственную репутацию, а подчас и судьбу предрешали несогласованность, разноречивость ответов. Разногласия между специалистами многих отраслей, сотрудниками центральных и местных учреждений, работниками различных ведомств проходили под знаком вопроса «кто виноват?», а не «в чем причины?» А выяснить необходимо, с чем, а не с кем бороться, что соблюдать, а не кого выгораживать.

Вот этим-то и занялась специальная группа по поручению комиссии Политбюро ЦК КПСС. Спустя несколько месяцев группой были представлены комиссии двадцать шесть томов отчета с объективными данными обследований, испытаний, анализов, сопоставлений и, конечно, выводов и рекомендаций. Были вскрыты и причины аномально высоких человеческих и материальных потерь. Это и должно стать сердцевиной уроков трагедии.

Но беда в том, что упомянутый отчет существует, по-видимому, лишь в нескольких экземплярах и доступен только узкому кругу лиц. А это значит,

что масса специалистов, руководящих работников, сотни тысяч людей, так или иначе вовлеченных в дела Армении, и общество в целом опять не получили уроков катастрофы в полном, ясном, пусть обнаженно страшном, но жизненно важном виде. Урок необходим не только высшему эшелону власти, уроки нужно извлечь обществу в целом. Отдельные публикации, выступления, репортажные книги для этой цели совершенно недостаточны. Все это не изменит сегодняшнего неблагополучного положения с противостоянием катастрофам и тем более не даст гарантий на будущее.

Вполне понимая это, автор считает все же необходимым еще раз привлечь общественное внимание к проблеме.

Будучи знаком с выводами высокой комиссии только по краткому газетному изложению и потому не претендуя на полноту рассмотрения проблемы, обращаюсь к материалам, доступным ученому и по-своему очень показательным.

Попытаемся при всем недостатке отечественной информации по конкретным показателям определить ущерб и потери от землетрясения в сравнительном плане и таким путем подойти к познанию причин масштабности катастрофы.

Что касается материального ущерба, то в советской печати последовательно указывались следующие цифры: 5, 8 и 10 миллиардов рублей. В октябре 1989 года материальный ущерб исчислялся уже в 13 миллиардов рублей. Возможно, и последняя цифра не окончательна.

Еще труднее дело обстоит с определением числа жертв землетрясения. Самое позднее из официальных сообщений от 17 марта 1989 года указало 24 985 погибших. До этого со ссылкой на расчеты специалистов как возможное число погибших называлась цифра в 40—45 тысяч человек. В зарубежной печати приводились значительно более высокие оценки. Отдельные печатные органы в нашей стране сообщали, что в одном только городе Спитаке из 26 тысяч жителей погибла половина, так же, как в Гугаркском (ближайшем к эпицентру) районе в целом.

В разрушенных домах Ленинакана проживало 70 тысяч человек (из 230 тысяч, составлявших население города). Многие из них находились в момент землетрясения в учебных заведениях и на предприятиях, но и здания последних во множестве были разрушены или повреждены.

Наконец, сообщалось, что в республике изготовлено 50 тысяч гробов и 15 тысяч доставлено из других мест. Однако сколько из них не было использовано и сколько тел осталось под развалинами, неизвестно. Сегодня мы вправе принять число 25 тысяч погибших как

минимальное, а 40—45 тысяч человек — как вполне вероятное. Из этого и будем исходить.

На фоне крупнейших катастроф XX века (100—250 тысяч человек) армянская может показаться умеренной. Но это только общее впечатление. Для понимания сути происшедшего более корректно сравнивать жертвы Спитакского землетрясения не со всеми другими, а лишь с аналогичными ему по величине выделенной энергии, или по магнитуде, выражаясь в сейсмологических терминах.

Из всех возникающих на суше землетрясений, энергетически эквивалентных обсуждаемому, только одна четвертая часть событий сопровождалась жертвами вообще. Посмотрим, как распределяются человеческие потери в этой одной четвертой части подобных землетрясений.

Возьмем десять сейсмических событий близкой энергии за последние десять лет:

Год	Страна	Магнитуда	Число жертв (в тыс. человек)
1980	Италия	7,0	3,1
1980	Алжир	7,3	5,0
1981	Иран	7,3	2,5
1981	Иран	6,9	3,0
1982	Сальвадор	7,0	0,016
1982	Мексика	7,2	0,009
1983	Турция	6,9	2,0
1984	СССР, Газли	7,2	0,001
1988	СССР, Спитак	7,0	25 (45)
1989	США, Калифорния	7,1	0,06

Конечно, число жертв зависит не только от выделенной энергии, но и от ряда других характеристик землетрясения — времени суток, глубины очага, механизма последнего, от сопровождающих и последующих за событием явлений (пожары, оползни). Велика зависимость эффекта от плотности населения и качества застройки.

Никаких экстремальных физических характеристик и дополнительных факторов поражения Армянское землетрясение не имело, поэтому тяжесть потерь при относительном рассмотрении отнести за счет природы невозможно. Но даже при неблагоприятных обстоятельствах и в слаборазвитых странах с густой застройкой и непрочными строениями землетрясения, подобные спитакскому, уносят (если вообще уносят) две-три — пять тысяч жизней. **Армянское унесло на порядок больше.**

Прежде чем и для того чтобы понять и объяснить этот феномен, проведем еще некоторые ретроспективные сопоставления. Предшествующее разрушительное землетрясение в Северной Армении — Ленинаканское — произошло

в 1926 году. Его энергия и площадь были значительно меньше, но интенсивность на поверхности — в Ленинакане и окрестностях — была такая же, как здесь же в 1988 году, а именно до 9 баллов. Тогда погибло 350 человек и 300 получили ранения, хотя пострадало до 60 процентов зданий города. Это значит, что в подвергшейся землетрясению области погибло 0,4 процента жителей и столько же получили ранения. В 1988 году людские потери составили около 5 процентов, а раненых оказалось около 3 процентов. Чтобы раненых было меньше, чем погибших,— случай вообще в мировой практике исключительный. И это имеет ключевое значение для понимания причин катастрофы.

В 1988 году Армения потеряла примерно в сто раз больше населения в абсолютном исчислении и на порядок больше — в относительном по сравнению с 1926 годом. Но, может быть, все закономерно? Ведь последнее землетрясение значительно мощнее и обширнее, а население и его плотность увеличились. Но тогда почему в 1926 году в Ленинакане погибло 15 человек, а спустя 62 года — около 15 тысяч? При тех же восьми-девяти баллах. Почему в первый раз ущерб составил 6 миллионов рублей, а во второй — столько же миллиардов? Пересчет курса может лишь увеличить разницу.

Может быть, человечество неизбежно платит более высокую цену за плотность расселения, усложнение инфраструктуры и благоприятные условия? Опять обратимся к сравнению, на этот раз международному. Не прошло и года после Спитакского, как разрушительное землетрясение произошло в Калифорнии, на западе США. Выделилась такая же энергия, событие произошло в еще более густо населенной местности.

И что же? Ущерб оказался соизмеримым — 10 миллиардов долларов (не будем забывать об инфраструктуре и относительном богатстве Калифорнии, самого богатого штата богатой страны). Но вот погибших насчитали 65 человек, а раненых — около 3 тысяч. Потерявших крышу над головой оказалось 14 тысяч (против 360 тысяч в Армении).

Сказать, что жителям Калифорнии повезло, значило бы уклониться от существа дела. А чтобы к нему приблизиться, сравним потери от этого Калифорнийского землетрясения с таковыми при еще более сильном и охватившем более обширную площадь землетрясении 1906 года. Ущерб тогда составил 400 миллионов долларов, погибших оказалось 500 человек, причем огромную роль сыграл последовавший очень сильный пожар. Итак, через 83 года ущерб здесь вырос на полтора порядка, а число погибших снизилось на порядок.

Таким образом, при сопоставимых по энергии в очаге и силе проявления на поверхности землетрясениях в самом сейсмоопасном штате США относительное число погибших через 83 года уменьшилось в двадцать раз, а не в самой сейсмоопасной республике СССР через 62 года увеличилось почти в пятнадцать раз. Суммарно от двух (более сильных) событий Калифорния потеряла около 600 человек, а Армения — не менее 40 тысяч.

Если и это не показательно, возьмем более свежие и общие данные. За последние пятьдесят лет в США от тринадцати сильных землетрясений погибло приблизительно 500 человек. В СССР число жертв всегда хранилось в секрете, да и до сих пор не обнародовано. По скромным подсчетам на основе доступной исследователю информации, в нашей стране за те же пятьдесят лет жертвами примерно того же числа землетрясений пали около 200 тысяч человек. Соответственно на каждый миллион своих жителей США потеряли 2 человека, а Советский Союз — 600 человек.

Разумеется, размеры сейсмоопасных территорий и число жителей в них в нашей стране значительно больше, но не в 300 раз! И если землетрясения в СССР представляют собой более опасные стихийные проявления, то в цивилизованной стране естественным было бы и относиться к ним более серьезно и бороться с их последствиями более действенно. Так в чем же дело? Ответов может быть несколько — разного уровня сложности и разной подробности. Но простейший, на взгляд специалиста, бесспорен: дело в системе строительства, в стратегии и практике обеспечения безопасности.

Этот вывод можно сделать, не выходя из кабинета. Тем более интересно и полезно сравнить его с официальными выводами большой группы специалистов, несколько месяцев работавших в зоне бедствия 1988 года по заданию комиссии Политбюро ЦК КПСС. Эти выводы (в газетном изложении, но другое нам не известно) звучат так: «...основной причиной катастрофических последствий землетрясения стала не столько специфика толчков, помноженная на гидрогеологические условия зоны бедствия, сколько недопустимые отступления от норм проектирования, вопиющие недостатки самих проектов и необычайно низкое качество строительства» («Известия», 13 мая 1989 года).

На основе этих выводов комиссия ЦК КПСС по ликвидации последствий землетрясения в Армении приняла решение ввести госприемку всех строящихся зданий, поручила Прокуратуре СССР возбудить уголовное дело и привлечь к ответственности всех виновных.

Еще до землетрясения республиканская печать фиксировала, что десятки, сотни многоэтажных зданий, построенных в последние двадцать пять лет, не соответствуют своему назначению, что списки аварийных (до землетрясения!) жилых домов имелись для двадцати восьми городов республики, что положение в Ленинакане угрожающее, что критическое состояние не меняется десятилетиями. Были призывы сделать достоянием гласности скрупулезный анализ «этого беспрецедентного преступления, этой циничной безответственности». Сделано ли? До трагедии явно ничего не сделано.

Армения. Декабрь 1988 года.

Председатель Совета Министров СССР, он же и Председатель комиссии Политбюро ЦК КПСС Н. И. Рыжков заявил на пресс-конференции в Ереване через неделю после землетрясения: «Когда будет завершено расследование, полагаю, будут сделаны очень серьезные выводы». Многие полагали так же. Есть ли теперь результаты расследования? Кому они известны?

То решение комиссии Политбюро, которое было принято в мае 1989 года, относится к зоне бедствия. Зона бедствия составляет не более одной пятой территории Армянской ССР, и там проживает седьмая часть ее населения. Локально и временно принимались во внимание уроки землетрясений и прежде. Если идти тем же путем локальных решений, даже считая, что они верны и будут исполняться, то для того, чтобы обезопасить все сорок процентов территории и 100 миллионов населения СССР, подверженных серьезным сейсмическим воздействиям, потребуется еще не одна тысяча лет.

Извлечь уроки из армянской катастрофы только применительно к зоне бедствия или даже к Армении — это лишь начало и малая часть проблемы. Трудно сомневаться в том, что недостатки, нарушения и преступное отношение к делу, выявившиеся в Армении, присущи большей части других, тоже подверженных землетрясениям республик и районов. Как быть с ними?

Уроки трагедии в Армении, а перед этим в Туркмении, на Курилах и в Средней Азии можно будет считать усвоенными только в том случае, если их преподать во всесоюзном масштабе, затвердить на государственном уровне, усвоить на уровне каждого жителя и на всех уровнях проводить регулярные экзамены.

Стихия слепа в своих проявлениях и глуха к человеческим потерям и страданиям. Это естественно. Неестественно, когда слепыми и глухими к собственным интересам остаются люди, сколько бы и какие бы уроки им ни преподносила стихия.

Может быть, главное — это наконец осознать, что речь идет не об уроках землетрясений, а об уроках нашей постоянно повторяющейся неготовности к ним в самых разных отношениях.

Перед нами дилемма: или создать в стране действующую систему обеспечения безопасности, как делают развитые страны,— или планировать заготовки гробов и новые миллиардные расходы на восполнение сейсмических потерь.

Эта статья была написана к первой годовщине трагедии в Армении. Появляется же, по не зависящим от автора и редакции причинам, на год позже. Поэтому читатель вправе спросить: а что изменилось за прошедший год? Что подтвердилось, что актуально, о чем можно забыть?

Чрезвычайных событий и бедствий за год произошло более чем достаточно. Если говорить только о сейсмических, то никак не обойти катастрофу в Иране в середине 1990 года. Все читали, что число погибших опять превысило 50 тысяч, а число раненых и оставшихся без крова — мил-ли-он человек.

Значит, все же масштабы потерь целиком во власти стихии, случая? По-моему, наоборот, пример с недавним землетря-

сением в Иране подтверждает только близость уровня развития и незащищенности населения в сейсмических областях СССР и его южного соседа и их резкое отличие в этом от США.

К тому же рассматриваемое иранское землетрясение было само сильнее и сопровождалось весьма сильными и многочисленными последующими толчками. Оно разразилось в отсталой, исключительно густо населенной сельской местности — Иранский Азербайджан — с господством старых некондиционных строений и к тому же ночью. И уж, конечно, в районе бедствия не знали, что такое нормативное антисейсмическое строительство. Поэтому огромные потери в Иране неудивительны.

Иранская трагедия через полтора года после трагедии в Армении подтверждает уроки последней. Разница лишь в том, что в Советском Союзе давно существует множество учреждений со специалистами по сейсмичности и сейсмостойкому строительству, хорошо известны многие способы ослабления эффекта разрушительных землетрясений, имеются четкие рекомендации и нормативные документы по строительству в сейсмически опасных районах. Ничего подобного по масштабу у нашего южного соседа нет.

Если бы и были сомнения, то последняя катастрофа в Иране предельно ясно продемонстрировала нам, что дело не только в наличии специалистов, оборудования, научных и инженерных разработок, обязательных инструкций, дело — в неэффективности практики решения проблем, механизмов и организации защиты населения и общественного богатства от ударов сейсмических волн.

А что же ныне в Армении? В чрезвычайной обстановке первых месяцев после катастрофы, конечно, невозможно было определить точные цифры погибших, раненых, оставшихся без крова. Но уж за полтора — два года сделать это и возможно, и нужно. Однако официальные лица и ответственные организации так и не обнародовали достоверного числа жертв и истинных величин убытка. Секретность? Стыдливость? Привычка к фигуре умолчания?

И мы с вами молчим. Не все, правда. Общественная группа «Поиск», созданная в Армении на следующий день после землетрясения, через год установила, что помимо официально объявленных 25 тысяч погибших еще 66 тысяч человек попадают в список «без вести пропавших». Шестьдесят шесть тысяч человек! В мирное время! Анализ собранных этой группой материалов резонно ведет к заключению, что большой части этих людей нет в живых...

И что же? Опять приходится верить зарубежным агентствам. Вот как в капле — кровавой! — отражаются снова и снова пропащие жизни, наша изломанная реальность. Изломанная не стихией.

Прокуратуры СССР и Армении разбирались в жутких по масштабу нарушениях всех строительных нормативов и человеческих норм. Но что мы знаем о результатах этого расследования? Кто и как наказан? Какие действительные результаты это расследование привнесло в практику строительства и обеспечение безопасности населения? Вы знаете? Я — нет.

Впрочем, простите. Кое-что знаю. Прокурор Армении В. Назарян год спустя после трагедии сообщил, что при проверке домов, построенных в Ереване после землетрясения, обнаружились все те же недочеты и недостатки, а приезжие руководители строек пытаются и на месте бедствия «гнать метры» прежними способами. А как же, ведь задача-то была сверху определена точно: восстановить все разрушенное за два года. И не иначе.

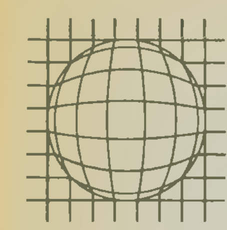
Прошло ровно два года. И уже никто из государственных мужей не вспоминает уверенные заявления Председателя Совета Министров СССР о восстановлении к этому сроку пострадавших областей. Получила ли хотя бы одна пятая часть бездомных нормальное жилье? А если и получила, то разве не благодаря иностранной помощи? Так на кого же нам рассчитывать? На что надеяться?

Дом в десятибалльной зоне Спитакского землетрясения.
Едва ли не единственный, устоявший в поселке Налбанд среди всеобщего хаоса и полного разрушения. Почему?! Да потому, что хозяин построил его на прочном фундаменте, укрепил антисейсмическим поясом, обильно использовал цемент хорошей марки. Одним словом, сделал дом прочным и устойчивым применительно к сейсмически опасной зоне.

Фото автора

ВО ВСЕМ МИРЕ

Огурец со дна моря

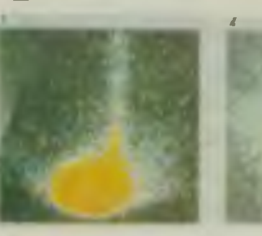
Японский обитаемый подводный аппарат «Шинкамы 6500» пробыл около двух часов на глубине 4835 метров. За это время экипаж заснял на видеопленку ряд диковинных обитателей морского дна. Среди них — плавающий «морской огурец» длиной около десяти сантиметров. Подобные существа иногда попадались в тралы, но без признаков жизни. Этот экземпляр свободно перемещался в воде, сохраняя вертикальное положение. Своей изогнутой формой тела он похож на собачью ногу.

Рыба — кинозвезда

Японские исследователи провели подводную киносъемку живых латимерий. Первый экземпляр этой рыбы поймали пятьдесят два года назад, что вызвало тогда подлинную сенсацию. Латимерия — единственный представитель группы кистеперых, обитавших на Земле 300 миллионов лет назад и до 1938 года известных лишь в виде окаменелостей. На этот раз два крупных экземпляра — 60 и 65 килограммов — были пойманы на глубине 300 метров в Индийском океане, недалеко от Мадагаскара. Кадры киносъемки позволяют изучать своеобразный способ плавания этих уникальных рыб.

Поосторожнее в космосе!

К сожалению, как выяснилось, ядерные реакторы, установленные на некоторых космических летательных аппаратах, загрязняют космос, создавая помехи для точных астрономических приборов, принимающих на Земле сигналы звезд. По данным рассекреченных недавно документов НАСА, впервые это было обнаружено в 1980 году, когда чувствительные приборы по крайней мере один раз в день стали давать неверные показания. «Сейчас это только помехи, но в будущем поле астрофизических обследований может нарушиться совсем»,— считают американские ученые.

Что показала фотография

Акупунктура — древний метод лечения путем воздействия игл на определенные точки тела — приобретает все больше приверженцев. Однако до сих пор, несмотря на многочисленные догадки, интимный механизм этой терапии остается тайной для исследователей. Последние работы французских ученых хотя и не объясняют принцип действия древнего лечебного метода, но наглядно демонстрируют существование акупунктурных путей.

Специалисты из парижской больницы «Неккер» вводили небольшое количество радиоактивного технеция в акупунктурные точки на руках и ногах пациентов, а затем с помощью специальной камеры следили за его передвижением.

Оказалось, что технеций движется по линиям, известным традиционной акупунктуре (снимок 1). При стимулировании акупунктурных точек движение ускорялось. Врачи установили еще один интересный факт. Когда воздействовали на точку с одной стороны тела, эффект ускорения наблюдался и в ней, и в симметричной ей точке с другой стороны.

При введении технеция в другие, не акупунктурные точки тела подобные явления не были зарегистрированы. Радиоактивное вещество просто образовывало маленькие пятна, не продвигаясь в определенном направлении (снимок 2).

«Гостиницы для животных»

«И в сухих деревьях есть жизнь!» Это лозунг проводимой сейчас в США кампании, цель которой — объяснить американцам, как важно сохранять в лесу сухие деревья. Именно в них многие животные находят и кров, и пищу.

Национальная федерация по охране живой природы оказывает помощь Лесной службе США и Бюро землеуправления, настойчиво напоминая лесозаготовителям, туристам и землевладельцам, что сухие и засыхающие деревья с дуплами в стволах, наружными гнездами, сломанными вершинами или помеченные специальными знаками, указывающими на то, что они приносят пользу живой природе, необходимо беречь.

Многие птицы и млекопитающие, пресмыкающиеся и земноводные используют пни или упавшие деревья для устройства своих жилищ. Недавно в национальном лесу Дешютс, в штате Орегон, начата кампания «Гостиница для животных», цель которой — ликвидировать беспорядочную заготовку сухих деревьев на дрова. Кампания была настолько успешна, что правительство решило расширить ее в масштабах страны.

«Золотая» лама

Специальным декретом правительства Перу создан национальный совет по вопросам, связанным с сохранением викуньи. Это парнокопытное животное рода лам, обитающее на высокогорных равнинах Андийских Кордильер, изображено на перуанском гербе, то есть стало одним из национальных символов страны. Волокна шерсти викуньи уступают по тонкости лишь натуральному шелку, а один квадратный метр готовой ткани из шерсти викуньи стоит на международном рынке тысячу долларов. Словом, викунью справедливо называют «золотой ламой».

Женский полк. Казачки поселка Верхне-Благовещенского, награжденные медалями «За усердие». Во время бомбардировки города Благовещенска китайцами, они добровольно несли разведывательную и сторожевую службу вдоль телеграфной линии и берегов Амура.

1900-

И. Смирнов

Век нынешний и век минувший

Диптих к большому переименованию

So, so you think you can tell Heaven from Hell, blue skies from pain
Can you tell a green field from a cold steel rail?

«Pink Floyd»

Нет, ребята, все не так,
Все не так, как надо.

В. Высоцкий

Политический филиал Рижского рынка в Москве на Пушкинской площади — самый грязный, злой и бестолковый. Старуха, с виду из тех, что собирают в парке пустую посуду, продает из правой руки нацистский «Пульс Тушина», а из левой — что-то очень демократическое про Р. М. Горбачеву. Рядом нетрезвый юноша, татуированный как японский гангстер «якудзи», торгует порнографией — именно так определили его «научно-эротическую продукцию» наши немецкие гости: «Знаете, у нас тоже продают подобное, но в специальных магазинах, куда заходить считается не очень прилично». А над головами торгующих прилеплен к зданию «Московских новостей» плакат, извещающий об очень радостном событии: народный депутат РСФСР В. П. Миронов собирает подписи для парламентского расследования обстоятельств проезда Ленина в «пломбированном вагоне» в 1917 году.

Россия вздохнула свободно. Теперь нашим парламентариям некогда будет скучать: можно заняться бегством князя Курбского в Литву при Иване Грозном, а также и загадочной смертью Александра Македонского во цвете лет в городе Вавилоне. Тем временем народ будет решать свои более современные проблемы самостоятельно и, надо думать, на таком же профессиональном уровне: пока что на митинге, а завтра, не ровен час, с помощью кольев и обрезов, как в некоторых южных регионах, где тоталитарный строй, не успев отмениться, уже восстановлен в знакомой по учебнику истории средних веков форме феодальной раздробленности (помните старый анекдот про демонстрацию рабов на римском Форуме: «Да здравствует феодализм, светлое будущее человечества!»).

Политические набеги на науку — не роскошь, а средство самоутверждения. В те же средние века уважающий себя феодал не жалел денег на родословные, выводящие его фамилию, вопреки всякой исторической сообразности, если не от героев Гомера, то хотя бы от римских императоров, и вышеупомянутый Иван IV мог с полным основанием говорить: «Русские мои все воры. Я не русский. Предки мои германцы», ведь через Рюрика он происходил от «Пруса, брата Августа кесаря». Простим ему — это наименьший из грехов. Проблема не с ним, а с нами: мы до сих пор не научились воспринимать общественные науки именно как науки, как источник объективного «беспартийного» знания, которые этой своей объективностью и полезны, и все время норовим использовать их как рабочий инструмент для достижения сиюминутной политической выгоды. Долгое время казалось, что зло идет извне — от Жданова, от Суслова, от учебников, в которых даже землетрясение и чума объяснялись по-марксистски, «обострением классовой борьбы». Но вот ЦК уже ничего не предписывает и не запрещает, тем не менее совершенно из других источников на нас льется поток мифотворчества, не более изысканного, чем «полет Крякутного на воздушном шаре», «битва под Псковом и Нарвой» 23 февраля 1918 года и «восстановление советской власти» в Литве, Латвии и Эстонии.

Кажется, даже Сталин не решался требовать от патриарха, чтобы церковь причислила к лику святых, ну, например, Кирова или Карла Маркса. Сегодня же на наших глазах разворачивается беспрецедентная кампания политического давления на русскую православную церковь под лозунгом канонизации Николая II Романова.

Действительно, святость кандидата совершенно очевидна даже из краткого перечня того, чем он вошел в историю: две кровопролитные захватнические войны на чужой территории, обе бездарно проиграны; 9 января 1905 года; «распутинщина». Но тогда уж почему бы заодно по справедливости не причислить к лику святых и генерала Родионова (за «кровавое воскресенье» в Тбилиси) и Л. И. Брежнева «со всем синклитом» из Политбюро, отправивших русских ребят умирать в Афганистан,— неужели препятствие только в том, что их «подвиги» повлекли за собою гораздо меньше человеческих жертв, чем аналогичные деяния Николая? Если же святость придает человеку только тот факт, что его злодейски убили, вне зависимости от того, как он прожил свою жизнь, то напрашивается другой, чрезвычайно обширный и тоже мало почетный список персонажей нашей недавней истории. Читатели могут на досуге составить его сами.

Простите мне иронический тон — серьезная дискуссия на том уровне аргументации, который предлагается авторами таких сочинений, как «Боже, царя храни...» («Комсомольская правда», 20 июля 1990 года), в любом случае будет выглядеть как пародия. Если же все-таки говорить серьезно, то убийство в Екатеринбурге,— безусловно, подлое и отвратительное преступление. Допускаю (хотя я в этом и не специалист), что заведомо ни в чем не повинные дети, ставшие жертвами убийц, действительно достойны называться святыми. Как, впрочем, и многие другие люди, не царского звания, лишенные жизни по вине последнего царя из дома Романовых.

Во время междоусобиц на острове Пасхи аборигены старались сбросить с постамента и разбить идолов, принадлежащих враждебному роду. С кого же станем мы брать пример в нынешней переоценке исторических ценностей, с людей каменного века или со здравомыслящих англичан? И тем более неприятно смотреть, как памятники шерханам атакуют стаи осмелевших (до нового Шерхана) шакалов Табаки.

Да простит мне читатель затянувшееся предисловие — оно представляется необходимым для понимания обстановки, сопровождающей сегодня любую историческую дискуссию. Психиатры называют такое состояние «ажитированной депрессией» и считают распространенной причиной самоубийств. В масштабе общества это ненормальное состояние отражает не только общий низкий уровень культуры. К сожалению, и к стыду для нашей интеллигенции, здесь действует и субъективная причина в лице актеров нашего любительского политического театра («политиками» в западном понимании их называть преждевременно, так же как фарцовщиков — «бизнесменами»). Чтобы публика не забыла об их существовании, им приходится кричать все громче и все истеричнее, комплекс некомпетентности просто не оставляет им иной возможности сохранить за собой место не сцене, в луче прожектора. Нередко это люди, сделавшие прекрасную карьеру при «развитом социализме», а теперь старающиеся оттолкнуться от него настолько сильно, насколько близок он им был вчера (как раз по законам механики). Среди них есть и ученые-обществоведы, но, с шумом выходя из КПСС, они почему-то забывают вместе с партбилетом сдать туда и дипломы о присуждении ученых степеней за диссертации о Великом Октябре. (Здесь, наверное, нужно для страховки оговорить, что автор в КПСС никогда не состоял. Чтобы не следовать моде на «страдальцев», в подробности не углубляюсь.)

С исследовательской точки зрения, эта партия не вызывает у меня особых эмоций, поскольку я никогда не рассматривал ее как партию в европейском

смысле слова, а скорее как структурный элемент докапиталистического общества, аналогичный китайскому сословию «шеньши» (конфуцианские ученые), саудовской правящей династии или жречеству в древних теократиях. Обвинять человека в принадлежности к КПСС так же нелепо, как отца Ленина — И. Ульянова — осуждать за то, что он выслужил дворянство.

На вышеописанном эмоциональном фоне России предстоит встретить самое важное и самое революционное из переименований. Основательный и осторожный А. Собчак может еще некоторое время уклоняться от обсуждения вопроса о том, мэром какого города он является, понимая, что вопрос этот чреват совершенно излишней конфронтацией. Но общая логика развития не в его власти, и если до конца года не произойдет ничего чрезвычайного, в Ленинграде найдутся активные лидеры, которые приложат все усилия, чтобы дилемма «Ленин или Петр», выплеснувшись на митинги, заслонила на какое-то время и продовольствие, и топливо, и общественный транспорт. Надеюсь, что к этому времени приобретет некоторую актуальность и та история, которую я собираюсь рассказать.

Массированная атака на Ленина и его окружение в официальной советской прессе началась, как ни странно, не слева, а справа: в то время, когда либеральные реформаторы еще использовали для борьбы с бюрократической олигархией схему М. Шатрова, противопоставлявшего Ленина Сталину, крайний орган этой самой олигархии — журнал «Молодая гвардия» — обвинил председателя ВЦИК и ближайшего сподвижника Ленина Я. Свердлова не только в убийстве царской семьи, но и в организации геноцида во время гражданской войны — так называемого «расказачивания». Это, действительно, одна из самых мрачных и кровавых страниц в истории последней российской смуты (впрочем, страницы какого-то иного цвета в ней нелегко обнаружить). Одновременно та же «Молодая гвардия» публиковала сомнительные «Воспоминания» Бенедиктова (сталинский нарком земледелия) с апологией террора и комплиментами Берии; ее главный редактор Ан. Иванов на страницах «Нашего современника» оправдывал необходимость репрессий тем, что не все представители эксплуататорских классов «сгинули в огне гражданской войны» (1988 год, № 5), а всесоюзное собрание «Памяти» в Московском Дворце молодежи, стоя, овацией приветствовало сталинского прокурора Шеховцова. Формировалась, наверное, самая причудливая идеология в истории: в ней «социализм» в традиционной сталинской трактовке уживался со столь же агрессивным неприятием Октябрьской революции как «еврейского заговора против России». Впрочем, эта химерическая конструкция абсурдна только для европейца с его представлениями о партийных программах, которые должны быть научно обоснованы, логически непротиворечивы и т. д., — в наших неевропейских условиях она уже доказала свою эффективность в качестве механизма провокации. Во всяком случае, «свои» в ней не путаются, а вот демократы и «европейцы» демонстрируют раз за разом детскую наивность в столкновении с элементарными шулерскими приемами. Хотя об этом автору этих строк уже пришлось высказываться достаточно обстоятельно («Московские новости», № 30). Интереснее другое — что ни Свердлов, ни Троцкий, ни Ленин в действительности не были изобретателями «расказачивания». За 210 лет до них самый талантливый из династии Романовых разработал ту же программу и осуществил ее с методичной жестокостью.

Придавая универсальный и «регулярный» характер крепостническому строю, закрепленному в Уложении его отца, Петр Алексеевич не мог не вступить в смертельное противоборство с «рыцарями черного народа» — с последним оплотом вольностей и самоуправления на Дону. Там в начале XVIII века в ста двадцати с небольшим городках жило, по разным данным, от 27 до 29 тысяч человек «по козачей обыкности» — несли за жалованье царскую службу, но скорее как вассалы, а не как рабы. Даже связь с ними поддерживалась через Посольский приказ, как с иноземцами. Но главная проблема для правительства заключалась в том, что «старое поле» не было отделено от остальной России. Казаки не считали себя замкнутым сословием: по их обычаю, в «товарищество» могли принять любого, кто прожил на Дону пять лет, и если в войсковой столице, Черкасске, преобладали «старожилые», «природные» казаки, то в городках по среднему течению Дона и по притокам жили в основном «всяких чинов» беглые. Это была как раз лучшая часть русского простого народа того времени, самостоятельные, энергичные, «пассионарные» (по выражению Л. Н. Гумилева) люди, которым чувство собственного достоинства мешало смириться с рабским состоянием. «Люди они породой москвичи и иных городов, и новокрещеные татарва, и запорожские казаки, и торговые люди, и крестьяне» (Котошихин).

Весьма далеко от истины распространенное в литературе прошлого века представление о казачестве как о пьяной разбойной вольнице: конечно, и такой элемент в нем присутствовал, но не случайно в конце XVII столетия именно городки по притокам Дона Хопру, Медведице и Чиру становятся (наряду с Соловецким монастырем на Севере) оплотом движения старообрядчества. К сожалению, наша наука только в последнее время начинает освобождаться от официально предписанного в XVIII—XIX веках русским историкам взгляда на это движение как на «восстание невежества и косности». Странным образом это предубеждение оказалось унаследовано советской историографией и до сих пор отражается даже в терминологии: мы именуем наших церковных диссидентов тем же самым словом, которым их «лаяли» царские чиновники — «раскольниками» (сторонников Пугачева «сволочью» и «ворами» почему-то не называем).

Между тем, как отмечает В. Б. Кобрин, «спор о том, могут ли миряне быть судьями клириков — коренной вопрос всего реформационного движения, — издавна остро стоял и на Руси. Старообрядчество — это своеобразная русская реформация».

Но при Петре русская православная церковь даже формально становится частью государственного аппарата (фактически это произошло много раньше, после победы «иосифлян» над учениками Нила Сорского), — поэтому старообрядчество в своем развитии неизбежно приходит в политике к непримиримой оппозиции государству («царь-антихрист»), а в своей внутренней организации — к выборности священнослужителей, как в наиболее радикальных протестантских конфессиях.

В 1688 году часть казаков-староверов с атаманом Львом Маноцким уходит на Кубань, образуя Кубанское войско, поскольку на Дону по настоянию правительства начались религиозные преследования. После долгой осады стрельцы и верные правительству казаки из Черкасска взяли Заполянский городок, казачью Ларошель, и истребили всех, кто там находился. Однако и после этого «Аввакумова вера» на землях войска не иссякает: ей следуют многие влиятельные люди, в том числе и главные герои последующих событий — Кондратий Афанасьевич Булавин и его «брат» (в фольклорной традиции) Игнат Федорович Некрасов. Булавин был «атаманом над солеварами» богатейших Бахмутских соляных заводов, дававших в день более 25 000 пудов.

Есть основания полагать, что Петр Великий относился к казакам не лучше, чем к стрельцам: казаки олицетворяли для него все самовольное, стихийное, не укладывающееся в регламентации. Во всяком случае, в его правление происходит методичное урезание прав и привилегий Войска Донского: земельные и торговые конфликты с кем бы то ни было, как правило, разрешаются не в пользу казаков, в 1702 году им запрещают ловить рыбу в собственной реке (?), в 1706 — Бахмутские соляные заводы забирает казна. Оказавшись в таком же положении, как несколько позже Артем Тарасов, Кондратий Булавин действовал более решительно — арестовал царского дьяка и не дал ему произвести опись имущества.

Работая над биографией Игната Некрасова, «первого в замыслах с Булавиным», я никак не мог отделаться от ощущения, что Петр, не желая действовать, как Иван Грозный, и уничтожать своих подданных вовсе без вины, по одной лишь прихоти, специально провоцировал донских казаков на бунт. Во всяком случае, первые годы столетия — это непривычная череда таких указов, которые рано или поздно вызвали бы возмущение даже куда более миролюбивого народа, чем обитавшие на Дону профессиональные воины. Им просто не оставляли иного выхода. Правда, войсковой атаман Лукьян Максимов и его окружение делали все, чтобы удержать казаков. Но их усилия были обречены; указом от 6 июля 1707 года на Дон отрядили полковника князя Юрия Владимировича Долгорукого для розыска беглых и высылки их с женами и детьми по месту прописки — «в те же городы и места, откуда кто пришел». Напомним, что в некоторых станицах все население поголовно состояло из «новопришлых» — неужели же полковник, имея под началом 92 человека, всерьез рассчитывал арестовать и выслать тысячи вооруженных и привычных к ратному делу казаков? Но одного Долгорукий добился: его личность и методы проведения «розыска» настолько хорошо запомнились жителям станиц, что фольклорная традиция донесла их впечатления до далеких потомков:

Ой, выходил же, а он,
да князь-бояр Долгорукой,
Да выходил же, а он да,
вот, было на высок крылес,
Да выносил же, а он,
князь-бояр, все царску грамоту:
Ой да, вы послухайтя,
донские козащики, царску грамоту,
Ой, и вот, как старикох —
всех казнить-вешать,
Ой да, а молодых-то казаков —
всех в солдаты брать,
Ой да, всех в солдаты брать,
да усы-бороды всем брить,
Ой да, молодых-то их жен
всё на боярский двор,
Ой, а малых деточек да, вот,
в Тихой Дон бросать.

То, что должно было случиться, — случилось. Булавин был уже не молод (имел взрослых детей), наверняка не беден и, судя по документам, от него оставшимся, вряд ли склонен к авантюрам. Но на его родную реку Айдар пришло разорение, и Долгорукий требовал у Лукьяна Максимова его ареста за «соляные» дела. И Кондратий Афанасьевич собирает в урочище Орехов Буерак «бунтовской» тайный круг, на котором выносится смертный приговор Долгорукому. В ночь на 9 октября 1707 года в Шульгинском городке отряд Долгорукого был внезапно атакован и уничтожен.

Лукьян Максимов, по мнению советского исследователя Н. С. Чаева, сам выдал жестокого князя возмущенным казакам. В этом случае он, как часто бывает с людьми, пытающимися усидеть на двух стульях, запутался в собственных интригах. Сначала ему удалось без особого труда рассеять «воровское сборище», перевешать, кто попался под руку, и отчитаться перед Петром, что убийцы его полковника наказаны собственными донскими силами. Но Булавин отправился в Запорожскую Сечь, устроил там переворот и весной 1708 года с объединенным войском — запорожским и донским — в семь тысяч человек двинулся на Черкасск. 9 апреля он разбил Максимова, а 1 мая низовые казаки сдали ему город. По решению круга бывший войсковой атаман и старшины, сопровождавшие князя Долгорукого в его экспедиции, были казнены, а Булавин избран новым войсковым атаманом.

Теперь из «вора» он стал официальным главой донской администрации, а царскому правительству противостояло уже не «воровское собрание», как разинское войско, собравшееся, говоря по совести, все-таки из совместного разбоя, а организованная сила со своей традицией, структурой и идеологией. Конечно, и в булавинских прелестных письмах звучал этот мотив: «красно походить, сладко попить да поесть...», но не случайно его ближайший сподвижник, старый разинец Иван Лоскут, говорил, что Степан Тимофеевич «без ума свою голову потерял». В письме от «всего великого Войска Донского» к доверенным единомышленникам — к кубанскому атаману Савелию Пахомовичу и его казакам — приводятся более серьезные основания для вооруженной борьбы: «...и стали была бороды и усы брить, также и веру христьянскую переменить, и пустынников, которые живут в пустыни ради имени Господни... Многия станицы огнем выжгли, и много старожилых казаков кнутом били, губы и носы резали, и младенцев по деревьям вешали, также женску пола и девичья брали к себе для блудного помышления в постели, и часовни все со святынью выжгли... А ныне мы обещаемся Богу, что стоять нам за благочестия, за дом пресвятыя Богородицы и за святыя соборныя апостольския церкви и за предания семи вселенских собор, как они святыя на семи вселенских соборах утвердили веру христианскую. И мы в том друг другу души подавали, и святое Евангелие целовали, чтоб нам всем стоять в соединении и умирать друг за друга».

Впрочем, Булавин не экстремист: сразу после своего избрания он отправляет Петру и сановникам почтительные письма, в которых оправдывает переворот в Черкасске «многими неправдами» прежних властей (хотя дает понять, что это внутреннее дело Войска Донского) и заверяет царя, что казаки готовы служить ему «по-прежнему преусердно», как его отцу и деду. Но именно это-то Петра и не устраивает. Поэтому Булавин, наученный горьким опытом покорности Максимова, параллельно разрабатывает военные планы: наступать через Воронеж на Москву, а в случае неудачи — уходить на Кубань, к Савелию Пахомовичу, то есть к «турскому царю», поскольку владельцем тех земель был крымский хан, вассал Порты. 28 мая, когда стало ясно, что ни в какие переговоры царь не вступит, Булавин на кругу открыто выступает против царской власти.

«Сия сарынь, кроме жесточи, не может унята быть», — определил Петр. Наступило время раз и навсегда покончить с донской автономией. Несмотря на трудности войны с Карлом XII, правительство набрало для отправки на Дон армию в 32 тысячи человек. Командование предусмотрительно вручили брату убитого полковника — Василию Владимировичу Долгорукому. Но не доверяясь вполне его мстительности, 28 июня Петр I в указе подробно регламентировал уничтожение казацких станиц. Этот текст носит вполне деловой характер, как опись продаваемых угодий. «По Хопру сверху Пристанной по Бузулук. По Донцу сверху по Луган. По Медведице по Усть-Медведицкой, что на Дону. По Бузулуку все. По Айдару все. По Деркуле все. По Калитвам и по другим запольным речкам все...» Впрочем, присутствуют и эмоции: «Является из ваших писем некоторое медление, что нам не зело приятно».

Казалось, что жестокие античные боги, близкие душе Петра, благоприятствуют ему во всех замыслах. Булавин очень скоро совершает роковую и непростительную ошибку, предопределившую исход всей кампании,— разделяет свои силы: одно войско, объединенное с запорожцами, направил с походным атаманом Семеном Драным навстречу Долгорукому, другое — на Волгу (с Игнатом Некрасовым), третье — штурмовать Азов. В результате в Черкасске практически не осталось преданных войсковому атаману казаков-староверов. Между тем тайные сторонники царя начинают действовать: уводят из-под Черкасска конские табуны. 31 июня — 1 июля в ожесточенном двухдневном сражении под городком Тором регулярные войска разбили С. Драного. 6 июля казаки терпят поражение под Азовом. В Черкасске начинается паника — и раскол среди атаманов. Куренной атаман Илья Зерщиков и с ним многие низовые казаки склоняются к капитуляции. Но для этого нужно свергнуть Булавина. Окруженный в своем курене, он отстреливался от целой толпы и был предательски убит собственным есаулом. 23 июля Петр I отметил эти события молебном и салютом.

Можно объяснить происшедшее низостью и трусостью Зерщикова, рассчитывавшего спасти собственную голову за счет товарищей, можно обнаружить давние и серьезные противоречия между низовыми и верховыми казаками — все это правда, но правда и то, что русскому человеку чрезвычайно трудно было идти до конца против своего православного царя: даже взявшись за оружие, он мучился неуверенностью и поисками оправдания в рамках существующего порядка (за «правильного» царя — против «неправильного»). Вспомним, что в 1775 году, когда Екатерина пошлет драгунов уничтожать Запорожскую Сечь, кошевой Калнишевский запретит запорожцам сражаться с драгунами: «одинаково христианство грешно выгубляти», за что его, героя русско-турецкой войны, наградят пожизненным заключением в Соловках. Решимость придавала только «старая вера». Именно поэтому при уничтожении станиц, когда всех поголовно вешали, старцев — учеников Аввакума выделяли четвертованием.

Последнее, третье войско, ушедшее с Некрасовым на Волгу, и отдельные мобильные отряды продолжали сопротивление, нанося порою чувствительные удары царским войскам, но сопротивление это становилось все бессмысленнее по мере того, как Долгорукий методично превращал донские земли в пустыню. «В Есаулове сидело 3000 человек — и штурмом взяты, и все перевешаны, только из помянутых 50 человек за малолетством свобождены. В Донецком сидело 2000 человек, такоже штурмом взяты, и многое число побиты, а достальные все перевешаны». Оставшихся в живых женщин и детей забирал в рабство калмыцкий князь Аюка. Может быть, это была для них лучшая судьба — известно, например, что жену и мать атамана Никиты Голого утопили в речке Тихой только лишь за то, что не могли поймать самого Никиту. Впоследствии, подводя итоги своей жизни, князь В. В. Долгорукий составит... не синодик, как Иван IV, а — в духе времени — своего рода бухгалтерскую ведомость загубленных на Дону душ, из которой получится итоговое число 23 500. Число, как видим, сопоставимое с общей численностью казаков, а князь еще жалуется на плохую память: «не упомню, сколько числом людей и городов». Для сравнения: захватив врасплох отряд Ю. Долгорукого, булавинцы убили семнадцать человек; после взятия Черкасска 6 мая 1708 года казнено шесть человек, после взятия Некрасовым Царицына — пятеро.

В конце концов Некрасову удалось сделать то, что с самого начала им замышлялось с Булавиным на случай поражения — пробиться на Кубань. Туда казаки прибыли не как беглецы, а как войско — со знаменем и семью пушками. За войском следовали жены и дети.

Семья старообрядцев.
Фото М. Дмитриева.

В низовьях Кубани, на холмах в 30 верстах от моря Некрасов построил три укрепленных городка, непрестанно пополнявшихся беглыми из России, и пытался возобновить военные действия, но каждый раз терпел неудачу. Впрочем, этот замечательный атаман, кажется, единственный, по имени которого названо целое войско и к которому, по преданию, сама «царица Катярина» засылала сватов, вошел в историю не столько воинскими успехами, сколько законодательством своей Кубанской республики — так называемыми «заветами Игната».

С Кубани некрасовцы расселялись в Добруджу, в устье Марицы, в Анатолию — и везде сохраняли память об Игнате. По заветам его — «неправедно нажитое впрок не идет» — некрасовцы не грабили даже неприятеля, а турки поручали им охрану воинской казны. Помогать бедным можно было только тайно (явно помогал круг). В «славном войске Кубанском» грамотность считалась обязательной, во всяком случае среди мужчин — с восьми до двенадцати лет мальчики посещали школу при церкви, а с двенадцати до восемнадцати обучались воинскому мастерству. Неграмотные казаки не могли бы решать на кругу серьезные вопросы,— например, церковные, богословские. (Напомним, что всеобщее образование — важнейшее последствие церковной Реформации.) Впрочем, грамотны были и многие женщины.

«Заветы» сохраняли общину от раздоров — произнесший за столом неприличное слово выводился есаулом за ворота и там получал тридцать ударов розгами.

Автору этих строк посчастливилось быть гостем некрасовцев, возвратившихся при Хрущеве в Ставропольский край. Здесь можно было услышать немало удивительного,— например, о двух церквях, построенных при советской власти (таково было непременное условие возвращения), и увидеть их. А вот такой эпизод из жизни некрасовцев: к совхозному трактористу приходит делегация односельчан и сообщает, что ему доверено быть священником. Далее епархии остается только получить нового батюшку,— что нетрудно, поскольку все старообрядцы прекрасно знают богослужение,— и рукоположить. Вспоминаю и то, что видел собственными глазами: проводы в армию одного из молодых некрасовцев. Две сотни гостей, изобилие — как в былинах о Владимире Красное Солнышко, прекрасные собственного изготовления вина, музыка — от XVII века до рок-н-роллов, и вот уже после полуночи я с удивлением замечаю, что пьяных на про́водах от силы двое, это приятели уходящего на службу молодого человека по техникуму, не некрасовцы. На свой недоуменный вопрос я получил лаконичный исчерпывающий ответ: «Пьяниц наши казаки не уважают».

Видимо, и пьяное скотство, и рабская покорность — вовсе не качества национального характера, а порождения определенного социального порядка. И не подчинившиеся этому порядку казаки как раз сохранили тот тип свободного русского человека: гордого, смелого, предприимчивого — которого так недостает сегодня России.

Конечно, с них тоже не следовало бы писать икон: их образ мыслей был и оставался средневековым. Когда последний их знаменитый атаман Осип Гончаров из Добруджи исполнил то, о чем сто лет мечтали некрасовцы,— завел собственную епископскую кафедру (выкрав из стамбульской тюрьмы опального митрополита Боснии Амвросия и убедив того перейти в старообрядчество),— добрая половина казаков отказалась принять митрополита, поскольку тот-де «крещен в елинской ереси». Но откуда мог атаман взять им другого митрополита, если архиереи в старообрядчестве перевелись еще в булавинские времена? Гончаров был знаком с Луи Наполеоном, Герценом и Огаревым, но это был уже диалог между разными эпохами — стороны не понимали друг друга. Хотя искренняя вера не препятствовала казакам состоять на службе у султанов (по принципу «у нас — своя церковь, у них — своя») и участвовать в войнах, не более справедливых, чем царские. Правда, Порта демонстрировала куда большее уважение и к ним, и к их союзникам по Булавинскому движению — запорожцам, тоже перешедшим в XVIII веке в турецкое подданство: гарантировали полную автономию, не вмешивались в их религиозные дела и даже обязательный налог с немусульман с них не взимали.

А на Дону после ухода Некрасова настал черед тех, кто надеялся вовремя переметнуться на сторону сильного. Илья Зерщиков был казнен немногим позже булавинцев, взятых с оружием в руках. Он вел собственную игру и тем доставил царю победу. Но игры с царем для казаков кончились. В истории Войска Донского открывалась новая глава — или просто новая история? — уже не республики вольных людей, а одного из механизмов грандиозной государственной машины.

Все, что здесь написано,— написано не для того, чтобы опорочить Петра Великого. О Петре опубликованы фундаментальные труды и высказаны противоположные суждения крупнейшими нашими историками (Соловьев — Ключевский) и писателями (Пушкин — Толстой). И сегодня трудно не согласиться с тем, что говорит В. Б. Кобрин: «Когда Петра осуждают — мне хочется его хвалить, когда хвалят — хочется ругать». Личность эта слишком многогранна для однозначных оценок. (Хотя по-человечески, в непосредственном бытовом общении Ленин был все-таки значительно симпатичнее.) Я хотел сказать о другом — гражданская война 1708—1709 годов для русского народа закончилась поражением вне зависимости от того, кто оказался победителем. Ибо европейское просвещение, насаждавшееся Петром и его наследниками, было просвещением привилегированных, отчего унижение «всей черни» только усугублялось. И «бессмысленный и беспощадный» бунт 1917 года, многократно предсказанный нашими поэтами и писателями — от Радищева, Пушкина и Лермонтова до Блока,— явился закономерным, хотя и запоздалым эхом салютов по случаю великих побед над собственным народом.

Что же касается переименований, то я не имею ничего против возвращения городу на Неве имени Петра, но не потому, что Петр Романов был лучше Владимира Ульянова, а лишь потому, что именно Петр повелел основать этот город. (И назвал его, если быть точным, в честь своего небесного патрона.) Если, конечно, у ленинградцев не найдется к тому времени более неотложных забот.●

Вести с противоракового фронта

Есть место и для лекарственных трав

В незатихающую битву с раком включается и индийская народная медицина аюрведа, которая в последнее время становится все более популярной в мире. По мнению одного исследователя из Гарварда, аюрведское средство «амрит-калаш», состоящее из экстракта сорока девяти индийских лекарственных растений, способно предотвращать онкологические заболевания. Благодаря этой смеси риск развития рака уменьшается в восемь раз, а иммунная устойчивость организма вчетверо увеличивается.

Проверку этого средства проводили в американских и японских клиниках. Препарат не дает никаких неблагоприятных побочных эффектов. Характерная его особенность в том, что он связывает в клетках организма свободные радикалы, вызывающие патологические изменения.

Распознать вовремя

Группа ученых из Израиля разработала исключительно эффективный метод диагностики раковых заболеваний. Он не нуждается в биопсии и позволяет зарегистрировать заболевание на очень раннем этапе.

Метод основан на структурных изменениях, которые наступают в лимфоцитах, «встречающих» раковые антигены. Эти изменения становятся заметными, если лимфоциты предварительно пометить специальной флуоресцентной краской, а затем осветить лазерным лучом. Следовательно, рак диагносцируется только по пробе крови.

При исследовании двух тысяч пациентов, больных раком прямой кишки, легких и молочной железы (около девяноста процентов всех раковых заболеваний), метод неопровержимо доказал свою точность в девяноста восьми процентах случаев.

Фирма «Эзраили эркрафт индастриз» разработала автоматизированную систему, которая сможет исследовать 120 проб крови в час.

Эта болезнь стара как мир

Двое западногерманских антропологов поставили под сомнение общепринятое утверждение, будто в наше время люди гораздо чаще умирают от рака, чем в далеком прошлом.

Ученые исследовали останки восьмидесяти человек из одного погребения недалеко от нынешнего Штутгарта, живших семь тысяч лет назад. Оказалось, что и во времена неолита рак мягких тканей, легких, грудных желез и других органов был довольно распространенным заболеванием. Между прочим, все умершие от рака из этого погребения не дожили до тридцати лет!

Виновата ли депрессия?

Широко распространено мнение, что депрессия может вызывать рак. Однако результаты эпидемиологического исследования шести тысяч девятисот тринадцати человек, проведенного в американской клинике, показали, что такой зависимости нет. В группе с симптомами депрессии различными формами рака страдало одиннадцать процентов, а в группе без таких симптомов — десять процентов.

Впрочем, некоторые специалисты не согласны с выводами этого исследования, поскольку в нем не учитывалось соотношение при каждом отдельном виде рака. А некоторые виды его могут все-таки зависеть от таких состояний, как стресс и депрессия.

Диагноз по волосам

Интересное открытие в области диагностики и профилактики раковых заболеваний сделал китайский ученый Чен Сянфа с группой коллег из Нанкинского университета. Специалисты установили, что в волосах больных раком содержится меньше ниобия. К этому выводу они пришли, исследовав образцы волос, взятых у 1036 здоровых и 3111 больных людей. Китайские специалисты считают, что чем тяжелее заболевание, тем ниже содержание ниобия в волосах.

Мозаичное панно на здании фундаментальной библиотеки Второго медицинского института в Москве. Художники — С. Щербинина, Л. Полищук. Фото В. Дзегузе

НАУКА И ОБЩЕСТВО

Г. Львов

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА в красно-зеленых тонах

Радиофобия — ярлык или диагноз?*

Казалось бы, причин враждебного отношения к атомной энергетике искать не приходится — всему виной Чернобыль, случившийся к тому же в начале эпохи перестройки и гласности. Однако за время перестройки и гласности, к несчастью, произошло достаточно других технических катастроф, порой не менее серьезных, с сотнями и тысячами жертв (взрыв вагонов в Арзамасе, столкновение «Адмирала Нахимова» и «Петра Васева», крушение экспресса «Аврора», трагедия с продуктопроводом под Уфой), немало природных катаклизмов (землетрясения в Армении и Таджикистане, снежные лавины в Сванетии, оползни в Грузии и ураганы на Дальнем Востоке). Почему же в ответ на них не родилось даже слабого общественного движения за безопасность железных дорог или водного транспорта, за сейсмостойкое строительство, за переселение людей из районов с экстремальными природными условиями?

Атомная энергетика попала под огонь всеобщей критики в силу целого ряда особых причин — политических, социальных, психологических. Прежде всего она, как и достижения в исследовании космоса, всегда служила одним из самых ярких и часто употребляемых доказательств успеха социалистического строя. Неудивительно, что теперь, когда мы во многих отношениях пересматриваем недавнюю историю, атомная энергетика в некотором смысле расплачивается за былую популярность. К тому же в атомных отраслях до сегодняшнего дня сохраняется плотная завеса секретности, а по степени централизации власти при принятии решений, как отмечают и наши, и зарубежные «зеленые», эта область почти не отличается от военной, что теперь тоже не прибавляет ей симпатий и доверия.

Многие годы наша пропаганда вела борьбу за мир, предостерегая от ужасов ядерной войны и почти не вспоминая об ужасах войны обычной. В результате у людей возник чуть ли не подсознательный страх перед радиацией — единственным принципиальным различием этих двух трагедий.

Особое отношение к радиации вполне объяснимо. Об этом явлении люди узнали сравнительно недавно, в обыденной жизни с ним не встречаются, да и понять его особенности, оставаясь в рамках привычных представлений, сложновато — квантовомеханическое описание ядерных взаимодействий, вероятностные законы распада... То ли дело обычное оружие или яды — человечество живет с ними века, уже «приспособилось».

Боязнь радиации в первую очередь связана с ее невидимостью, неслышимостью и неосязаемостью: сочетание таких свойств рождает у обычного человека ощущение невозможности контролировать ситуацию и управлять ею. Действие этого мощнейшего психологического фактора усугубляется тем, что большинство людей считает радиацию в отличие от других вредных факторов неуничтожимой — мы ведь не в силах изменить законы радиоактивного распада. Отсюда почти автоматически делается вывод о неотвратимости радиационной опасности. Как назло, впечатление о связанном с радиацией слепом и неумолимом роке усиливается тем, что при низких уровнях облучения тяжесть последствий зависит от дозы случайным образом, а проявляются они зачастую в виде злокачественных новообразований — неизлечимых заболеваний, вызывающих особый страх.

У радиоактивного загрязнения есть и еще одно свойство, словно специально предназначенное для того, чтобы делать его источником постоянной и всеобщей тревоги,— длительность во времени и значительная протяженность в пространстве. Сравнение, к которому часто прибегают специалисты, — риск погибнуть от дополнительного облучения, связанного с существованием атомных отраслей, и в автомобильной катастрофе — мало в чем убеждает население: радиоактивное загрязнение Украины, Белоруссии и некоторых областей РСФСР ощущают постоянно миллионы людей, тогда как свидетелями автокатастрофы оказываются лишь десятки. Поэтому чернобыльская трагедия, ставшая непосредственной причиной гибели 31 человека, воспринимается как значительно более тяжелая катастрофа, чем взрыв продуктопровода, унесший жизни тысячи человек.

Особая проблема атомной энергетики — захоронение радиоактивных отходов — также связана с существованием изотопов, живущих многие тысячи и даже миллионы лет. Сколько бы специалисты ни повторяли, что они давно знали об этой опасности и искали меры борьбы с ней, что разрабатываются надежные методы захоронения, а пока за отходами ведется постоянный контроль, это не успокаивает людей — гораздо сильней на них действует сознание того, что невозможно с абсолютной точностью предсказать, как будут развиваться события через десятки тысяч лет. В дело опять вступает чисто психологический фактор «принципиальной неустранимости» опасностей, связанных с радиацией.

В общем, можно найти массу причин, обусловливающих особое, почти мистическое отношение неспециалиста к радиации. Все вместе они приводят к тому, что зараженные радиоактивностью территории воспринимаются как «зона», описанная в романе Стругацких «Пикник на обочине»,— некая загадочная и опасная местность, где не действуют привычные нам законы и где любой поступок может вызвать совершенно неожиданную, в принципе непредсказуемую реакцию. А что может быть страшнее для современного человека, воспитанного в сознании всемогущества своего разума, чем ситуация, в которой он не может не то что влиять на ход событий, но даже предвидеть его?

Когда невозможно положиться на свои знания и логику, во многих людях просыпается особый тип мышления, обнаруженный известным французским антропологом Л. Леви-Брюлем в некоторых первобытных обществах и названный пралогическим. Среди особенностей пралогического мышления — детерминизм (для пралогика не существует случайностей), мистицизм (любое непонятное событие пралогик объясняет целенаправленным влиянием не известных нам причин), нечувствительность к противоречию. Каждая из этих особенностей в той или иной мере проявляется в спорах об атомной энергетике и радиации. Но особенно ярко обнаруживается такое уникальное свойство пралогического мышления, как партиципация, то есть представление о том, что свойства объекта могут передаваться другим при физическом контакте с ним. Типичные примеры — боязнь контактов с чернобыльцами, высказанное частью киевлян нежелание вселяться в квартиры, временно предоставленные эвакуированным жителям Припяти, или пользоваться находящимися в этом районе банями (такие опасения не исчезали и после объяснений, что в подобных условиях

---

* Окончание. Начало — в «Знание — сила», № 11 за этот год.

Заставка В. Бреля

радиоактивное загрязнение исключено). Говоря о пралогическом мышлении некоторых людей, я вовсе не хочу сказать о них что-то обидное — в известной степени пралогическое мышление свойственно каждому из нас, и его нетрудно обнаружить в большинстве примет и суеверий. Этот далеко не профессиональный психологический анализ преследует лишь одну цель — помимо социальных причин радиофобии, о которых уже много сказано, указать на ее особые психологические корни, пока остающиеся в тени.

Вообще говоря, радиация — не такое уж особое явление, как это представляется на первый взгляд. Какое бы из ее «принципиальных отличий» от других вредных факторов мы ни рассмотрели более внимательно, оно не окажется действительно принципиальным. Невидимость, неслышимость и неосязаемость характерны для многих опасных воздействий, — скажем, окись углерода, от которой издавна угорали в русских избах, человек способен обнаружить ничуть не больше, чем гамма-кванты, а приборы для измерения концентрации нитратов и нитритов ничуть не проще дозиметра. Огромная численность тех, кому угрожает чернобыльское радиоактивное заражение, его протяженность в пространстве и длительность во времени тоже, к сожалению, не уникальны — кто знает, сколько людей в нашей стране страдает от окислов азота и серы или выхлопных газов, сколько земли безвозвратно потеряно под водохранилищами равнинных ГЭС и когда мы забудем о трагедии Арала? Неуправляемость радиоактивного распада ничуть не фатальнее, скажем, неспособности молекул ДДТ разлагаться в биосфере. К тому же любой радионуклид можно превратить в другой под пучком ускоренных частиц (иное дело, что их технически невозможно собрать с обширной территории, но ведь не проще собрать и свинец, оседающий по обочинам автодорог). Наконец, неотвратимость последствий облучения, действительно существующая для больших доз, вполне сродни неотвратимости гибели от СПИДа, и не случайно в странах, где это страшное заболевание распространено, замечают признаки спидофобии, весьма напоминающей радиофобию, о которой мы говорим.

Не хочу сказать, что радиация — явление безобидное и безопасное. Но сколько рядом с нами других серьезных опасностей, о которых почему-то забывают! Конечно, нужно беспокоиться о радиационной защите населения, о здоровье облучившихся или тех, кто еще может облучиться. Однако одновременно и соразмерно нужно беспокоиться о всех других вредных факторах, от химических загрязнителей до плохих жилищных условий, влияющих на здоровье людей. Трезво взвешивая эти факторы, придется признать: мы погибнем не от радиации, а от той колбасы, которую сегодня приходится покупать в магазинах, или от того, что и она исчезнет.

Наука и общественность

Стóит отдельного разговора еще одна особенность «зеленого» движения вообще и прежде всего противников атомной энергетики — нескрываемое недоверие не только к специалистам или ученым, но и к самой науке, ярко выраженное, например, Ю. Щербаком в повести «Чернобыль»: «Вместе с перекрытием четвертого блока рухнула наша вера в науку». Разумеется, в наши дни никто не выступает против науки прямо, однако то и дело с самых разных сторон раздаются голоса о ее ограниченных возможностях, призывы дополнить ее интуицией, религией, моралью (и еще чем-нибудь по вкусу) или взять под строжайший контроль.

Похоже, что в нашей стране у антинаучных настроений такие корни действительно есть. Ни в годы культа, ни в годы застоя наука как таковая в отличие от отдельных ее представителей или областей критике не подвергалась. Зато споры о ее роли в обществе активно разворачивались в периоды либерализации — и оттепели пятидесятых, и перестройки. Но любопытно, что если во время оттепели отношение к науке было восторженным, то для наших дней характерно более чем скептическое отношение к ней.

Между тем именно сегодня наука особенно нужна обществу. В ходе нынешних беспрецедентных социальных преобразований, когда одно неверное решение может вызвать лавину необратимых последствий, трудно переоценить роль объективности, поиска оптимального пути, полного и взвешенного учета множества разнородных факторов. Конечно, политическую ситуацию не смоделируешь и на суперкомпьютере, и никакая даже самая передовая общественная наука не подскажет руководителям страны конкретных решений на ближайший час, день, месяц. Но сегодня был бы ценен и один только дух объективности, присущий науке и выходящий из моды стараниями ее критиков. Почему же восторжествовала пренебрежительная или, в лучшем случае, снисходительная оценка возможностей науки?

Ответ довольно ясен: разное отношение к науке при оттепели и перестройке непосредственно коррелирует с разной глубиной реформ в эти два периода. Если в пятидесятых — шестидесятых годах страна собиралась, быстренько очистившись от скверны, построить светлое будущее для своих уже родившихся детей и в этом отношении сильно рассчитывала на помощь химии, физики, космических исследований, то сегодня нам хоть бы выбраться из кризиса с минимальными потерями. И хочется не слушать новые обещания, а найти когонибудь, кто ответил бы за невыполнение старых. Ну а что в числе первых подозреваемых оказалась интеллигенция вообще, и научная в частности, вряд ли удивит человека, знакомого с историей нашей страны.

Да и трудно обвинять людей в предвзятом отношении. В конце концов не зря же мы всегда повторяли, что на основании самой научной в мире доктрины самым научным в мире путем идем к самому научному в мире коммунизму. Замечательную шутку Ландау о том, что науки бывают естественные, неестественные и противоестественные, знает далеко не каждый. Зато каждый может увидеть, куда завел нас самый научный в мире путь, так что оценка одного семейства наук автоматически распространяется и на другие, в том числе естественные.

Это, конечно, неприятно. Но гораздо неприятнее и, главное, опаснее, что, хотя разговоры о научности нашей идеологии сегодня стихли, подмена ответственности продолжается, судя по всему, не случайно. За примером вновь обратимся к близкой теме — аварии на Чернобыльской АЭС и ликвидации ее последствий.

Вину за эту грандиозную катастрофу можно было бы возложить на науку целиком и безраздельно, если бы она стала результатом ошибочных теорий, недобросовестных научных исследований или хотя бы ограниченности наших знаний. Однако анализ причин аварии показывает, что она не открыла ученым ни одного нового эффекта, ни одного явления, которое нельзя было бы описать в рамках прежних научных представлений. Наоборот — особый трагизм происшедшего в том и состоит, что наших знаний о физике реактора вполне хватило бы, чтобы предотвратить катастрофу, если бы только мы ими в полной мере воспользовались. Ведь недостатки реактора РБМК, о которых так много говорят, носят не столько научный, сколько инженерно-технический характер. Авария показала неприемлемость наших представлений не о физике реактора, но о принципах конструирования и эксплуатации ядерных установок. А принципы эти определялись у нас не столько научными, сколько экономическими, а то и политическими соображениями.

Примерно такая же картина и с ликвидацией последствий аварии. Мы много читали и читаем о задержках с переселением людей из пострадавших областей, о сокрытии информации, о миллионах, затраченных на строительство новых поселков в зараженных зонах, которые так и не придется заселить. Наука ли виновна во всем этом? Да, недостаток чисто научных знаний в первые месяцы после аварии ощущался, и некоторые из принятых тогда решений (засыпка шахты реактора с вертолетов, сооружение защитных дамб и стен в грунте) кажутся сегодня пусть не ошибочными, но спорными. Но даже если какие-то не вполне оправданные действия и предпринимались по незнанию сразу после взрыва, их вред нельзя сравнить с ущербом от неорганизованности, безответственности и показухи, успевших проявиться за последующие четыре года.

Самый сложный вопрос — о величине допустимой дозы облучения и критериях отселения. Здесь ученым действительно можно бросить упрек в том, что им плохо известны результаты длительного действия малых доз радиации. Но нужно помнить, что эти данные — не из тех, которые можно с легкостью проверять и перепроверять на мухах и крысах. А немногочисленные сведения об облученных людях — будь то работники атомной промышленности, участники военных учений со взрывом атомной бомбы в 1954 году или жители Южного Урала, где в 1957 году произошла радиационная авария, а до этого в местные реки и озера сбрасывались радиоактивные стоки, — по понятным причинам были недоступны для открытого научного обсуждения.

И недоверие к ученым, и неоправданные претензии некоторых из них на владение критериями добра и зла во многом объясняются непониманием того, что общество вправе ждать от науки. Наука — не более чем гигантский суперкомпьютер: она может рассчитать формализованную задачу, но морально-этические задачи не формализуются в принципе; она может снабдить справочной информацией, но этой информации обычно недостаточно для принятия сложных решений. Такие решения в любом случае придется принимать всему обществу, и оно не сможет переложить бремя ответственности за них только на ученых — ни на хороших, ни на плохих.

Мучительный подъем

Тому, кто пытается разнять двух дерущихся, обычно достается от обоих. Видимо, и в этой статье многое вызовет неудовольствие как «красных», так и «зеленых». Но автор взялся за эти заметки из уверенности не в том, что он понимает ситуацию лучше тех и других, вместе взятых, а в том, что, только отказавшись от такой дихромной палитры, можно найти выход из кризиса. Главный аргумент в пользу такого вывода — абсолютная безуспешность длительной и активной дискуссии сторон.

Любой непредвзятый человек, хоть немного углубившийся в эту проблему,

убеждается — истина не справа, не слева и даже не посредине. Ее сейчас просто нет. И хотя по правилам формальной логики одно из двух противоположных утверждений должно быть верным, а другое ошибочным, нетрудно понять, что обоснованный выбор между позициями типа «у ядерной энергетики нет альтернативы» или «в XXI веке не будет места ядерной энергетике» сегодня сделать нельзя.

Как же быть, что же делать в такой неизвестности? Да ничего, просто жить. И, как в незнакомом темном месте, избегать резких движений: не закрывать в этом году все действующие АЭС и не строить к следующему пятьдесят новых. Жизнь сама подскажет, как поступать в конкретных обстоятельствах. Там, где атомные станции будут действительно нужны, население рано или поздно поймет это и поддержит строительство; там же, где население категорически против, их и строить нечего.

Многие не согласятся с таким простым подходом. Дескать, разве можно отдавать наше будущее на откуп стихии общественных пристрастий? Разве можно жить без цели, без плана, без программы? Конечно, нет. Но вопрос — в обоснованности, гибкости и степени детализации планов и программ. Как показывает наш собственный опыт, слишком долгосрочные и определенные планы не столько приводят к цели, сколько уводят от нее.

Нам очень трудно отказаться от великих целей и научно обоснованных планов. Нам трудно подавить в себе смутное презрение к живой жизни и избавиться от романтического искушения «переделать мир», обойдя на повороте тех старомодных философов, которые все пытаются различным образом объяснить его (ничего, что сами мы его очень смутно понимаем).

Во многих математических задачах приходится искать экстремум,— скажем, самую высокую точку на некоторой сложной поверхности. Здесь можно действовать двумя способами. Первый: составить уравнение, абсолютно точно описывающее поверхность, и аналитически решить его. Так мы узнаем координаты высшей точки и сможем «гигантским скачком» махнуть прямиком к ней. Второй способ: начиная с того места, где мы сейчас находимся, двигаться маленькими последовательными шагами, направляя их всякий раз в ту сторону, где поверхность поднимается наиболее круто. Этот способ, названный «движением по градиенту», очень долог и скучен, первый гораздо эффектней. Но вот беда — сложные уравнения чаще всего не имеют аналитических решений. В то же время именно благодаря «движению по отрицательному градиенту» волжская вода находит путь от тверских болот к Каспийскому морю.

Не стоит думать, что, создав новые ЭВМ, разработав более совершенные математические модели или лучше изучив ситуацию, мы научимся строить более точные перспективные планы и избавимся от мучительного хождения «по градиенту». В достаточно сложной системе, какой является современное технически развитое общество, многое зависит от наших собственных будущих поступков и взглядов, которые сегодня невозможно предугадать. Как в квантовой механике, где прибор исследователя в процессе опыта изменяет характеристики исследуемого объекта, здесь цели общества изменяются в процессе приближения к ним. И отказ от дальних планов вовсе не означает отказ от научного подхода к общественной жизни, напротив: истинная наука никогда не берется за слишком многое, а настоящий ученый всегда помнит о границах своего знания. Если же все эти рассуждения не покажутся убедительными, достаточно будет вспомнить наш исторический опыт. Вот уже восьмой десяток лет мы стремимся к прекрасной дальней цели, тогда как большинство других государств потихоньку шагает «по градиенту», подчиняясь двум стихиям — рынка и текущей политики. И кто же где оказался?

Если мы решимся признать «градиентный» подход, предложения «красных» и «зеленых» перестанут быть альтернативными путями развития, а станут двумя наборами аргументов — из тех, которые нужно принимать во внимание при каждом шаге. Тогда и «красные», и «зеленые» смогут одновременно играть общественно полезные роли.

«Зеленые», скажем, будут осуществлять постоянную независимую общественную экспертизу научно-технического прогресса, искать конкретные ошибки и защищать интересы конкретных групп населения. Такая работа требует высокой квалификации, серьезного подхода и огромной затраты сил; возможно, далеко не все из тех, кто сейчас так легко срывает аплодисменты на экологических митингах, окажутся к ней способны. Но это и к лучшему: мы тогда приблизимся к развитым странам, где крайние взгляды «зеленых» безоговорочно поддерживает не так много людей, как у нас, зато к их взвешенным предложениям внимательно прислушиваются даже самые опытные специалисты. Правда, «зеленым» нужно стать профессионалами достаточно быстро, чтобы падающая со временем политическая польза от демократизма их позиции не оказалась перекрыта растущим со временем экономическим вредом от экстремизма некоторых их требований.

«Красные» же смогут заняться своим любимым делом — рассказывая о чудесах научно-технического прогресса, добиваться от общества финансирования различных исследовательских программ. Это тоже весьма важная и необходимая социальная роль. Главное, что им будет нужно убедить не нескольких Лиц, Принимающих Решения, как раньше, а все население, местные Советы, парламент. Для этого им придется кардинально изменить систему управления атомной энергетикой,— как сейчас принято говорить, перевернуть пирамиду власти,— чтобы первоначальный толчок любой затее давала потребность рядовых жителей какого-то региона, а не интересы абстрактных институтов: государства, ведомства, промышленности. Без этого не помогут никакие информационные центры, междуведомственные советы по связям с общественностью и самые убедительные статьи. Наученные трагическим опытом, люди не поверят гигантскому закрытому министерству, и вполне обоснованно — дело не в его якобы существующей злой воле, а в неспособности, даже при всем желании, безопасно и грамотно управлять сложнейшей областью науки и техники. У атомной энергетики сейчас нет иного выхода, как стать самой «перестроечной» отраслью в стране.

Пока трудно даже представить, какой должна быть структура общественно управляемой и общественно проверяемой атомной энергетики. Вот на решение этого важнейшего вопроса и направить бы немалые силы, уходящие сейчас на не слишком плодотворную полемику «красных» и «зеленых». Поскольку «красные» заинтересованы в этом решении даже больше, чем «зеленые» (иначе им грозит полное и окончательное поражение), они могли бы именно здесь показать пример конструктивного и профессионального подхода к делу.

Каким же будет мир, в который «по градиенту» придут наши дети или внуки? Прогнозы делать еще сложнее, чем в отношении атомной энергетики. Можно лишь надеяться, что он окажется достаточно разнообразным и многоцветным, чтобы его невозможно было описать никакими двумя красками, в том числе красной и зеленой.

На страх насекомым

Садоводы широко применяют различного вида пленки для мульчирования грядок с полезными растениями. Это помогает поддерживать нужную температуру почвы, предотвращать вымывание удобрений и испарение влаги. Всеми этими качествами обладает и многослойная полиэтиленовая пленка с примесью неорганического заполнителя, которую выпускает японская фирма «Сумитомо Кемикл». Но у нее есть еще одно полезное свойство. Она отражает ультрафиолетовые лучи определенного диапазона, которые отпугивают насекомых, особенно тлей и трипсов.

По второму кругу

В прошлом году в США было продано более одного миллиона тонн молочных бутылок и прочих емкостей, изготовленных из полиэтилена, то есть почти по четыре с половиной килограмма на человека. И все это выбросить на свалку? Только не в США! Теперь здесь из полиэтилена делают множество вторичных изделий. Конечно, прежде нужно отделить этот утиль от других отходов. В городе Нейпервилле жителей попросили выставлять использованные бутылки из пластмассы на обочину улицы, где их и подбирают для вторичной переработки. За неделю набирается около тонны полиэтилена, из которого изготавливают прекрасные пластмассовые доски, причем любого цвета. Из таких досок можно сделать парковые скамейки или настилы для пирсов. В отличие от обычных эти доски не гниют, с них легко смываются и стираются любые краски, их поверхность не становится скользкой от влаги, а цветные доски не требуют дополнительной окраски. Правда, есть у них и недостаток: они вдвое дороже деревянных строительных материалов. Но со временем, когда производство таких досок значительно увеличится, цены должны снизиться. Изготавливают из использованных пластмассовых бутылок и многие другие предметы: игрушки, цветочные горшки, дренажные трубы, кухонную утварь, урны для сборки мусора.

СВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

Когда набирался этот текст,
Мераб Константинович Мамардашвили
был еще жив.
Сейчас его размышления
прочтутся совсем по-другому.
Начинается иная жизнь
подлинного философа.

Философия — упражнение
в смерти и умирании.
Платон

М. Мамардашвили

Называть вещи своими именами

Сегодняшние призывы к «духовности» — чаще всего есть выражение состояния людей, которые не хотят знать реальности, объективных отношений, действительного положения вещей. О действительности у нас вообще говорят на каком-то странном, искусственном, заморализованном языке, пронизанном агрессивной обидой, что она осмеливается проявлять себя как действительность независимо от злых или добрых намерений.

Мы постоянно пытаемся жить в идеологической, «нравоучительной» традиции, где мысли возникают не по законам самостоятельной работы мысли, то есть в отмененной реальности. И поэтому совершенно противоположные, исключающие друг друга вещи раздирают наши души. Мы не хотим знать, что есть какие-то объективные законы, по которым все будет происходить независимо от нашего морализаторства и одергивающих заклинаний.

Сегодня многие оглушают себя, например, словом «держава». Но есть ли на самом деле держава или есть только державно-ностальгические чувства? А она сама — призрак, тень? Я не отрицаю силы тени (как бы горло друг другу не перегрызть в ложной борьбе теней), но это сила тени, то есть того, что существует только отрицательно. Если перестаешь называть вещи своими именами, так как это может быть оскорбительно для возвышенных чувств или идейных иллюзий, ты — уже жертва реальности, слепая, глухая жертва, и источник зла заключен уже в тебе самом. Потому что тени — словесные ловушки, которые уничтожают в своем пространстве любые возможные семена для кристаллизации социального развития, поиска вариантов, альтернатив, новых форм бытия. Тени борются одна с другой. А человеческий разум не может рассеивать тени, он не создан для этого и может бороться лишь с реальным противником. И если он будет слишком усердно бороться с тенями, принимая их за реальность, то сам себя разрушит.

Задача сегодня состоит в том, чтобы начать называть вещи своими именами. И противопоставлять этой работе какую-то предполагаемую «народную нравственность» — значит оказаться в первобытном, дохристианском состоянии магического мышления, которое душит любое человеческое чувство, в том числе, например, национальное.

Сейчас у нас любят противопоставлять «потребительской» и «массовой» культуре (приписываемой чаще всего зарубежному влиянию) исконно нравственные ценности. Но делают это, как правило, носители совершенно невежественной и косной силы, какими бы добрыми намерениями они ни руководствовались и что бы при этом ни думали о себе. Они могут сколько угодно защищать свой народ, любить его. Но в действительности они его, на мой взгляд, предают. Потому что все те продукты, которые называются «современной цивилизацией», есть продукты длительного (и на большом пространстве) действия личных начал культурной жизни, индивидуальных начал.

С тех самых пор, как существует евангелическая точка отсчета, мировая история, существует и одна простая закономерность: реальная культура, человеческая духовность не исчерпываются и не могут быть ограничены тем этническим материалом, в котором они выполняются. Любая социальная или национальная общность, как бы она ни была велика, даже если бы она была единственной, все равно остается частностью, отдельностью, а не универсальностью. А личностные начала «зацеплены» именно на универсальное, поэтому они и являются условиями нормального существования, полноценного и живого функционирования национального характера.

Я сегодня вижу, как советский феномен распространяется и на Грузию. Прежде мы знали, что можно, конечно, запретить высказывать мысли и чувства, но нельзя запретить мыслить и чувствовать по-своему. На этом основана вся классическая культура. Но опыт XX века показал, что можно вторгнуться и в сами источники мыслей и чувств, подрубить саму возможность мысли, саму возможность чувствовать по-своему.

На мой взгляд, сегодня наши национальные культуры подвергаются именно такой вот опасности. Если истребить в нации личностные начала, которые вненациональны (и являются историческими началами человека как такового, независимо от его этнической принадлежности), то лучшие черты нации исчезнут. Именно личностное начало — основа духовности, для которой выше родины всегда стоит истина. Кстати сказать, это христианская заповедь. И лишь личность способна искать ее и высказывать «с последней прямотой». У меня возникает вопрос: многие ли грузины способны сегодня поставить истину выше видимого интереса своей родины? А если могут, то они плохие христиане.

Безусловно, Грузия могла бы существовать самостоятельно. Да, экономика ее развалена, но ставить вопрос так, что она не могла бы быть самостоятельной, суверенной по этой причине, неправильно. Это — ложная постановка вопроса. Действительная же проблема состоит в том, чтобы, по выражению Ильи Чавчавадзе (а он был человеком европейской ориентации, и даже автономное пребывание внутри России для него имело смысл лишь как путь к воссоединению с Европой), «располагать собой». Грузия не может не хотеть быть свободным и независимым в государственном отношении. Мы можем погибнуть, но если мы есть, мы эту судьбу должны «выполнить». В этом наше предназначение. Оно, кстати, закреплено и в свойствах национального характера в той мере, в какой они оживляются христианскими, личностными началами нашей культуры. Правда, мера эта на сегодняшний день не слишком велика, потому что мы еще не реализовали их в современном государственном и гражданском построении.

Иначе говоря, мы сейчас находимся в дефазированном состоянии — в том смысле, что нерешенные задачи создания независимой национальной государственности накладываются на задачу превращения нации в современную, цивилизованную, то есть в общество свободных производителей, не связанных никакими личными зависимостями, привилегиями и внешними авторитетами. «Располагать собой» в современном смысле означает простую вещь: возможность и способность вести дело сообразно своему пониманию и смыслу этого дела. Когда говорят «экономическая независимость», не имеют в виду какое-либо государство, которое бы само себя снабжало и кормило. Такого вообще не существует в современном мире. Когда говорят о независимости и самостоятельности в современном смысле этого слова, то есть в смысле новоевропейского общества, подразумевают только одно: иметь право самому, без какого-либо внешнего насилия или внеделовых импульсов понимать свое дело, выбирать вид и форму своего труда, вести его сообразно со смыслом, а не по каким-либо превходящим соображениям и навязанным показателям.

Речь идет прежде всего о том, чтобы превратиться в современную, цивилизованную нацию. Быть свободным — значит иметь силу и способность быть свободным. Оставаясь внутри Советского Союза, создавать кирпичик за кирпичиком. И чтобы то же самое делали все, с кем мы живем в составе Союза. Это предполагает целый период нравственного и умственного перерождения, перевоссоздания и совершенствования самого себя. В конкретных делах. Веди себя как свободный человек — и будешь свободен.

Свобода — это сила на реализацию своего собственного понимания, своего «здесь я стою — и не могу иначе». Это — наличие каких-то мускулов, навыков, умения жить в гражданском обществе. Это не просто эмоции и своеволие, это — взрослое состояние. Нужно стать взрослыми, ибо только взрослый может быть независимым. Надо взрослеть. То есть не детскими страстями и представлениями играть, а иметь силу на мысль, на труд свободы и истории, на независимое, достойное поведение во всем, начиная с мелочей.

Один из первых философских трактатов в истории человечества — написанная на египетском папирусе «Беседа человека, утомленного жизнью, со своей душой». Он беседует со своей душой и доказывает ей, что мир плох, и поэтому он должен покончить с собой (и тем самым быстрее воссоединиться с высшим миром). Это сочетание самовлюбленности с самоуничтожением — изначальная структура так называемого мирового зла, зла, которое заключено в самом человеке. В этом смысле всякая философия есть философия, отвечающая на проблему самоубийства. И вот человек говорит своей душе, что хочет «перескочить» наверх путем самоубийства, на что душа отвечает: наверху — так же, как внизу, то есть низ должен быть так развит, чтобы на нем мог покоиться весь верх. Нет наверху, в небесах, ничего такого, что не должно было бы воплотиться в самом низу.

И нечего говорить, что все плохо. Если плохо, то потому, что ты не развил эту, земную жизнь, не сделал ее такой, чтобы она могла нести на себе верх, а там, наверху,— то же самое, что и на Земле.

Это очень древняя мудрость, известна она уже около трех тысячелетий, и не мешало бы нам о ней вспомнить. Ведь и мы хотим перескочить — через труд свободы, через бремя развития самого себя. Но это невозможно. И нужно решиться на этот труд жизни, ибо это и есть свобода, решиться — в истории, в реальности, в мелочах, в малых делах и в больших.

История — это драма свободы, в ней нет никаких гарантий. Нет и никакого самого по себе движущегося механизма истории. Каждая историческая точка окружена хаосом. Если нет напряжения труда — напряжения свободы, требующей труда — то с этой исторической точки падаешь в бездну, и не где-нибудь там, в небе или под Землей, а здесь, на Земле. Поэтому и «царство божие» — в нас самих, а не где-нибудь еще, во внешнем пространстве или в будущей отдаленной эпохе. И апокалипсис — это апокалипсис каждой минуты. Он — повсюду, он вот сейчас нас окружает, если мы не мыслим точно.

М. Чудакова

Натан Эйдельман, историк России

...и друзьям, для которых малы
Мои похвалы и мои восхваленья,
Мои славословья, мои похвалы.

Б. Пастернак

1989 год был наполнен событиями, а верней, одним непрерывным событием,— кажется, бесповоротно проснулась та страна, осознанию истории которой отдал свою недолгую жизнь Натан Эйдельман.

Лица, голоса, выкрики, экспансивные речи — невидимая и неслышимая многими прежде российская реальность рождала впечатление смуты, приводила в смятение. Натан ощущал эту смуту всем существом — историческим сознанием и интуицией историка в соединении с личным жизненным опытом российского еврея-интеллигента. И что-то противилось в отечественном воздухе последнего года его живой и сильной упорядочивающей мысли.

Натан Эйдельман будто внезапно погиб — в течение полусуток,— не исчерпав своего ума и таланта, оставив зияние в жизни многих людей. Он ушел от нас год назад, в то самое время, когда обозначилась некая черта, отделившая первые радующие годы обновления от того, что стало разворачиваться далее.

Смерть Андрея Дмитриевича Сахарова прорезала эту границу бесповоротно.

Натан все время заставляет думать о себе, как будто, помимо личного горя, он оставил нам нечто, нуждающееся в разгадывании. При жизни он загадочным не казался. Друг своим друзьям, не очень задумывающийся о врагах, он восхищал нас своей терпимостью, умением радоваться чужим успехам, любить своих талантливых современников, прощать им даже историческое невежество, даже неумение заглянуть в его же книги для пополнения знаний... Когда при нем злословили, он только посмеивался. Это была не кротость, а именно терпимость — умение войти в положение.

Граничащая с гениальностью память, почти не нуждавшаяся в подспорьях, соединялась с увлекательным для самого автора способом письма — Натан писал, тут же и размышляя, и делясь с читателями результатами размышлений. Всегда исполненная энергии мысль пульсировала на публичных лекциях и на печатной странице. К счастливым свойствам богатой натуры добавим и этот дар — отсутствие преграды между мыслью и словом, словом устным и письменным.

Только на полгода пережил он своего старшего современника и доброго знакомого В. Каверина, и я нередко думаю о них обоих, о том, что их сближало, и тогда возникает какой-то пластический образ в точном, быть может, смысле слова: «тело» их интеллекта и душевного склада было послушно лучшим влияниям времени, проминалось под этим именно давлением, давая выразительный отпечаток. Сближало их и неисчерпаемое умение найти словесный, литературный выход — найти в общественных ситуациях, многим казавшихся безвыходными. Неиссякаемым запасом страсти к самореализации как к реальному, очевидному, ощутимому результату преодолевали они энтропию отечественной жизни.

Оба хорошо помнили сталинское время и умели оценить преимущества постсталинской эпохи. «Можно работать»,— приговаривал Натан, подбадривая себя и других.

Само время толкало к экстенсивности работы. Надо было писать и писать, подтверждать свой уже завоеванный статус. Безвоздушное пространство эпохи стагнации вызывало к жизни жанры, удобные в обращении.

Натан не очень-то дорожил отдельными строчками, абзацами своих сочинений. Меня поражало в нем отсутствие злости и азарта в борьбе с цензурой — деле, самой мне казавшемся очень (может быть, и непропорционально) важным. Возможно, он глубоко верил в то, что общая пространная повествовательная ткань настроит читателя на нужную волну, поверх головы цензора, без помощи «протащенных» мимо его рук слов и словечек. Возможно также, он ощущал свою власть над словом, уверен был в непрерывном умножении своих текстов («Пусть вычеркивают — еще напишу!»).

В этом тоже видится мне сегодня нечто сближающее его с В. А. Их гибкость составляла, однако, довольно твердую основу для всех нас, их младших современников. Твердость тех, кто стремился сохранить движение гуманитарной науки в охлаждающем воздухе конца семидесятых, была в известном смысле завоевана их «мягкостью», пластичностью, умением закрепить прогрессивную и в то же время авторитетную позицию в литературной ситуации конца шестидесятых — начала семидесятых. Они воспользовались той ситуацией с большой выгодой для последующего культурного развития. Во второе послехрущевское десятилетие, оказавшееся очень трудным, мы действовали во многом за счет достигнутого ими — ими и близкими им по духу — общественно-культурного баланса: на стороне сил демократических оказался не только моральный, но и более ощутимый для власти авторитет — вес книг, вес популярности в среде читателей.

Натан — само собой, беспартийный — был чужд соблазну литературного чиновничества; ему скучна была идея официального руководства чем бы то ни было, это был вольный стрелок по натуре, а не по сложившейся ситуации. Но готовность партаппаратчиков — не махровых, конечно, а самых прогрессивных — оказать содействие вызывала у него простое чувство благодарности. Быть может, это было нечто близкое пушкинскому: «Я предпочитаю казаться легкомысленным, чем быть неблагодарным».

Природное добродушие Натана порой, не скрою, вызывало и досаду. Ю. Г. Оксман, уважавший его и любивший, замечал не без ехидства: «У Натана Яковлевича все хорошие!»

А при всем этом Натан до конца был незаменимым товарищем в любой борьбе. Надежность его была безупречной. Но имел ли он сам охоту бороться? В семидесятые годы, пожалуй, нет. Вначале было иначе, в последние годы он стал напоминать себя прежнего.

Хорошо помнится первое от него впечатление, это было, видимо, в середине шестидесятых: мы с А. П. Чудаковым пришли в тот вечер к П. А. Зайончковскому. Натан был энергичен, воодушевлен и показался жестким в лучшем смысле слова. Это нужно пояснить. Он пришел прямо с диспута в Пушкинском музее, еще не остывший от полемики с С. М. Бонди по поводу «революционности» Пушкина до последних лет жизни.

* По просьбе редакции М. Чудакова предоставила этот очерк нашему журналу. Одновременно он выходит в четвертом «Тыняновском сборнике». Рига, 1990 год.

Говорил в непримиримой интонации, посмеиваясь над профессором довольно зло — уже неприемлемый для него миф о Пушкине-революционере соединялся, по-видимому, в его восприятии со злосчастной подписью Бонди под письмом против А. Синявского и Ю. Даниэля. От всей плотной фигуры Натана, от его рыкающего баса шло впечатление мощи, неукротимого духа, умственной свободы. Это был боец; чувствовался запах пороха; видна была готовность к сопротивлению любому насилию. Сначала от П. А. Зайончковского, а позже и от него самого мы узнали о многочасовом — с 9 часов утра до 12 ночи! — допросе в КГБ в 1958 году, о его безукоризненном, судя по всему, поведении и грозившей ему в тот год тюрьме за «недоносительство» — и это совпало с обликом. Лучшее в себе тогдашнем он вскоре запечатлел в слове. Фигура декабриста — жесткого, несгибаемого противника безграничной российской власти, — изображенная с большой силой проникновения и с немалой долей отождествления, для многих, думаю, читателей соединилась с образом самого автора. Вынуждена признаться, что книга, укрепив впечатление, возникшее при знакомстве, возбудила мою становившуюся с годами все более настырной требовательность к автору, истоком которой была огромная вера в его возможности и страстное стремление видеть его идущим все выше и выше, тогда я написала ему большое письмо, где среди прочего убеждала стать Первым Историком России. После «Лунина» думалось, что для этого у него есть все основания – убрать только пустяковые внутренние помехи; важнейшей из них казалась тяга к беллетризации. Прочитав послание, он похохатывал, благодарил за похвалы, охотно соглашался с упреками: он был нисколько не амбициозен — одно из редких в нашем обществе и обаятельных качеств.

В тот год, зимой 1970—1971, Натан был на подъеме. Он разом завоевал широкую публику — дружные похвалы его книге слышались с разных полюсов: он вырвался за круг предустановленных противоположений белого черному, поразив отечественного читателя сплетениями сложностей и оттенков общественно-исторического процесса. В ту зиму он рассказывал нам с А. П. Чудаковым о начале взаимоотношений с издательством «Молодая гвардия». Тогдашний редактор популярной серии «ЖЗЛ» историк Ю. Н. Коротков (ушедший на полгода ранее Натана) предлагал ему написать биографию Герцена, и Натан почти сразу согласился. Потом, однако, они оба решили, что надо о каком-нибудь декабристе, и Натан сразу выбрал Лунина.

Его путь был во многом определен самим генезисом его подхода к историческому материалу, он одним из первых вобрал из воздуха времени новые веяния.

В начале семидесятых, рассказывая по моей просьбе свою научную биографию, Натан вспомнил первые послеуниверситетские годы, тогда он учительствовал. Он говорил лапидарно: «Назрела потребность в личностно-психологическом подходе к истории XIX века. Сломал для себя грань между объективным и субъективным. Думал — что я, что мы?»

Это была середина пятидесятых. Шла смена социопсихологического самочувствия. С детства укреплявшееся отчуждение от своей личности сменялось робкими попытками рефлексии, заглядыванием в самого себя. Для Натана эта рефлексия не осталась только попыткой. Явившаяся уже в середине пятидесятых годов, но далеко не всеми в тот момент увиденная и осознанная возможность свободного размышления мощно, в соответствии с ресурсами личности, захватила еще совсем молодого историка и перестроила, по-видимому, его мироощущение, в первую очередь сформировав новый подход к предмету профессиональных занятий.

«Каждый человек встречает на своем пути того, кого должен встретить», — говорил Натан. Двое людей — замечательных деятелей отечественной науки — сыграли в его жизни особенную роль: П. А. Зайончковский и Ю. Г. Оксман... «В тридцать лет еще ни одной печатной работы. Из школы пришлось уйти в 1958 году (после истории с «недоносительством»), пошел работать в музей, в Новый Иерусалим. Проработал там шесть лет... Все вполне соответствовало моей идее — чтобы писать, надо самому искать. Ходил по подземелью... В хранилище нашел «Колокол», к нему приплетены документы Голицына... В это время Зайончковский предложил написать книжечку в четыре листа для Учпедгиза — про Герцена.

— Петр Андреевич, я сделал открытие!

— Идите к Оксману.

Пришел. Оксман сразу спросил:

— Вы женаты? Хорошо. Значит, на девок не будете время тратить. Некоторые пишут, как ходят на работу. А вы хотите писать так, как собираются в отпуск... Вот вам тема: «Тайные корреспонденты Герцена». Кто были информаторы Герцена...

Я почувствовал себя снова мальчиком, который хотел заниматься историей! А все «взрослые» занимались не тем...»

Идея активных архивных поисков в окаменевшей советской исторической науке о новом времени (в изучении Древней Руси дела двигались) была залогом будущего успеха. Только лет через десять она стала общепризнанной, мало того, с успехом маскировала ужасающее состояние информации о содержании наших архивохранилищ. Доблесть того, кто *умеет найти*, кому помогают эрудиция, память, обаяние (в общении с работниками архивов!), радость открытий — все это поможет — да-да! — окрасить в веселые тона мрачность ситуации. Здесь один из парадоксов жизни и работы Натана.

Шел 1962 год — последний год надежд на обновление. К концу его началось похолодание общественного климата, продлившееся, как известно, двадцать два года.

Темы занятий, ставшие стержнем научной биографии, определились не только и не столько личными склонностями рвущегося к исследовательской работе историка, они были в значительной степени предопределены. С первых послереволюционных лет в Советской России было отменено, как известно, изучение отечественной истории в школах и в университетах. Хотели сменить парадигму. Стало формироваться представление об истории России как истории «освободительного движения».

В середине тридцатых годов было восстановлено преподавание в школах отечественной истории, уже к тому времени перелопаченной; восстановили и исторические факультеты. Но решительное преобладание «революционных» тем, разумеется, сохранялось до самых последних лет. В шестидесятые — начале семидесятых «пробить» тему, связанную с изучением истории церкви или истории философских учений, было невозможно.

В том, что после 1956 года усилия мыслящих историков направились, в первую очередь, в сторону ревизии стереотипного освещения «развития революционных идей в России» (А. Герцен), надо видеть не только следствие официально сохранявшейся приоритетности этой идеологии, но и известную внутреннюю логику. Уклонение от будто бы теоретически обоснованного «нормального» пути революционных преобразований (таким уклонением хотели представить «сталинскую эпоху») заставляло задуматься о неиспользованных исторических возможностях революционных устремлений минувшего века.

Сказывалось и воздействие современного общественного контекста — сворачивание после 1962 года изучения механизма тоталитарной власти вело к поискам компенсации, поискам выхода для неистраченного общественного темперамента. Выход нашли в описании борьбы с самодержавием — таком описании, при котором было как бы условно принято отождествление российского и советского аппарата подавления, а подлинное их сопоставление в сущности не проводилось — анализ заменяли аллюзиями. Интенсивно формировался новый для советской печати эзопов язык. Под царской властью подразумевалась — и автором, и читателем — советская, но граница этого подразумевания была неопределенной, зыбкой. Таким образом, важнейшая операция расподобления царизма с тоталитаризмом проделана не была, что постепенно повело к заболачиванию общественного исторического сознания, к затемнению ответов на нужнейшие, опорные вопросы. Они не были поставлены ни академической наукой, ни тем историческим писательством, в котором лидировал Натан.

Но книги Эйдельмана рождались на пересечении этого направления исторической мысли с другим, не менее важным для него, но гораздо менее популярным в среде его академических коллег: он пошел за работами П. А. Зайончковского, в немалой степени восстановившего разрушенное в двадцатые — тридцатые годы изучение отечественной жизни, прежде всего как истории царствований. Профессор Зайончковский первым, в сущности, занялся тем, что было осторожно им названо «внутренней политикой самодержавия». Эйдельман населил отечественную историю реальными историческими лицами, сменив безликую картину неперсонифицированных движений «масс» и «классов».

Естественное для натуры Натана и его биографии (в которой дважды было страшное столкновение с государственной машиной — арест отца в сталинское время и его собственное дело в хрущевское) стремление к описанию борьбы человека с мощной государственной властью соединилось со столь же естественно возникшим в середине пятидесятых интересом к «личностно-психологическому» в истории. Однако оценить, понять появление этого свежего взгляда не так просто. То, что к середине шестидесятых годов удалось сделать в науке, имеющей дело с литературой, — получить возможность (далеко не всеми реализованную) писать вне готовых идеологических схем и «марксистско-ленинских» цитат — совсем или почти совсем не удалось в исторической области. Между тем желание узнать что-либо «про историю» уже поднималось в обществе.

Натан стал писать не для коллег, не для гуманитариев, — для всей страны, для всех читающих. Он думал не о своем цехе, а, можно сказать, о своем классе в московской школе в Мерзляковском переулке. Его одноклассники, ставшие в пятидесятые годы физиками и медиками, ругательски ругали — и по заслугам — его факультет, его профессию, его цех. Он захотел писать так, чтобы ему было не стыдно перед ними. Они стали первыми его читателями, первыми цени-

телями, вернее, первыми ругателями. Их брань, их ругательность его не смущали. Они понуждали его описывать историю страны так, чтобы она всем была интересна и всем понятна. И действительно помогли катапультироваться из тогдашней исторической трясины. Натан не раз говорил мне о том, как многим он им обязан.

Здесь многое было связано с исконным местом литературы в российском обществе. Нет нужды пояснять общеизвестное, приведу лишь два эпизода, относящихся к рубежу шестидесятых — семидесятых. В последнем нашем разговоре, 2 сентября 1970 года, Ю. Г. Оксман заметил: «Средний писатель, конечно, нужнее даже выше среднего литературоведа — поле действия больше». Он сказал это с глубоким убеждением, а был он, как уже сказано, наставником Натана, и во многом они были близки. Добавлю и строки из письма Н. Я. Берковского (в тот же год, в октябре), убеждавшего меня (после первой книги) двигаться в сторону литературы, а не литературоведения: «ведов» множество... Писатели почти не видны и писатели куда нужнее». Подчеркнем здесь слово «нужнее» — в нем нежелание интеллигента, живущего в тоталитарном обществе, оставлять огромную массу соотечественников один на один с властью, под облучением ее идеологии.

Н. Н. Покровский в предисловии к одной из последних книг Эйдельмана, «Революция "сверху" в России», пишет, как в 1964 году, после шести лет заключения, встретившись с однокурсником, «среди прочих столичных новостей... впервые услышал от него странную на первый взгляд мысль, определившую очень многое в его творчестве. Он считал, что профессионалу-историку легче сказать правду в литературном издании, специально рассчитанном на массового читателя, чем в строго академической монографии. Конечно, дело было не только и даже не столько в объективных парадоксах ситуации в академической науке,— полагает Н. Н. Покровский,— сколько в бесспорном литературном таланте Н. Я. Эйдельмана».

Талант его неоспорим, но и парадоксы ситуации, известной на собственном опыте всем, прикосновенным к академической гуманитарной науке, заслуживают размышления. Казалось бы, власть должна была стремиться прежде всего цензуровать книги по истории, выходящие массовым тиражом и воздействующие на сознание больших масс народа, способные донести «историческую правду» (как и историко-литературную) до множества людей. Однако в реальности постсталинской эпохи контроль был гораздо сильнее в изданиях, выходящих под грифом академических институтов. Обсуждения на заседаниях секций, отдела, ученого совета института, редакционно-издательского совета — этот многослойный фильтр не давал просочиться более или менее вольным соображениям, проверяя соответствие принятой исторической схеме, подбор цитат «классиков марксизма-ленинизма» и т. д. Книга «под грифом» была официальным документом, и колебание в ней догмы могло означать колебание ее в общегосударственном порядке. В более узком смысле это означало неприятности для участников фильтра — сотрудников Академии наук, университетов и т. д., малейшая угроза материальных или моральных убытков была достаточной для постоянной поддержки самотождественной догмы — эталон ее хранился именно в академически-университетской сфере и менялся по первому же слову сверху.

Таким образом, в словах Оксмана и Берковского было далеко не только признание убеждающей силы художественного слова.

Вот почему в отечественных условиях скромная кандидатская диссертация о «Серапионовых братьях» А. Зайдман встретила в начале семидесятых большие препятствия, и «пробивать» историко-литературную тему пришлось писателю В. Каверину в беллетризованных мемуарах «Освещенные окна». Эти мемуары печатались в начале 1974 года, почти одновременно с выходом книги Эйдельмана «Герцен против самодержавия», самой «академичной» из его книг. Он не раз шутил со мной на эту тему: «Вот пишу книгу «со сносками», которую ты от меня требовала!».

Именно в 1973—1974 годах определилась ситуация выбора — отъезда или неотъезда. Среди «отрицательных» примеров фигурировала неудачно сложившаяся в университетах США судьба кумира либеральных отечественных читателей шестидесятых годов А. Белинкова и его скорая смерть. Можно было услышать признания одних коллег в том, что, «когда все так страдают, стыдно сидеть и с удовольствием писать свое», других — в том, что они вообще не могут работать, когда все так плохо. Ю. Домбровский сурово повторял: «Кто печататься хочет, тот уже погиб». От тех, кто тогда не уезжал и не хотел или не рисковал печататься за рубежом, требовалась либо громадная витальность, либо сухая, рациональная преданность науке, чтобы продолжать научную традицию в этих условиях. Исчезало ощущение ее непрерывности, и именно это заставляло гуманитариев сомневаться в своих действиях. Писание в стол исторических или историко-литературных работ казалось достаточно бесперспективным — все более интенсивная работа зарубежных исследователей должна была заставить устареть такую работу самое большее за пять — десять лет.

Натан надеялся на суггестивность своих историко-психологических повествований — его литературный талант и интеллектуальный темперамент должны были преодолеть невозможность опровержения схемы последовательно аналитическим путем. Эту его задачу прекрасно чувствовали официальные историки, некоторые из них столь же темпераментно любили свои схемы. Летом 1969 года Натан рассказывал, как академик М. В. Нечкина плакала («слезами!»), говоря ему, что она любит общественное движение прошлого века, а он — нет..

Шестидесятники вплывали в семидесятые — расправы с диссидентами, травля Сахарова и Солженицына, высылка Солженицына. А у многих (говорим не из обличительства, а пытаясь констатировать характерные черты и некую динамику интеллигентского быта и настроения) усиливалось стремление к обеспеченности, к непременному комфорту жизни, к просторной, хорошо обставленной квартире как условию всего дальнейшего, но добываемого в наших условиях ценой огромных усилий. Натану оно не было свойственно, кажется, совсем. Однажды, вернувшись из Дома творчества в Малеевке, где пробыл месяц, он — которому везде было хорошо, везде интересно, везде бодро, который не знал, что такое брюзжать по поводу людей или обстоятельств, — вдруг сказал на мой вопрос «ну, как там было?»: «Знаешь, тяжело! В столовой особенно. Я могу про потиражные (добавки к гонорару в зависимости от тиража.— *М. Ч.*) поговорить один раз, ну два. Но каждый день в течение месяца!..» Он хотел и, пожалуй, умел зарабатывать деньги, не любил чувствовать себя стесненно. Но саму работу любил он бесконечно больше всего остального. И она у него не противостояла и не мешала жизни,— со стороны казалось во всяком случае, что он писал, как шел, как хохотал, радуясь любой шутке собеседников.

Для него интересы отечественной культуры были реальностью, сопоставимой с насущными сугубо личными заботами текущего дня, частью собственной жизни.

Семидесятые годы, с одной стороны, заново «дозрели» до мыслей о внутренней свободе человека, с другой стороны, вынуждены были обратиться к этой сфере волей-неволей — по причине замедленного, но непрерывного сужения социальных, в частности печатных, возможностей. Страстное и методическое, до конца идущее обличение смертной казни в книге Эйдельмана «Апостол Сергей» вызывало горькую мысль о том, какое большое значение могло бы иметь включение такой книги в обязательную школьную программу (в стране, где сегодня столько сторонников и поборников смертной казни).

Другой целью, которую, я думаю, преследовал Натан, было насыщение печати интеллектуальным потенциалом, противостояние уплощению мысли. Сам он жил в окружении мыслей умнейших людей разных эпох, любил их приводить в книгах и разговорах, и это не было умничаньем, книжничаньем, он был похож на эти мысли, они были ему впору. Читая его книги, знавшие его авторы узнавали в цитатах собственную личность Натана, идеалы, вкусы: «Нигде столько свары, раздражения, зависти, взаимных попреков и ненависти, нигде так мало единства, как среди рабов» (Аристотель), «Я не участвовал в мятежах, свойственных толпе, ни в заговорах, приличных рабам» (М. Лунин).

В 1978—1979 годах завершалось расслоение, о котором мы уже упоминали. Те, кто не уехали, оказались поневоле в роли «остающихся», даже если они просто жили здесь, не примеривая к себе коллизию выбора: ситуация существовала помимо их воли и намерений. Гуманитарии, как и все, разделились на уехавших, уезжающих и оставшихся. Оставшиеся, в свою очередь, расслоились на честно молчавших (зарабатывающих, скажем, внутренними рецензиями, нередко под чужим именем, если они были «под колпаком») и печатавшихся. Эти же последние разделились на приспособленцев и приспособившихся в другом смысле, то есть сделавших большие усилия в поисках темы, жанра и стиля, чтобы не расподобиться с самим собой, оставаясь при этом в печати, в реальном, каким бы он ни был, литературном и научном процессе. К этому моменту определились, структурировались отношения Эйдельмана с обществом, то есть широкой читающей и мыслящей средой, и с властью, и с нарождавшейся идеологией русского национализма.

Он стал настоящим любимцем публики. Устное слово, непосредственный разговор живого автора с читателями тогда все более входили в цену — мы как будто стремились удостовериться, что еще существуем и можем слышать и видеть друг друга.

Его брали, но так и не взяли на постоянную работу в академический институт.

Если часть тем была закрыта от него властью точно так же, как от всех его коллег, наравне со всеми, то другую часть стремились закрыть именно от него, и отнюдь не как историка. Закрывала не власть, а те, кто сами в те годы испытывали ее давление.

Это определилось в самом начале семидесятых. Характерный эпизод. Натан

некоторое время недоумевал, почему редакция «ЖЗЛ» не торопится продолжить с ним деловые отношения после огромного успеха «Лунина» (соперничать с ним мог только «Чаадаев» А. Лебедева, не идя, впрочем, в сравнение с «Луниным» по глубине и широте проработки материала). В июле 1974 года он с горечью (которая так редко окрашивала его рассказы) сказал, что «провел эксперимент с С.» (тогдашний заведующий редакцией «ЖЗЛ», сменивший в 1970 году Ю. Н. Короткова) и убедился — тот не хочет не книгу о Карамзине (ее мечтал написать Натан), а именно его, Эйдельмана, как автора. «Я предложил ему книгу о Денисе Давыдове — он отказался». Эксперимент был убедителен — герой войны 1812 года не мог смутить ни одну официальную инстанцию, не то что придворный историограф Российской империи.

Так обозначился — в малом эпизоде — завязывавшийся в те годы узел, развязывать который предстоит нам всем сейчас и в ближайшие годы.

В середине сентября того же, 1974 года по просьбе «Литературной газеты» мы, комментаторы тыняновского тома 1977 года, выбирали из архива Тынянова неопубликованные прозаические и автобиографические фрагменты. Заведующий одного из отделов, рассмотрев первоначальный вариант подборки, позвонил Каверину и сообщил, что такие-то вещи пойдут, а такие — нет.

— Почему?

— По национальному признаку.

Это были рассказы «бабелевского» толка, построенные на реалиях еврейского быта в провинциальном городе.

— Я захохотал,— рассказывал Каверин,— но на другом конце провода услышал в ответ серьезное молчание. Я к этому, знаете, легко отношусь,— пояснил он мне.

— Но как же можно человеку, да еще не будучи лично знакомым, такое так прямо сказать? (Впрочем, добавим, говорил-то, скорее всего, «сочувствующий», но трезво оценивающий ситуацию.)

— Сейчас, знаете, они очень свободно об этом говорят,— просто сказал Каверин. Он давно ощущал себя русским писателем, частью русского народа, казалось даже, в некоторых наших разговорах, что имя отца — Абель Абрамович Зильбер — как-то расплывалось уже в его сознании.

Летом в определенной степени переломного 1974 года мы говорили с Натаном о том, что называется, с нелегкой руки политиков XX века, «национальным вопросом». Он рассказывал об одном из многочисленных своих знакомых, некоем талантливом киргизе, к тому времени покойном. Тот долго говорил Натану о своем начальнике-расисте, а под конец сам сказал, к изумлению и ужасу собеседника: «Все же негры-то — обезьяны». Вот эти интеллектуально-этические перепады глубоко волновали его. Для него каждый был лицом, субъектом, лично за себя ответственным, и он не мог понять, постичь, как это возможно — плохо отнестись к кому-то не из-за личных его свойств, а из-за принадлежности к нации или расе. Это простодушное (что удивительно, в сущности, для историка) благородство, или благородное простодушие, сослужило ему десятилетие спустя дурную службу, способствуя в какой-то мере спрямлению взгляда на все туже и туже завязывающиеся социоисторические узлы.

В юности он сумел оправиться после чувствительно задевшей его семью «борьбы с космополитизмом», хрущевская оттепель смыла и унесла, как казалось многим, и эту грязь. Только много позже обнаружились тяжелые последствия недоговоренности относительно этой именно кампании. К моменту похолодания наверх легко всплыли те окололитературные аппаратчики, чья карьера начиналась и упрочивалась именно в конце сороковых — начале пятидесятых. В начале семидесятых их стремление задержать десталинизацию стало заметно окрашиваться не такими уж и давними «антикосмополитическими» настроениями — специфика нового момента (массовая эмиграция евреев) помогала наполнить эти настроения будто бы реальным содержанием (космополитизм как безразличие к месту рождения).

Злосчастная статья А. Г. Дементьева («Новый мир», 1969, № 4) ускорила раскол в среде тех, кто, казалось бы, вместе шел во второй половине шестидесятых годов, желая похоронить сталинизм. За либеральной «партией» (в которой, замечу, были и люди, возмущенные статьей) как бы закреплялись антицерковные (которые легко истолковывались как антирусские) настроения. Борьба за власть, начатая националистски настроенными литераторами, как только обозначилось похолодание (можно смело утверждать, что они воспользовались капризным разрывом Хрущева с интеллигенцией), перешла в новую фазу после разгрома «Нового мира», сопровождавшегося арьергардными боями его публицистов на две стороны: против официоза и русского национализма, имеющего с официозом, кроме демаркационной линии «религия — атеизм», «антиленинизм — ленинизм» и т. д., одну линию соприкосновения — юдофобскую. Эта борьба стала одной из трагических неудач нашей общественной жизни,— оставив непроясненной «борьбу с космополитизмом», она настелила на нее еще один слой недоговоренности и пухнущего раздражения всех против всех.

Когда официоз в 1969—1970 годах повел, впихивая страну в новый холодильник, борьбу с двумя «крайностями» одновременно, национализм представлял уже хорошо структурированную общность, организованно занимал опорные пункты, готовясь к длительной позиционной войне. Замечу, что «прогрессисты» были гораздо более «засвеченными» как известные по печати люди. Потому им труднее было занять в момент нового похолодания те места во главе разных редакций, которые легко занимали люди с еще мало что говорящими именами. Снимали главного редактора журнала «Молодая гвардия», но одновременно убирали и заведующих важными редакциями издательства «Молодая гвардия», заменяя их людьми, ориентированными так же, как снятый редактор.

Тогда-то и зазвучали в редакционно-бытовых разговорах вопросы, ранее неслыханные: «Скажите, а Зощенко не был ли наполовину евреем? — Нет, у него отец украинец. — Странно. Тогда откуда же такое глумление?..» «Разве Давид Самойлов поэт?.. — А вы читали его? — Нет, конечно! Мне достаточно посмотреть на его лицо». Говорилось это в стенах тех самых редакций, куда приходил Натан предлагать свои новые книги. Пожалуй, можно думать, что он как-то не верил, не предполагал, что с началом эпохи обновления все это не потухнет, а только острей выявится, как и все остальное, что было загнано вглубь, оставалось неосознанным гласно, легально, печатно и привычно идентифицировалось, возможно, им самим, его друзьями и единомышленниками, читателями и почитателями с бытовым антисемитизмом.

В своем письме к В. Астафьеву 1987 года он, движимый эмоцией гнева, ребячески-бездумно тронул голой рукой провода, по которым давным-давно бежал ток, невидимо их раскаляя. Здесь не место писать о том, в чем была слабость первого письма Натана. Мы с А. П. Чудаковым говорили о ней ему еще прежде, чем был получен позорный ответ В. Астафьева*. Ответ поразил всех, но именно историка России он не должен был так поразить.

В сущности он должен был бы (возможно ли, впрочем, здесь наклонение долженствования?..) предложить своему корреспонденту нечто вроде трактата о евреях в России, о доставшейся большевикам по наследству (и охотно принятой ими) многонациональной империи, о самоуверенной попытке разделаться с самой проблемой имперского государства. Но что-то помешало. Он оказался слишком — для историка — притиснут к вопросу об антисемитизме. С начала семидесятых годов скрытым, но непрерывным развитием событий (которое в полном своем безобразии явилось именно в последние годы его жизни) постепенно приученный опасаться этого явления, с другой же стороны, он (возможно, в немалой степени благодаря своему добродушно-неробкому характеру) недооценивал опасность, а как историк известной складки — историческую глубинность и сложность. Переписка с Астафьевым как-то сдвинула прочную и просторную структуру его отношений с широкой публикой. Теперь публика жестко поляризовалась. Ему это было, мне кажется, тяжело — сам Эйдельман оставался много шире сужавшейся в клан аудитории его почитателей.

После «космополитизма» времен его юности Натан душевно регенерировался в годы хрущевского подъема. Теперь он увидел, что на новом, как никогда радикальном подъеме встает новая темная волна — уже не от власти, а из неведомых углов. Такой зоологической (хотя все-таки гораздо более социально локальной, чем могло представиться) вспышки антисемитизма, какую все мы увидели в последние годы, он, кажется, не ожидал. Это стало постоянным переживанием последнего года его жизни. Весной, читая лекции в Америке, в Стэнфордском университете, мы много говорили с ним об этом. Чувствовалось, что на душе у него становилось все тяжелее. К нему, лучшему историку России последних десятилетий, в его России начинали относиться с мрачным недружелюбием, как к представителю чужого племени*.

Новый период застал его, как и большинство из нас, в немалой степени врасплох. Кончился «комфорт насилия», на глазах разрушались с трудом отрытые экологические ниши. Кончились простейшие отношения с властью, оставившей позади свою террористическую стадию. Кончились и простейшие отношения с публикой — гласность породила энергичную дифференциацию.

В прошедшую эпоху Натану не хватало действия, влияния на жизнь страны, возможно, на ее исторический путь. Научных занятий было ему мало. Сосущее чувство отлученности от судеб страны, обреченность на ожидание «у моря погоды» действовало на него разъедаю-

* Эта переписка опубликована в журнале «Даугава», № 6, 1990 год.

* Когда эти заметки были уже сданы в издательство, я прочитала помеченный сентябрем 1989 года набросок письма Н. Я. Эйдельмана к М. С. Горбачеву («Русская мысль», Париж, 5 марта 1990, № 9, с. 11). Натан намеревался в решительных выражениях привлечь внимание к росту антисемитизма в Союзе и предупредить об опасных последствиях, указав также и на урон, который наносит себе наше общество, толкая евреев к эмиграции своей неспособностью гарантировать их безопасность.

ще, как далеко не на всякого из его сограждан. Добавим, что самолюбие его в те годы было постоянно попираемо отказами в разрешении на поездки за границу, где ждали его архивы, никем до него не тронутые.

Эпоха изнашивала его. Он метался, отказываясь от главных для себя тем. Один из коллег высказал недавно предположение, что в другую эпоху Натан писал бы не о Сергее Муравьеве-Апостоле, а, скажем, о Пестеле, о глубине корней государственных утопий в отечественной истории. Дневниковые записи, которые Натан вел всю жизнь, он все собирался сам начать обрабатывать, но надо было все время писать, подтверждая свой статус,— безвоздушное пространство, как и подобает вакууму, вытягивало воздух из каждой жизни, которая не решилась уйти на обочину.

Важнейшие вещи в те годы откладывались, поскольку были сомнительны для «прохождения». Ретардация, попятный ход, начавшаяся в 1962 году, задержала, скажем, и «Эпилог» Каверина (который мог бы быть начат автором тогда уже, если бы логика событий 1956 года развивалась последовательно), и то обобщающее осмысление российской истории и ментальности ее действующих лиц, которое успело лишь краем показаться в «Революции „сверху“».

В этой книге Натан для осмысления происходящего и возможных прогнозов мобилизовал свой опыт изучения российской самодержавной власти и придворных кругов, власти — и оппозиции, революционной интеллигенции. Следующим шагом должно было бы стать, как мне кажется, приближение к тому, что надолго запечаталось семью печатями официальной исторической науки и состоянием общественной жизни, общественного умонастроения. Стихийное, народное, национальное, национально-архетипическое; соотношение иррационального и умопостигаемого, груз исторической судьбы, тяжесть прошлого, обид и счетов, вдруг нарушающих равновесие в современной жизни нашей...

Это было следующей — новой и жгущей — задачей, в осмысление которой судьба не дала ему углубиться.

На поминках старого литератора, которого он любил, Натан пересказывал как-то рассказ о боцмане, старом морском волке, всегда встречавшем в порту моряков, возвращавшихся из плавания. И вот он умер. И другой человек встретил моряков и, подсев к ним в таверне, заговорил, желая завязать знакомство как преемник умершего. И кто-то из горюющих сказал ему:

— Молчи! Все равно твоя глотка никогда не крикнет его голосом: «Ребята, как прошел рейс?».

ИДЕИ, КОНКУРСЫ, ПРОЕКТЫ

«Поиск научных талантов»

Так называется конкурс, организованный известной корпорацией «Вестингауз» и проводимый в США ежегодно в течение вот уже сорока девяти лет. За это время в нем приняло участие более четырнадцати тысяч старшеклассников из всех штатов — учащихся как общественных, так и частных или содержащихся религиозными организациями школ.

«Поиск научных талантов» — очень престижный конкурс. Его финалистов охотно принимают а любой вуз страны, они становятся стипендиатами самых различных фондов, стремящихся поддерживать высокий уровень образования. Исследовательские центры и лаборатории, знакомясь с результатами конкурсов (о них всегда пишут газеты и журналы), очень часто предлагают его участникам поработать у себя во время летних каникул. Нередко подобное сотрудничество перерастает потом в постоянное.

В конкурсе может участвовать любой выпускник, рекомендованный для этого хотя бы одним из своих учителей. Кандидат должен заблаговременно представить отборочной комиссии текст отчета о выполненной им исследовательской работе объемом около тысячи слов, а также краткую биографию.

Тематика не включает чисто гуманитарные дисциплины, за то в мало-мальски точных она практически не ограничена. В списке тем, уже использованных участниками конкурса, можно найти, например, астрономию и социологию сельской местности, антропологию и теорию вероятности, архитектуру и физиологию растений, океанологию и логику, биоэнергетику и экономику, молекулярную генетику и топологию, геофизику и психологию обучения, электроинженерное дело и протозоологию, политологию и механику — всего без малого сотню областей знания.

Между сорока лауреатами конкурса распределяются денежные премии. Кроме того, триста ребят получают почетные дипломы, высоко ценимые всеми колледжами, университетами и высшими техническими учебными заведениями страны. Во многих штатах существуют и свои фонды поощрения земляков, не достигших успеха на конкурсе. Но, пожалуй, важнее всего то ощущение участия в научном соревновании, которое выносит из него будущий специалист.

С 1942 года двадцать участников такого конкурса, повзрослев, удостоились за свою деятельность избрания в Национальную академию наук США, пятеро стали нобелевскими лауреатами, а двое отмечены высшей из международных наград в области математики — премией Филдса.

В 1989 году на стол жюри среди прочих легло исследование на тему «Связь парникового эффекта с озонной дырой», предпринятое учеником из Ричленда, захолустного городка, что в штате Вашингтон. Семнадцатилетний школьник Махбуб Алам Маджумдар взялся за проблему, не сходящую со страниц как серьезной научной, так и популярной печати.

Известно, что, сжигая нефтепродукты и каменный уголь, человечество «загружает» атмосферу все большим количеством двуокиси углерода. А этот газ обладает способностью превращать планету в своего рода теплицу — приходящую от Солнца тепловую энергию он охотно «впускает», а переотражаемую обратно Землей старается удержать от ухода в космос. Но «теплица» эта, по мнению многих специалистов, своеобразная. У поверхности Земли происходит потепление, а вот в верхних слоях ее воздушной оболочки, считают они, одновременно возникает серьезное понижение температуры.

Махбуб Алам Маджумдар построил числовую модель, которая серьезно корректирует мнение многих маститых специалистов. Оказывается, и у поверхности Земли изменения будут неоднородными. Например, стоит количеству двуокиси углерода в атмосфере за следующее столетие удвоиться, как в Антарктиде средняя температура зимы... еще больше упадет — примерно на шесть градусов. «Голые» математические выкладки Маджумдар подтверждает таким указанием: двуокись углерода — известный враг озона, она активно разрушает его нестойкую молекулу O_3. Именно из-за концентрации двуокиси углерода а полярных районах весной ежегодно в озоносфере возникает печально знаменитая «дыра». А исчезновение — хотя бы и частичное — озонного щита позволит полярной стратосфере беспрепятственно выпускать тепло во внешнее, окружающее Землю пространство. Так что Антарктика имеет шансы превратиться в еще больший «холодильник», чем теперь...

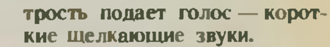
Ричлендский школьник вышел в число тридцати финалистов конкурса «Поиск научных талантов», в котором участвовало почти полторы тысячи старшеклассников. Теперь, поступая в любой университет по своему выбору, он может рассчитывать на оплату немалой части стоимости своего обучения из специального премиального фонда. А общественность может рассчитывать, что он станет серьезным ученым и тем самым расплатится с ней сторицей.

«Изобретающая Америка»

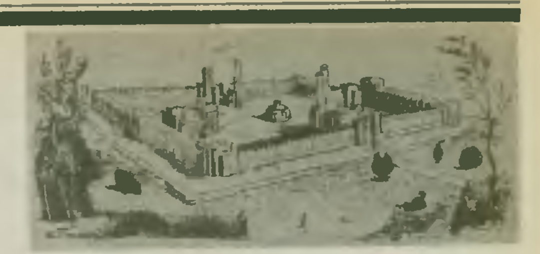
Это название еще одного детского конкурса. В 1989 году он привлек более тридцати тысяч учеников американских начальных школ. В числе призеров — дети разного возраста, от детсадовского до восьмиклассников. Проекты, достойные внимания взрослых, демонстрировались на выставке в Национальном музее американской истории Смитсоновского института в Вашингтоне. Вот два из них. Ученица третьего класса Кейтлин Маккракен придумала кормушку для осиротевших котят, прикрепив к пластмассовой бутылочке от детского питания три соски. А вот второклассница Лиллиан Рут Лукас сконструировала прибор посложнее, это трость для слепых, которая позволит им обходить лужи,— при соприкосновении с водой трость начинает звучать. Если же она случайно выпадет из рук человека, ее несложно найти, так как и в этом случае трость подает голос — короткие щелкающие звуки.

Б. Пинскер

Есть ли будущее у кооперации?

Можно ли считать, что когда-либо в будущем, близком или отдаленном, по мере успехов цивилизации и накопления материального богатства производственная коммуна, артель, кооператив станут основной формой организации социальной и хозяйственной жизни? Боюсь, что по целому ряду технических и организационных причин нет таких оснований.

Прежде всего — ни в каком будущем не станет возможным организовать бестоварную и безденежную экономику. Устранение денег как основного механизма интеграции хозяйственной жизни в обществе с развитым разделением труда вызвало бы лишь резкое сокращение его производительности и как следствие — общего богатства. Именно это в результате положило конец грандиозным социальным экспериментам типа военного коммунизма в России, Китае и полпотовской Кампучии.

Но, может быть, в товарной экономике с конкурентно организованными рынками кооперативы смогут проявить свою высшую экономическую природу, на которую так рассчитывали социалисты в XIX веке?

Боюсь, что и здесь все непросто. Те недостатки артельной организации производства, которые были подмечены экономистами супругами Вебб еще в начале века, ограничивают ее распространение и сейчас, и в будущем. В промышленности нечем заменить свободу коммерческого риска и ответственности, гибкость организации труда, постоянную готовность к техническому перевооружению. Именно по этой причине не столь уж редкие в послевоенной Европе попытки рабочих коллективов сохранить на ходу фабрики, прогорающие в частных руках, выкупив их в пользу трудового коллектива, оказываются вполне безуспешными. Во многом те же причины ответственны за неудачность югославского эксперимента: собственность трудового коллектива, выборные менеджеры и так далее.

Тогда, может быть, в сельском хозяйстве — широкое и благодатное поприще для артельных экспериментов? Но вот что писал А. В. Чаянов, один из авторитетнейших в мире знатоков сельскохозяйственной экономики. Лишь в отдельных случаях — в небольших коллективах единомышленников, спаянных какой-либо социальной или религиозной идеей, — артель может обеспечить результаты лучшие, чем какие-либо иные формы хозяйства. Но в общем случае это совсем не так. Их положение даже гораздо хуже, чем в капиталистических хозяйствах.

«При равенстве дележа продуктов по едокам и отсутствии энтузиазма работа коллективов мало чем отличается от работы, поденно оплачиваемой. А так как принуждающая воля у коллектива всегда менее напряжена, чем воля единоличного хозяина... то возможны и такие случаи, когда стимуляция в коллективе будет значительно хуже, чем в капиталистическом хозяйстве, построенном на наемном поденном труде... Коллективная воля прежде всего слаба как воля организующая и предпринимательская, а во-вторых, слаба она и как воля принуждающая».

Как же и какие возможны кооперативы в сельском хозяйстве?

Только в виде кооперации частных семейных хозяйств, считал Чаянов. И давал достаточно любопытное и остроумное теоретическое объяснение, почему только так. Он определял сельское хозяйство как «использование человеком солнечной энергии, падающей на поверхность земли». А отсюда вывод, что сельское хозяйство есть процесс эксплуатации пространства. И никакой радикальной концентрации производства в сельском хозяйстве осуществить нельзя, так как пространство не сворачивается. Укрупнение единичного хозяйства ведет прежде всего к быстрому увеличению размеров и стоимости внутрихозяйственных перевозок как в расчете на все хозяйство в целом, так равно и на единицу получаемого продукта.

Отсюда следует и парадоксальный вывод: чем развитее хозяйство, чем оно более интенсивно ведется, тем сильнее давление к сокращению его размеров. Чем интенсивнее будет хозяйство, глубже и тщательнее обрабатываться пашня, чем больше удобрений, тем чаще и чаще придется выезжать на поля из усадьбы и тем дороже лягут эти переезды на себестоимость продукта. «Сама природа сельскохозяйственного производства ставит пределы его укрупнению, благодаря чему количественное выражение преимуществ крупного хозяйства над мелким в земледелии никогда не может быть особенно большим».

(Кстати, вполне выявилось, что и в промышленности существуют в каждой отрасли производства свои «естественные» пределы концентрации производства, за которыми выгоды от увеличения масштаба начинают перевешиваться потерями от неуправляемости крупного предприятия, от большой экологической нагрузки на среду и т. д. Тем более все это справедливо для сельского хозяйства.)

К сожалению, приходится признать, что и нынешнее развитие кооперации в странах с рыночной экономикой не позволяет питать никаких иллюзий насчет способности кооперативов стать основной формой экономической организации.

В 1987 году за пределами социалистических стран действовало около 0,5 миллиона артелей (производственных кооперативов), которые объединяли 5,5 миллиона человек, то есть менее двух процентов общего числа занятых в народном хозяйстве и в четыре-пять раз меньше, чем число индивидуальных предпринимателей. И этот незначительный кооперативный сектор остается на плаву по-прежнему только благодаря сильной государственной поддержке. Налоговые льготы, право использовать взносы на социальное страхование для пополнения инвестиционного фонда, помощь со стороны государственных корпораций, обеспечивающих кооперативы коммерческой и технической информацией,— это только часть такой поддержки.

Слабостью производственных кооперативов остается, как и в начале века, недостаточность капитала и низкий уровень коммерческого и технического руководства. Кооператоры не способны накоплять достаточные суммы для расширения дела. Коллективная воля к росту уступает индивидуальной. Точно так же кооператоры не понимают, что хорошему менеджеру надо платить много — гораздо больше, чем рядовому артельщику и не менее, чем в частнокапиталистических корпорациях. И здесь коллективный здравый смысл уступает индивидуальному.

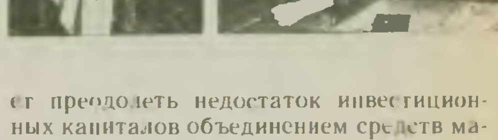
Из сказанного вовсе не следует делать вывод, что кооперация вообще всегда и везде бесполезна. В таком выводе смысла было бы столь же мало, как и в заключении, что в сельском хозяйстве концентрация производства невозможна ни в каких формах. Вспомним еще раз Чаянова. В сельском хозяйстве процесс концентрации идет как концентрация вертикальная, «отщепляя от крестьянского хозяйства отдельные отрасли, по преимуществу в области первичной переработки сельскохозяйственного сырья»: небольшие мельницы, заводы по производству комбикормов, маслодельные и сырные заводики, мастерские по переработке льна и т. п.

Кооперация была и остается до сих пор одним из наилучших инструментов для реализации такого развития. Она позволяет быстро мобилизовывать накопления отдельных мелких и мельчайших хозяйств в пользу развития обрабатывающих производств. При этом кооперация — в силу своей демократичности, в силу совместности принимаемых решений — обеспечивает оптимальность в строительстве и размещении перерабатывающих предприятий. Но все это с одной оговоркой.

Кооперация не создает нового вида хозяйственного развития. Она не способна объединить, сконцентрировать и укрупнить то, на укрупнение и концентрацию чего нет рыночного заказа. Кооперация способна только ускорить эту работу, замещая частные капиталы объединением сил множества мелких разроз-

ненных хозяйств. Она не отделима от рынка и имеет смысл и значение только как одна из форм организации товарного производства.

Из сказанного, еще раз повторяю, вовсе не следует отрицание роли кооперации. Это жизненно необходимая форма хозяйственной деятельности, так как только она способна дополнить выгоды мелкого предприятия (гибкость, отзывчивость к сигналам рынка и т. п.) возможностями крупномасштабной организации снабжения и сбыта. Более того, кооперация необходима в переломные и кризисные периоды экономического развития, так как она позволяет преодолеть недостаток инвестиционных капиталов объединением средств малых и средних хозяйств.

Но вместе с тем необходимо видеть, что кооперация никак не годится на роль станового хребта экономической жизни. Как бы ни казалось это обидным, но «общество цивилизованных кооператоров» — нереализуемая мечта, остроумный, благонамеренный, но недостижимый идеал.

В. Шамонил

Будущее — в разнообразии экономических форм

Что же получается? Надежды на то, что производственные кооперативы помогут нам решить самые жгучие проблемы потребительского рынка, обуздать монополию государственных концернов,— эти надежды, по мнению автора статьи, безосновательны? Ради чего их тогда вообще терпеть, если они вдобавок вызывают столь напряженное неприятие многих?

Аргументы экономиста Б. Пинскера достаточно серьезны, его анализ истории кооперативного движения* никак не сбросишь со счетов. Но нам хотелось бы представить читателям и другие мнения об этом. Например, мнение чешского социолога Вацлава Шамонила, которого мы познакомили с этой статьей.

— Может ли кооперация быть «становым хребтом» экономики страны? Автор статьи отвечает на этот вопрос однозначно отрицательно. Но, по-моему, сам вопрос поставлен некорректно. Может ли, должна ли какая-то одна форма собственности и хозяйствования — частная, государственная, кооперативная, акционерная — быть «становым хребтом» экономики? Мне кажется, весь мировой опыт как минимум последних десятилетий свидетельствует в пользу многоукладной экономики. В любой развитой стране мира можно найти множество форм собственности и хозяйствования, и давно уже трудно — если вообще возможно — сказать, какая из них «главная». Каждая решает какой-то круг задач более эффективно, чем другие, или решает их посвоему, внося необходимый элемент разнообразия в экономическую жизнь общества.

Я думаю, сама такая постановка проблемы — какую именно форму хозяйствования надо предпочесть, сделать основной и в какой доле ее разумнее всего сочетать с другими формами — есть, может быть, неосознанная апелляция к единому центру, который и должен это решить, издать соответствующий указ и следить за его исполнением. А вот автор статьи — такой референт при этом центре, который показывает, как это надо сделать. Но, по-моему, коренная проблема для стран нашего типа сегодня — как раз создать такую экономическую систему, в которой центр не мог бы решать, кому «жить», а кому «умереть», какие формы «открыть», а какие «закрыть». Система должна быть открытой для любых способов хозяйствования, а судьба их пусть решается в нормальной конкуренции с другими способами.

Мировое хозяйство не только стало многоукладным, но и сами эти уклады существенно изменились. Аргументация Б. Пинскера построена на анализе истории кооперативного движения — анализе серьезном и интересном. Но, честно говоря, это только начало научного труда на подобную,— пожалуй, на любую — тему: всякая научная работа начинается историческим обзором, но им не может быть исчерпана. Я понимаю, нельзя упрекать статью в научно-популярном журнале за то, что это не диссертация, но и делать выводы о перспективах кооперации только на основании ее прошлого мне не представляется достаточно корректным.

В принципе следовало бы изучить и обсудить саму сущность кооперации, сопоставляя кооперативные предприятия не только с частными, но и с государственными, и с акционерными. Главный довод автора статьи — производственная кооперация, несмотря на все симпатии к ней общества, на государственный протекционизм и материальную поддержку частных фирм, так и не сумела сыграть сколько-нибудь заметную роль в экономике. Но на этом же материале можно сделать и другой вывод: в определенных секторах экономики она выжила, хотя периоды благожелательные сменялись и периодами очень для нее трудными. Значит, для чего-то она нужна, отвечает каким-то потребностям людей и общества. Я уж не говорю о том, что сельскохозяйственные кооперативы в некоторых социалистических странах — у нас, в Чехо-Словакии и в Венгрии — приняли на себя основную тяжесть продовольственной проблемы и в основном с ней справились.

Борис Пинскер показывает, что стимулирующая сила кооперативной собственности не сопоставима с той заинтересованностью, какую дает собственность частная, почему кооперативы и обречены проигрывать в экономическом соревновании. Но были исследования, давшие противоположные выводы, и пока никто не вынес окончательного приговора на этот счет. Нужны новые специальные исследования, достаточно представительные и, главное, проведенные сегодня, на самом современном материале, с учетом местных условий и особенностей.

Кооперативы — явление не только экономическое, но и социальное. Конечно, во время кризиса приходится прежде всего думать о немедленной экономической эффективности. Но есть потребности и ценности, о которых не стоит забывать в любых обстоятельствах. Именно в кооперативах — при определенных социальных и политических условиях, разумеется,— была до сих пор наиболее полно реализована идея производственного самоуправления. Они дают многим людям большие возможности для самореализации.

И для вас, и для нас гораздо актуальнее сравнение кооперативов не с частными, а с государственными предприятиями. Тут преимущества кооперации бесспорны. Оставим в стороне и стимулирующую роль личного участия в управлении, в распределении средств, отсутствие обычных ограничений в этой области — обратим внимание на обстоятельство, которое чем дальше, тем большую роль будет играть. Это преимущество в гибкости, в эластичности, что особенно важно в эпоху научно-технической революции. Крупные государственные предприятия очень медленно приспосабливаются к меняющимся технологическим требованиям; построить новый завод — целая история, переоборудовать имеющийся — тоже. А для маленькой кооперативной фирмы всего на два — пять человек это только вопрос хорошего законодательства, не ограничивающего инициативу. В очень острой проблеме монополизма государственных фирм кооперативы тоже могут быть одним из решений.

* Читайте «Знание — сила», № 11 за этот год.

командной системы существенно укорачивались и памятью о недавних карточках, и юридической самостоятельностью кооперативов, которую те реализовывали довольно решительно. Последним всегда было слово общего собрания, и назначить «своего» человека председателем или убрать нежелательного партийным комитетам практически не удавалось. Конечно, в руках государства были рычаги косвенного давления, но все же партийный произвол никогда больше не принимал прежних масштабов.

Поскольку наши сельскохозяйственные кооперативы могут быть примером довольно удачных опытов в этой области, позволю себе немного рассказать об их истории. После первой мировой войны огромные латифундии австрийских феодалов были поделены на «статки» по 15, 30, 50 гектаров и розданы крестьянам. Все они потом, во время коллективизации, попали в «кулаки». Коллективизация в Чехо-Словакии началась в 1948 году и под мудрым руководством ваших советников в пятидесятые приобрела огромный размах. Сельскохозяйственное производство упало, пришлось даже ввести карточки на продовольствие. Эти первые кооперативы были полной копией ваших колхозов, то есть кооперативное начало было в них сведено к минимуму, если не к нулю.

В 1956 году правительство объявило: все, кто хочет, могут выйти из колхозов. Меньше чем за год множество плохих хозяйств развалилось. Потом пришло новое указание: крепить колхозы. Но все же прежнего падения производства старались не допустить, искали такие формы работы, чтобы люди могли вести хозяйство по-своему, применяясь к условиям. В конце шестидесятых годов кооперативы приобрели достаточно широкую самостоятельность. Многие из них быстро встали на ноги. Между прочим, во время знаменитой «Пражской весны» крестьяне не проявляли никакого радикализма, не стремились к коренным переменам и не принимали активного участия в политической жизни, выступая со своими требованиями. По-моему, это свидетельствует, что они к тому времени уже сжились с системой в новом, мягком ее варианте.

Из кооперативов по-прежнему можно было выйти, но храбрецы, решавшиеся на это, попадали в плохие условия, похожие на те, в которые сейчас попадают ваши арендаторы. Им давали план, не давали ни техники, ни удобрений. А кооперативы тогда активно насыщались новой техникой. Примерно треть из них были очень сильными, людям в них жилось хорошо. Они и решили продовольственную проблему, которой с тех пор у нас в стране не было.

В семидесятые годы в этой сфере действовали две противоположные тенденции. С одной стороны, пытались вернуться к сильному партийному руководству сельским хозяйством. Но аппетиты

С другой стороны, именно в эти годы произошло перевооружение сельскохозяйственного производства новой техникой, новыми технологиями. Большую роль стала играть наука, в хозяйствах появилось много хороших специалистов.

Я думаю, сегодня и при самых льготных условиях многие не выйдут из кооперативов. Старые люди, вложившие в них свою землю, умерли; много новых людей, не вложивших туда ничего, то есть им надо начинать с нуля. В наших деревнях много молодежи; она, как и везде, ценит свободное время, удобства, а свое хозяйство требует громадного труда. Тут же все налажено, уровень жизни во многих отношениях даже выше, чем у горожан; возможности проявить себя в системе реального самоуправления есть у каждого. Во всяком случае, когда у нас пытались привлечь людей в горы, чтобы они там хозяйствовали сами, — там нужны именно мелкие фермы, и не столько сельскохозяйственные, сколько рекреационные, — ничего из этой затеи не вышло.

Перед первой мировой войной сельское хозяйство на наших землях было выше среднего по Европе уровня — выше, чем в Германии, во Франции, уступало только Англии. Между войнами мы входили в первую десятку европейских стран по уровню развития сельского хозяйства, и сегодня, пожалуй, мы именно в сельском хозяйстве близки к этому уровню.

Так что проблема кооперации представляется мне не такой простой и не имеющей однозначного решения. В любом случае она нуждается в серьезных современных исследованиях. ●

Записала И. ПРУСС

МОЗАИКА

Если бы не бобры...

Необычная команда покрытых мехом строителей плотин спасла источник питьевой воды, снабжающий американский город Грант-Сити, в разгар засухи.

А произошло это так. Когда мелкие ручьи стали пересыхать, бобры начали переселяться на реку Миддл-Форк, протекающую в миле к востоку от города, и строить там плотины, которые поддерживали уровень воды в реке и в мелких городских водоемах на достаточно высоком уровне. Это позволило сохранить необходимые источники питьевой воды, в то время как другие города были вынуждены осушать близлежащие рыболовные озера или взывать к помощи национальной гвардии, чтобы им доставили питьевую воду.

Зеленый локомотив

Жителю английского города Бристоля Адриану Пауэллу, архитектору на пенсии, пришла в голову идея заняться «оживлением» зеленой ограды вокруг своего дома. Вооружившись большими садовыми ножницами, он терпеливо, изо дня в день обрезал живую изгородь, чтобы придать ей форму паровоза в натуральную величину. Эта затея потребовала двенадцати лет труда. Теперь в Бристоль приезжают туристы со всех концов страны полюбоваться чудесным творением человеческих рук. Зеленый локомотив выглядит настолько реально, что кажется, будто вот-вот поедет...

Одно из двух

Проблема безбилетных пассажиров стара, как транспорт. В Гааге попытались решить ее так: контролеры стали предлагать безбилетным пассажирам заплатить штраф или купить единый проездной билет на три месяца. Результаты нововведения поучительны — число «зайцев» уменьшилось на сорок три процента.

Ходят по золоту

Как ни странно, но именно это делают жители Йоханнесбурга. Правда, они и не подозревают, что улицы города почти «засыпаны» золотом. Прежде при покрытии улиц использовали вместо песка отходы из золотодобывающих шахт, содержащие много ценного металла. Специалисты утверждают, что если применить современные технологии, из отходов столетней давности можно получить тонны золота.

Разговор с растениями

Итальянский изобретатель Валерио Санфо создал прибор, благодаря которому можно «разговаривать» с растениями. Санфо присоединяет к

ним электроды своего аппарата и получает звуки, которые расшифровывает как слова, отвечающие понятиям «тепло», «холод», «жажда» и прочим. Известный ботаник из Миланского университета Клавдио Лонго подтвердил, что растения действительно издают специфические потрескивания, реагируя на изменения окружающей среды. Он также считает, что с помощью современной аппаратуры эти звуки можно преобразовывать в соответствующие термины.

Рыбу на поля

Американские индейцы одного из племен издавна ловят рыбу, называемую ими менхаден, не для того чтобы ее есть, а чтобы использовать в качестве удобрения. При посевах кукурузы они бросают по одной рыбке в каждую ямку.

Рисунки А. Подосинова

Скромность украшает

Американский геофизик Ральф Килинг изобрел прибор для измерения содержания кислорода в атмосфере, по своей чувствительности превосходящий все ныне применяющиеся. Прибор стал уже поводом для слухов о том, что Килинг смог зафиксировать снижение расхода кислорода во время бейсбольного матча в момент, когда болельщики задержали дыхание. Сам ученый скромно отрицает этот факт.

Эх, прокачу!

Это последнее слово в автомобильном климатическом оборудовании. Здесь нет ни сложной техники, ни опасного для озонного слоя фреона. Просто кузов этого автомобиля, созданного в мексиканском городе Хуаресе, сделан из арматурного железа. Сиденья, руль и табло — тоже. Легко проветриваемый салон автомобиля очень подходит для жарких, солнечных областей. Что же касается холодных и дождливых мест, то в этом случае придется, видимо, искать другое решение.

Я. Гордин

Распад, или Перекличка во мраке

В июле 1921 года Ахматова пишет знаменитое

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес,—
И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам..
Никому, никому не известное,
Но от века желанное нам.

Знаменательно совпадение ощущений — у Ахматовой: «так близко подходит чудесное», а у Пастернака, в «Распаде»: «Поволжьем мира чудеса Взялись, бушуют и не спят».

Но прежде всего это удивительное стихотворение требует реального психологического комментария — с точки зрения тех, кто сходно с Ахматовой переживал те годы. Только такой комментарий может объяснить нам его смысл. Такой комментарий возможен, ибо Ахматова и тогда уже была голосом многих.

Федор Степун писал как раз о тех же годах и месяцах: «Насколько страшны были первые годы революции классиоиенавистническим растлением общества и революционным перекрашиванием России, настолько же значительны они были тем, что все вещи, чувства и мысли начали постепенно обнаруживать свой удельный вес, входить в истину своей сущности, своего подлинного значения... По всей линии разрушающейся цивилизации новый советский быт почти вплотную придвигался к бытию. Становясь необычайным, все привычное своеобразно преображалось и тем преображало нашу жизнь. Сквозь внешнюю оболочку вещей всюду видимо проступали заложенные в них первоидеи. Насаждая грубый материалистический марксизм, большевики, вопреки своей воле, возрождали платонизм и прежде всего, конечно, в сфере внутренней жизни... В нашей внешней до убожества упрощенной жизни в те дни на каждом шагу совершались сложнейшие нравственные процессы, руководить которыми не могли ни привычные точки зрения, ни унаследованные нормы. Чтобы устоять, чтобы оградить себя от самого страшного, от гибели души и совести, надо было иметь живые, неподкупные глаза и владеть даром интуитивного распознавания «духов». Жизнь на «вершинах» становилась биологической необходимостью: абсолютное «бытие» переставало быть возвышенным предметом философского созерцания и поэтического вдохновения, с каждым днем оно все больше становилось единственно возможною опорою нашей каждодневной жизни»**.

* Первые две части — в номерах 10 и 11 за 1990 год.

** Федор Степун, «Бывшее и несбывшееся». Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1956 год.

Вот об этом «возвышении души», о жизни «на вершинах» в момент исторического и бытового ужаса и написано стихотворение Ахматовой.

Сравним — у Степуна: «Несмотря на этот ужас, в нашей советской жизни первых лет было нечто по своей значительности, весомости, а минутами даже и *просветленности* (подчеркнуто мной.— *Я. Г.*) решительно несравнимое со всем, что мы пережили до революции в России и после нее в Европе».

И Ахматова: «Отчего же нам стало светло?».

Степун: «По всей линии разрушающейся цивилизации новый советский быт почти вплотную придвигался к бытию. Становясь необычайным, все привычное своеобразно преображалось...»

Ахматова: «И так близко подходит чудесное К развалившимся грязным домам...»

Степун: «Действительно, в первые годы большевистской революции во всех кругах было чувство, что старый мир кончился и что на смену ему идет новое и небывалое».

Ахматова: «Никому, никому не известное...»

У Ахматовой — поэта и человека, более интенсивно религиозного, чем Степун,— был соответственно значительно сильнее и элемент экзальтации, и мотив просветления через страдание как путь к духовному спасению. Но как совпадает направление мысли!

Мироощущение этой категории русских интеллигентов при всех индивидуальных различиях к концу гражданской войны кристаллизовало в себе именно те «блаженные» черты («блаженное слово», «блаженные жены» Мандельштама), что гениально сконцентрировалось в ахматовском стихотворении.

Ахматова оказалась ближе всех к жизни как таковой, к быту, к обыкновенному человеческому мироощущению, и потому ее естественный гуманизм и неприятие любой ачеловечности были столь явны и ничем не осложнены. Позже и Пастернак, и Мандельштам пришли к тому же чистому гуманизму, пройдя через мучительные искушения «исторической необходимостью», столь понятной тягой к «примирению с действительностью».

Ахматова была последовательна с самого начала.

«Все расхищено, предано, продано...» 1921 года восходит непосредственно к «тоске самоубийства» и «немецким гостям» года 1917. И мученическое просветление отнюдь не равнозначно примирению. Тем более, что реальность хищно задевала Ахматову чаще и яростнее, чем двух других гениев.

3 августа 1921 года был арестован Гумилев. Очевидно, Ахматова не питала никаких надежд на благополучный исход дела.

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.

Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.

Впервые публикуя эти стихи в «Anno Domini», Ахматова датировала их 1914 годом, чтобы власти не могли соотнести их с тем событием, которому они и были посвящены,— с арестом Гумилева. На самом деле они написаны 19 августа 1921 года. 24 августа Гумилев был расстрелян.

Великий Вернадский, тщетно пытавшийся предотвратить казнь одного из участников «заговора», крупного ученого, бывшего члена группы «Освобождение труда», М. М. Тихвинского, писал впоследствии: «Это была и партийная борьба. Сейчас, после разговоров с М. Ф. Андреевой, я вижу, что в этой среде все было возможно... Это одно из ничем не оправданных преступлений, морально разлагающее партию».

И еще он писал о том «списке, который был развешан в Петербурге и произвел потрясающее впечатление не страха, а ненависти и презрения, когда мы его прочли»*.

Именно эти чувства — «ненависть и презрение» — люди ахматовского круга сохранили до конца. Добрая знакомая Ахматовой художница Любовь Шапорина, пережившая террор в Петрограде послереволюционных лет и террор в Ленинграде тридцатых годов, записала в дневник 17 июля 1939 года: «Сволочи. Я не могу — меня переполняет такая невероятная злоба, ненависть, презрение — и что можно сделать?.. А. Ахматова рассказывала мне со слов сына, что в прошлом июне 1938 года были такие избиения, что людям переламывали ребра, ключицы. Сын Ахматовой обвиняется в покушении на Жданова»**.

«Ненависть и презрение» — в 1921, «ненависть, презрение» — в 1939. Так для русских интеллигентов соединялись времена.

«Ненависть и презрение»... Кроме этих чувств Ахматова испытывала острое личное горе, несмотря на разрыв с казненным мужем.

Н. Берберова, выступая в Ленинграде, ответила на вопрос о впечатлении от гибели Гумилева: «Это был такой удар! Ведь это был, насколько я помню, первый массовый расстрел интеллигенции — весьма загадочный судебный казус... Ведь расстреляли тогда

* «Новый мир», 1989 год, № 4.

** «Анна Ахматова в дневниках Л. В. Шапориной (1930—1950 годы)». Публикация Валерия Сажина. Ахматовский сборник. № 1. Париж. 1989 год.

шестьдесят два человека, из них шестнадцать женщин...»* Четыре женщины были расстреляны как жены заговорщиков.

Это был не первый расстрел интеллигенции вообще, но первый в мирное время. Гражданская война закончилась. Кронштадтский мятеж был подавлен в марте. Начинался нэп. Эти шестьдесят два человека, даже если они и думали о заговоре, никакой реальной опасности не представляли. «Таганцевское дело» еще ждет объективного исследования, но совершенно ясно, что то была чистая акция устрашения. Политическое убийство.

А в следующем, 1922 году Ахматова все сказала ясно и твердо.

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час.
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

Эти поражающие благородной надменностью и простотой стихи толкуются как обличение эмигрантов. Но даже если это так, то что же получается? Тот, кто эмигрировал,— «бросил землю на растерзание врагам»? Кто же тогда враги? Те, кто расстреливал заложников, убил Гумилева и еще шестьдесят человек 24 августа 1921 года? И почему вторая строфа начинается с противопоставления — «Но вечно жалок мне...»?

Совершенно очевидно, это — декларация своей особой позиции. «Бросил землю» — здесь, скорее всего, не в смысле «оставил», а в смысле «швырнул». («Вынь из груди моей сердце и брось самой голодной собаке».) Не с теми, кто вверг Россию в кровавое междоусобье, но и не с теми, кто покинул ее в этот страшный час.

Не с теми, кто «разграбил», «предал», «продал», но и не с теми, кто бежал от тернового венца. Это стихи о трагедии безвыходности. Но там — трагедия жалкая, здесь — высокая.

Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Те, кто «бросил землю на растерзание», льстили поэту? Да, в 1922 году делались попытки «замирить» Ахматову, привлечь ее на сторону власти, скорее всего, чтобы сгладить тяжкое впечатление от казни Гумилева**.

И две последние строфы — тот же знакомый нам мотив мученического просветления, подвижничества:

Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

Великая христианская идея искупления. Пастернак писал в «Гефсиманском саде»:

Во имя страшного его величья
Я в добровольных муках в гроб сойду.

Сознание своей обреченности, появившееся у Ахматовой еще в 1917 году, последовательно нарастало и достигло апогея после августа 1921 года.

В 1923 году написана «Новогодняя баллада», где подведен роковой итог, где Ахматова сидит за новогодним столом с тремя мертвецами, любившими ее при жизни,— Гумилевым, Недоброво, Князевым («Я гибель накликала милым...»).

Хозяин, поднявши полный стакан,
Был важен и недвижим:
«Я пью за землю родных полян,
В которой мы все лежим!»

Она чувствовала себя обреченной. В 1925 году одно из последних перед долгим молчанием стихотворений она посвятила другому погибшему поэту — Есенину.

Так просто можно жизнь покинуть эту,
Бездумно и безбольно догореть,
Но не дано Российскому поэту
Такою светлой смертью умереть.

Всего верней свинец душе крылатой
Небесные откроет рубежи,
Иль хриплый ужас лапою косматой
Из сердца, как из губки, выжмет жизнь.

Гумилева ждал свинец — расстрел. Есенина убил ужас перед окружающей жизнью. «Страх», «ужас» — ключевые слова.

В шестидесятые годы Ахматова писала: «И вот что я узнаю теперь о себе из зарубежной печати. Оказывается, после революции я перестала писать стихи совсем и не

---

* «Литературное обозрение», 1990, № 1. Н. Берберова ошибается: был расстрелян шестьдесят один человек.

** «Напомним, что Н. Осинский в 1922 году, после смерти Блока, первое место среди русских поэтов отводил Анне Ахматовой». (В. М. Жирмунский, «Творчество Анны Ахматовой». Ленинград, 1973 год). Это был тот самый Н. Осинский, который в сентябре 1918 года в «Правде» определил красный террор как «систему уничтожения буржуазии как класса».

писала их до сорокового года. Но отчего же не переиздавались мои книги и мое имя упоминалось только в окружении площадной брани?»*.

Она недвусмысленно дает понять, что постоянные гонения на нее объяснялись именно ее стихами послереволюционных лет. И совершенно права. Все стихи, приведенные здесь, были опубликованы и содержали такую энергию неприятия, что не могли пройти даром. И не прошли.

К 1924 году,— судя по записям Павла Лукницкого, близкого к Ахматовой молодого литератора, которому она доверяла хотя и не абсолютно, но в значительных пределах,— Ахматова осознала принципиальную безнадежность своего положения в литературе. В декабре этого года Лукницкий занес в дневник: «За полугодие с 1 апреля по 1 октября 1924 года АА напечатала только два стихотворения в «Русском современнике» № 1. Больше нигде ничего не зарабатывала..» Симптоматично, что два эти стихотворения Ахматова опубликовала именно в «Русском современнике», оппозиционном и гонимом, закрытом после третьего номера.

В 1925 году негласным распоряжением ЦК Ахматову не рекомендовалось печатать и упоминать в печати...

В феврале 1921 года смертельно уставший Блок, оглушенный «музыкой революции», скорбно оглядывая «свою родную, искалеченную, сожженную смутой, развороченную разрухой страну», произнес в восемьдесят четвертую годовщину смерти Пушкина речь «О назначении поэта». Именно в ней содержалась великая, совершенно точная по отношению к Пушкину и в то же время мучительно автобиографичная формула: «И Пушкина тоже убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха. С ним умирала его культура». Блок говорил: «Любезные чиновники, которые мешали поэту испытывать гармонией сердца, навсегда сохранили за собой кличку черни... Пускай же остерегутся от худшей клички те чиновники, которые собираются направлять поэзию по каким-то собственным руслам, посягая на ее тайную свободу и препятствуя ей выполнять ее таинственное назначение»***.

Он уже видел перед собой этих новых больших и маленьких бенкендорфов, но не знал, что им не страшны никакие клички, ибо их представления о мире принципиально не совпадали с представлениями поэта.

В это же время пишет он и последнее свое стихотворение — «Пушкинскому дому»:

*Пушкин! **Тайную свободу***
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Умирающий Блок, осознавший ужас происходящего просил помощи у Пушкина. Он не один обращался к Пушкину в эти годы. И даже в эти часы. Вскоре в Петроградском Доме литераторов произносил свою речь о Пушкине Ходасевич: «История вообще неуютна — и от судеб защиты нет». Тот приподнятый интерес к поэту, который многими ощущался в последние годы, возникал, может быть, из предчувствия, из настоятельной потребности отчасти разобраться в Пушкине, пока не поздно, пока не совсем утрачена связь с его временем, отчасти страстным желанием еще раз ощутить его близость, потому что мы переживаем последние часы этой близости перед разлукой... Это мы уславливаемся, каким именем нам аукаться, как нам перекликаться в надвигающемся мраке»***.

Имя Пушкина было для них паролем, который отличал людей культуры от варваров. (Я уверен, что этим — во многом — объясняется появление в двадцатые — тридцатые годы плеяды великих пушкинистов.)

Надо помнить, что обращение к Пушкину как опоре и ориентиру в хаосе политическом и духовном свойственно было в то время очень и очень многим из тех, кто не примирился с обесцениванием личности и духа.

Летом 1917 года, ужасаясь «распаду», Пастернак пишет гениальный пушкинский цикл — апофеоз свободы и поэтической неукротимости.

Этому обостренному вниманию к Пушкину в переломные годы способствовало ощущение гибели культурно-нравственной системы, центром которой был Пушкин.

В 1918 году Бердяев провозгласил: «В русской революции и в предельном ее выражении — большевизме произошло восстание против Петра и Пушкина, истребление их творческого дела»****. Смертельная опасность для гуманистического пласта русской культуры воспринималась этим типом интеллигента как покушение на «творческое дело» Пушкина, помимо всего прочего...

Взаимоотношения Ахматовой с Пушкиным — глубокая и обширная тема. И не о том сейчас речь. Нам важно понять, какую роль сыграл Пушкин в «немой борьбе» Ахма-

---

* Анна Ахматова. Сочинения. Москва, 1986 год, том II.

** Александр Блок. Сочинения в двух томах. Москва, 1955 год, том II.

*** Владислав Ходасевич, «Литературные статьи и воспоминания». Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1954 год.

**** Цитируем по книге Н. Полторацкого «Бердяев и Россия». Нью-Йорк, 1967 год.

товой с наступающим деспотизмом. А роль эта оказалась весьма своеобразной. Как раз в то время — середина двадцатых годов,— когда Ахматова оказалась фактически отлучена от читателя и почти перестала писать, зародилось ахматовское пушкиноведение. Первое известие (1924 год) о пушкиноведческой работе содержится в известной записи: «Начало пушкинизма в Мраморном дворце (André Chenier). Григорий Александрович Гуковский. Беседы с ним о Пушкине»*.

Григорий Александрович Гуковский не был случайным собеседником. Наталья Рыкова, которой посвящено «Все расхищено, предано, продано...» — жена Гуковского. Она была близкой подругой Ахматовой, и это посвящение обозначает также содержание их разговоров. И беседы с Гуковским о Пушкине вряд ли носили академический характер, если с ним оказался связан интерес Ахматовой к Андре Шенье...

В 1825 году, вскоре после посещения Михайловского Пущиным, Пушкин пишет знаменитую элегию «Андре Шенье». От Пущина он узнал об активной деятельности тайного общества, и весь 1825 год был для него напряженным ожиданием мятежа и возможной гражданской войны.

«Андре Шенье» — история гибели поэта, не выносящего никакой тирании, в том числе и тирании новой революционной власти. Это — квинтэссенция размышлений Пушкина о своей возможной судьбе в случае революции в России. Опыт Великой французской революции предлагал ему различные варианты, и, трезво учитывая социальное ожесточение в стране, он не только допускал кровавый поворот событий, но и считал его вполне вероятным, несмотря на все свои симпатии к умеренным группам декабристов.

В 1825 году, ожидая потрясений, он сопоставлял свою судьбу с судьбой французского поэта, оставшегося самим собой среди революционной бури и убитого революционными крайностями.

Мандельштам заинтересовался Андре Шенье еще в 1914 году, написал статью о нем и в заметках к ней сличал тексты Пушкина и Шенье. Но после Октября, в годы террора кровавого и продолжавшегося все двадцатые годы террора морального, отношение к Андре Шенье у русских поэтов приобрело особый оттенок. В апреле 1918 года Цветаева писала:

Андре Шенье взошел на эшафот,
А я — живу, и это — страшный грех.
Есть времени — железные — для всех!
И не певец, кто в порохе — поет.

В 1918 году судьба Шенье соотносилась с судьбой «юнкера-социалиста» Леонида Канегиссера, поэта, оппозиционного к новым якобинцам.

Уже в 1930—1931 годах, оглядываясь назад, Мандельштам писал в «Четвертой прозе»: «Есть прекрасный русский стих, который я не устану твердить в московские псиные ночи, от которого, как наваждение, рассыпается рогатая нечисть...

...не расстреливал несчастных по темницам...

Вот символ веры, вот подлинный канон настоящего писателя...»

Как видим, память о терроре жгла, мучила Мандельштама. И далее, после пассажа об «убийствах поэтов», Мандельштам вспоминает Андре Шенье. Имя Андре Шенье в связи с убийством поэтов несокрушимо держалось в сознании людей круга Ахматовой и Мандельштама, неизбежно ассоциируясь с террором послереволюционных лет.

С 1924 года — момент роковой в русской истории — едва ли не главным литературным занятием Ахматовой становятся поиски источников пушкинских стихотворений у Андре Шенье. Это было, собственно, даже и не пушкиноведение, а нечто иное. Ахматова сличала тексты с фанатичным упорством, подчас находя связь там, где ее и не было.

Записи П. Лукницкого свидетельствуют, что штудии Ахматовой носили совершенно исключительный по настойчивости, поглощенности характер. Понять этот психологический феномен можно только, если вспомнить, что после казни Гумилева его стали называть «русский Андре Шенье».

Память о Гумилеве преследовала Ахматову все эти годы. Она говорила Лукницкому: «Нет, я не забываю... Как можно забыть? Мне просто страшно что-нибудь забыть. Какой-то мистический страх... Я все помню...».

В 1924 году было закончено столь важное для всего нашего сюжета стихотворение «Жена Лота» — об ужасе перед недавним прошлым и необоримом желании оглянуться.

Не поздно, ты можешь еще посмотреть
На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.
Взглянула — и, скованы смертною болью,
Глаза ее больше смотреть не могли...

С января 1925 года Ахматова истово помогает Лукницкому собирать материалы о Гумилеве. Она говорила Лукницкому, что в двадцать четвертом году Гумилев часто снился ей. Вот на этом фоне — как общем, так и локальном — ощущение историче-

* Сборник «Ленинградская панорама». Ленинград, 1984 год.

ского перелома, кризиса собственной литературной и не только литературной судьбы, постоянных бесед о Гумилеве и «мистического страха» забыть хоть «что-нибудь» из истории гибели поэта, казненного новыми якобинцами, на этом фоне и начинаются запойные занятия Ахматовой проблемой Пушкина — Шенье.

Совершенно очевидно, что в ее сознании выстраивалась система: Пушкин — Шенье — Гумилев, у истоков которой стояла в литературном плане элегия «Андре Шенье», а в историческом — трагедия 24 августа, ярчайший эпизод террора, втянувшего в себя, как в водоворот, массы невинных людей.

Не менее очевидно, что трагическая диада Шенье — Гумилев была звеном между конечными опорными точками взаимоотношений Пушкин — Ахматова, в основе которых лежали поиски союзника-предшественника в культуре, ориентация на судьбу которого должна была подкрепить и оправдать определяющийся стратегический стиль общественно-культурного поведения. Основой этого стиля была идея независимости и полной нравственной автономии от торжествующего контекста.

Недаром умирающий Блок последнюю развернутую запись в дневнике — 17 января 1921 года — сделал именно о Пушкине: «О Пушкине: в наше, газетное время. «Толпа вошла, толпа вломилась... и ты невольно *устыдилась и тайн, и жертв, доступных ей*». Пушкин этого избежал, его хрустальный звук различит только тот, кто умеет. Подражать ему нельзя: можно только «сбросить с корабля современности» («сверх-биржевка» футуристов, они же — «мировая революция»)».

Блок умирал с мыслью о Пушкине как эталоне абсолютной независимости от беснования общественной стихии. Ахматова с той же мыслью начинала новую эпоху своей жизни. Все они искали опоры в абсолютах — культурных и нравственных, ибо воспринимали происходящее как великий Распад. Ни гибель империи, ни крушение самодержавия, что было неизбежно и справедливо,— но Распад человеческого духа. Они пытались (кроме Ахматовой) моментами обмануть себя, иногда моменты растягивались на годы. Но в конце концов они снова приходили к этому эсхатологическому ощущению. И вся их жизнь была попыткой восстановить связь времен и собрать в России осколки разбитого человеческого духа как некой общности, определяющей высокие правила бытия..

Невозможно, невежественно буквально сопоставлять времена. Каждый исторический момент по сочетанию факторов неповторим, и невозможно дважды войти в одну и ту же историческую реку. Но человек — во всяком случае последние сто лет — равен себе. То, что происходит в человеке, сопоставимо. И есть прекрасные заповеди, вырастающие из этого постоянного в человеке, и есть ужасающие поползновения, столь же постоянно таящиеся в человеческой душе. О смертельном — через все! — утверждении одних и столь же смертельном неприятии других и шла тут речь.

Глубоко почитаемый мною Георгий Федотов, мыслитель, историк религии, политик, редкостно чуткий к этому вечному в человеке, призывал в апреле 1918 года: «Новая мысль должна озарить сознание трудящихся, новая вера — зажечь сердца. В кровавом кошмаре наших дней пролетариат, потрясенный, но не сломленный, переживает свое обращение.

Нас мало, и глухая ночь кругом, но мы вышли искать новый путь. Наша слабость нас не пугает. Мы верим, что кругом нас, в темноте, не видя друг друга, тысячи одиноких искателей блуждают в поисках той же цели. Когда мы найдем друг друга, то найдется заветный путь... И занявшийся день застанет нас в бодром паломничестве.

Мы ищущие, но не обретшие. У нас разные мысли, разные веры. Но мы не спорим, а ищем вместе. Голоса перекликаются во мраке*, пусть разные слова слышатся в них, но дух один, одна перед нами цель»**.

Федотов думал в этот момент поверх политического, поверх социального, поверх религиозно-догматического. Он думал и говорил как христианин первых десятилетий христианства. Его призыв не услышали те, кто занимался политикой, что и естественно. Путь объединения всех сословий в поисках общей цели был кровью перечеркнут в гражданской войне и терроре. Великая идея единства демократии в самом широком смысле — демократии как человеческого, а не только узкополитического принципа,— демократии, что только одна и могла бы вернуть спасительную цельность раздробленному, разорванному — и общественному, и частному — сознанию русского человека, о котором сокрушался Достоевский, явивший это сознание миру.

Смешно и глупо было бы сегодня видеть в происшедшей трагедии всего лишь просчет или тем паче злую волю большевиков, нисколько не снимая с них вины за конкретные решения. Не будем придавать этой решительной и свободной от предрассудков партии значения, ей все же не принадлежащего. Большевики благодаря тактическому гению Ленина — и только ему — оседлали стихию. Но ведь главным была именно эта

* Как удивительно схоже мыслили люди этого круга. Сравним — у Ходасевича в 1921 году в речи о Пушкине: «Это мы уславливаемся, как нам перекликаться в надвигающемся мраке». И в 1918 году у Федотова: «Голоса перекликаются во мраке...».

** Г. П. Федотов, «Лицо России».

стихия, сложившаяся из миллионов воль. Некто не может навязать свои желания огромному разъяренному вооруженному народу, если народ не увидит в этом некто выразителя своих стремлений. Не станем забывать, что в октябре — ноябре 1917 года ни генералитету, ни социалистической оппозиции не удалось поднять солдат или сколько-нибудь значительное число вооруженных граждан против большевиков.

Для того чтобы разобраться в механизме и истоках трагедии, нам надо понять главное — с чем в конце концов пришел в результате многовекового процесса русский человек всех сословий к роковому году, что было у него в душе, как он представлял себе принципы человеческих взаимоотношений. Почему религиозность России, о которой нынче столько толкуют, не сыграла ни малейшей роли в событиях, не смягчила безжалостную вражду? Почему, несмотря ни на что, эта вражда разделила Россию отнюдь не по классовому, социальному, интеллектуальному признаку? Ведь если проанализировать состав противоборствующих группировок, особенно их элиты,— таких группировок было отнюдь не две, красные и белые, а множество,— если проанализировать их состав, то откроется великое многообразие и внеклассовая пестрота. Социальная революция, стимулированная войной, оказалась лишь маской гигантского катаклизма, выросшего из тяжкого духовного кризиса (связанного, разумеется, с кризисом социальным, но не исчерпывающегося им), кризиса, о котором предупреждали и Достоевский, и Толстой, и Блок, который провидели еще Пушкин и Гоголь, о котором догадывался Чаадаев. Именно они, а не профессиональные политики почуяли грядущую катастрофу.

И именно Блок, посмотрев чеховские «Три сестры», написал горчайшие слова, так близко подводящие к точной оценке причин катастрофы: «Это — угол великого русского искусства, один из случайно сохранившихся, каким-то чудом не заплеванных углов моей пакостной, грязной, тупой и кровавой родины, которую я завтра, слава тебе Господи, покину... Несчастны мы все, что наша родная земля приготовила нам такую почву — для злобы и ссоры друг с другом. Все живем за китайскими стенами, полупрезирая друг друга, а единственный общий враг наш — российская государственность, церковность, кабаки, казна и чиновники — не показывают своего лица, а натравливают нас друг на друга.

Изо всех сил постараюсь я забыть начистоту всякую русскую «политику», всю российскую бездарность, все болота, чтобы стать человеком, а не машиной для приготовления злобы и ненависти. Или надо совсем не жить в России, плюнуть в ее пьяную харю, или — изолироваться от *унижения* — политики, да и «общественности» (партийности)... Я считаю теперь себя вправе умыть руки и заняться искусством. Пусть вешают, подлецы, и околевают в своих помоях»*.

Блок писал это матери, то есть с полной степенью искренности и без всякой декларационности. Здесь сказано чрезвычайно много. Но главное — разорванность российской общественной мысли, происходящая от разорванности сознания. «Все живем за китайскими стенами...» Раздробленность тех сил, что враждебны «российской государственности», то есть самодержавной системе. Та роковая раздробленность, которая предопределила в конечном счете гражданскую войну и лишь катализатором которой стали конкретные политические действия большевиков.

Политик и философ эмигрант Иван Александрович Ильин считал одним из главных бедствий революционного периода «расхождение социальных классов и невосхождение их к идее целого»**. «Идея целого» и есть та цельность народного сознания — индивидуального и общего,— которое спасало европейские страны в годы революционных кризисов. Разорванность сознания — невозможность соотнесения личных интересов с общими, искаженное соотношение личной судьбы и судьбы общества, непримиримость принципов частной и государственной жизни, в конце концов нежелание соотнести групповую и личную мораль с фундаментальными ценностями христианской культуры. Недаром российская церковь не только до поры сама владела рабами-единоверцами, но и не принимала участия ни в одной попытке антикрепостнических реформ.

Корни этого драматического явления, как мне представляется,— в петровском перевороте, когда была создана государственная структура, исключающая гражданский мир и межсословный компромисс, опирающаяся только на силу, структура по своей психологической сути дисгармоничная. («Гениальный государственный реформатор России в каком-то смысле был, бесспорно, первым русским нигилистом,— писал С. Франк о Петре,— недаром большевики еще при последнем ограблении церквей с удовлетворением ссылались на его пример».)

Через 150 лет Достоевский с гениальной точностью запечатлел главный нравственно-психологический результат петровских реформ — человека с разорванным сознанием, вечного бунтаря от вечного душевного дискомфорта.

На этом фундаменте не смогла вырасти и эффективная оппозиция сталинскому режиму, хотя подспудная разбросанная оппозиция ему была велика, что и вызывало постоянные безжалостные кровопускания — превентивные удары по потенциальным противникам, потенциально враждебным режиму социально-политическим группам — фактически та же практика заложничества, что и в 1918 году. Ну а заодно — ситуации полного государственного аморализма — и от «своих» щепки летели...

Контекст же, в свою очередь, должен в благополучной ситуации складываться из единонаправленных — вспомним философские отступления «Войны и мира» — человеческих воль. Ужас 1917 года был в том, что, оказавшись в ситуации полной свободы выбора, раздробленное общественное сознание России не смогло сделать сколько-нибудь определенный выбор. И в этом — главная причина столь жестокой и длительной гражданской войны. Подавляющая индивидуальную волю система, в которой существовала Россия последние перед революцией двести лет, нанесла непоправимый урон великой способности человеческого духа — способности к ясному, осознанному выбору. Невозможность сделать ясный выбор, удовлетворяющий большинство и не убивающий при этом меньшинство,— психологическая трагедия семнадцатого года, предопределившая все последующее, фундаментальная черта разорванного общественного и частного сознания. (Именно это объясняет и хаосную игру политических сил сегодня.)

Блок видел причины этого страшного положения глубоко в нашей истории. И был прав. Он говорил все это в 1909 году, в сравнительно благополучное время — столыпинскую эпоху, когда вряд ли кто-нибудь догадывался о близости краха. Но в его словах — отчаяние безысходности. А историческая безысходность всегда разряжается катастрофой. Несмотря на успехи промышленности и сельского хозяйства, Россия оказалась в политическом и социальном тупике.

Блоку присуща была поразительная историческая проницательность. Недаром в декабре 1918 года он писал Маяковскому: «Зуб истории гораздо ядовитее, чем Вы думаете, проклятия времени не избыты... Одни будут строить, другие разрушать, ибо „всему свое время под солнцем", но все будут рабами, пока не явится третье, равно не похожее на строительство и на разрушение»*.

Это схоже с тем, что проповедовал в том же восемнадцатом году противник и старого, и нового режимов мудрый Георгий Федотов. Да, над причинами кризиса бились — десятилетиями — лучшие философские умы России XX века и предлагали глубочайшие, но — варианты.

И я снова хочу вернуться к мемуарам Ф. Степуна, писавшего в 1948 году: «22 ноября закончился 26-й год пребывания за границей высланных из России ученых и общественных деятелей. Несколько человек из нас уже умерло на чужбине. В лице отца Сергия Булгакова и Николая Александровича Бердяева «первопризывная» эмиграция понесла тяжелую утрату.

Вернется ли кто-нибудь из нас, младших собратьев и соратников, на родину — сказать трудно. Еще труднее сказать, какою вернувшиеся увидят ее. Хотя мы только и делали, что трудились над изучением России, над разгадкой большевистской революции, мы этой загадки все еще не разгадали». Таковы в полном виде уже цитированные мною слова.

Федор Степун знал, что загадка не разгадана, и в свое «мы», как видим, включал и Бердяева, и Сергия Булгакова, и других больших мыслителей, исследовавших борения душ, а не просто политическую борьбу. Им не удалось, несмотря на умственную мощь, и куда более близкое, чем у нас, знание. Но понять необходимо — не вульгаризируя, не злобясь, преодолев «ненависть и презрение», ища не вину, а причины, не разрывая насильственно время — до революции, после революции. Не поймем — плохо наше дело.

Я в гроб сойду, и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как барки каравана,
Столетья поплывут из темноты.

Мы еще не знаем, что это будет за суд. Но как бы не постигла нас новая Страшная месть. Не обязательно немедленные кровь и огонь. Еще страшнее и безысходнее оскудение духа, влекущее последствия необозримые и непредсказуемые.

«Нас мало, и глухая ночь кругом, но мы вышли искать новый путь. Наша слабость нас не пугает. Мы верим, что кругом нас, в темноте, не видя друг друга, тысячи одиноких искателей блуждают в поисках той же цели. Когда мы найдем друг друга, то найдется заветный путь... Мы ищущие, но не обретшие. У нас разные мысли, разные веры. Но мы не спорим, а ищем вместе. Голоса перекликаются во мраке...»

Ахматова, Мандельштам, Пастернак, Франк, Лосский, Степун, Ходасевич, Блок, Федотов, Бердяев... Какие у нас учителя! И какими скверными учениками были мы...

●

* Александр Блок. Том II

** Н. Полторацкий. «Иван Александрович Ильин». Издательство «Эрмитаж» Ленинград 1989 год.

* Александр Блок. Том II.

Фото В. Бреля

«Поэма без героя» — эхо и зеркало Белого зала

По словам ее старых... друзей, она сама считает себя не то чьим-то двойником, не то чьим-то ухом, но чьим — старики и старухи забыли.

А. Ахматова. «Пролог, или Сон во сне»

Число упоминаний Белого зала в «Поэме без героя» наводит на мысль о какой-то специальной — большей, чем место действия,— роли его в поэме. Только в первой главе он назван трижды: «Белый зеркальный зал», «Белый зал» — столбиком напротив текста (хотя место действия не менялось после первой ремарки) и «Белый (зеркальный) зал». К последнему слову примечание автора: «Зал — Белый зеркальный зал... в Фонтанном Доме, через площадку от квартиры автора». Настойчивость, с которой автор отсылает нас туда, в Белый зал, и даже заботливо сообщает адрес, позволяла наде-

яться найти в этом зале один из ключей к дешифровке поэмы.

Темным вечером «с фонарем» («связка ключей» была в руках директора музея А. А. Ахматовой в Фонтанном Доме Н. И. Поповой, любезно предоставившей мне эту возможность) я пришла туда проверить свои догадки. Маленькая дверь «через площадку от квартиры автора» вводит нас в Белый зал — удлиненное прямоугольное помещение площадью 213 квадратных метров и высотой около 9 метров. Вдоль левой длинной стены во всю ее высоту расположены одно под другим семь больших и семь малых зеркал. На правой стене напротив больших зеркал — семь точно таких же проемов. Пять из них — окна, предпоследний — стенной шкаф с внутренней и внешней зеркальными поверхностями, последний — зеркальная дверь главного входа. В верхнем ярусе этой стены — семь окон, симметричных верхним малым зеркалам противоположной стены. В верхних частях торцовых стен — по пять малых зеркал напротив друг друга. Всего в зале 26 зеркал (или 27, если считать заднюю стенку — «дно» стенного шкафа; в этом месте зала ты оказываешься в фокусе трех зеркал: «у шкатулки ж тройное дно»). В простенках длинных стен — по шесть кронштейнов, на которых висели хрустальные люстры («в хрустале утонуло пламя»). Еще на пороге Белого зала обнаруживаешь, что каждая деталь здесь требует «своего» — ахматовского! — имени и описания. Так бывает в музее, когда поэтический образ возвращается к исходному предмету («сору»), его породившему. Противостояние (точнее, «противовисение») зеркал в Белом зале иначе как строчками — «Только зеркало зеркалу снится, тишина тишину сторожит» — описать невозможно: если нижние большие зеркала могут быть свидетелями (а когда повезет, и участниками) другой жизни, то зеркала верхнего яруса видят только друг друга. «В окне призрак оснеженного клена» возникает благодаря отражению окна с реальным кленом в противорасположенном зеркале. На такое «овеществление» «напрашиваются» и многие другие строки поэмы. Вот лишь несколько примеров: «Я сама, как тень на пороге», «Звук шагов, тех, которых нету, / По сияющему паркету / И сигареты синий дымок. / И во всех зеркалах отразился / Человек...» (напомню, что именно напротив этих строк написано столбиком большими буквами: «БЕЛЫЙ ЗАЛ»); «Что какая-то лишняя тень / Среди них «без лица и названья» / Затесалась...», «Это гость зазеркальный? Или / То, что вдруг мелькнуло в окне...», «Афродиты возникли из пены, / Шевельнулись в стекле Елены», «Она же (а может быть — ее тень)», «Звук оркестра, как с того света, / Тень чего-то мелькнула где-то», «О том, что мерещится в зеркалах, лучше не думать», «Все надеялась я, что мимо / Белой залы...» и т. д., и т. п.

Особенно интересным может оказаться прочтение «глазами из Белого зала» строфы (по мнению многих ахматоведов, «весьма загадочной»), вписанной на полях одного из авторизованных списков поэмы: «Вот беда в чем, о дорогая, / рядом с этой идет другая, / Слышишь легкий шаг и сухой,— / А где голос мой и где эхо, / Кто рыдает, кто пьян от смеха / И которая тень другой?». Кажется очевидным, что другая — это сама героиня (Х2, как назвала своего двойника Ахматова в незаконченной пьесе «Пролог») идет вдоль Белого зала и последовательно (а в конце зала — и одновременно, что особенно страшно!) отражается во всех его зеркалах. При таком количестве отражений очень трудно определить, сам ли человек отражается, его ли тень — или в помещении этом есть и посторонний. Особенно это непонятно и жутко ночью в темноте: воистину «вот беда в чем». Это не исключает, конечно, последующих толкований другой (например, как музыки). Я же говорю о реальном преображении этой другой. То же относится и ко всем приведенным выше примерам. В Белом зале оказалось возможным найти и отождествить того, кто «не отличает плачущего от смеющегося». Это — эхо, вторящее как рыданию, так и хохоту одним и тем же «синтетическим» раскатом. Если это так, то строчки «Я аукалась с дальним эхом / Неуместным смущая смехом» — смехом, противоречащим всей эмоциональной окраске поэмы вообще — и ее эпилога, в частности — могут быть поняты как рыдания автора, которые эхо превращают в смех. Вообще возникает ощущение, что источник сюрреализма, которым наполнен воздух «Поэмы без героя»,— Белый зал — Ахматова описала скорее гиперреалистически: «лишние тени» уже жили в его зеркалах и «Голос-эхо», как заика, повторял каждое слово. Отголосками «эхо-повторов» в поэме можно считать «Вздор, вздор, вздор!» или «Не дари, не дари, не дари мне». А в «попутчице поэмы» — пьесе «Пролог» восприятие эха как звукового эквивалента зеркала и изображение его голоса в тексте в виде повторов воплощено в диалоге: «Фрося. У нас все можно. Голос-эхо. Все можно. Обе женщины в ужасе. Из зеркала выходит двойник Х».

Зеркало и эхо — все отражая, но ни на что не отвечая — оставляют человека с его вопросами в мире одного. Сочетание замкнутого пространства зеркал с возникающим в нем эхом создает ощущение отчаяния. И все это есть в самом Белом зале. Ахматовские метафоры, которые вы можете ему предложить, Белый зал немедленно превращает в реалистические свои детали. Иначе говоря: метафоры эти созданы самим Белым залом, а Ахматовой в поэме лишь названы («так и знай, обвинят в плагиате»). И тогда строчки «Я зеркальным письмом пишу, / И другой мне дороги нету — / Чудом я набрела на эту / И расстаться с ней не спешу»,— и есть описание такого «плагиата».

С. Иванова

Рубрику ведет секретарь Социально-экологического союза кандидат биологических наук М. ЧЕРКАСОВА

«И так далее...»

«...обстановка у нас катастрофическая, люди в большинстве своем больны... больна вся родня, соседи и многие знакомые...»

З. Исламова
Урал, г. Касли
(из анкеты)

За всю многолетнюю работу в журнале не получила я столько писем, как в ответ на экологическую анкету, опубликованную в первом номере нашего журнала за этот год. Всем их приславшим — огромное спасибо! А я должна извиниться за то, во-первых, что не успеваю отвечать всем лично, и, во-вторых, за опоздание с этой публикацией. Меня долго не было в Москве.

Так получилось, что первыми, еще до моего отъезда, пришли несколько писем из Поволжья, и я решила про себя, что начну обзор писем именно с этого региона, самого, как мне подумалось, больного или одного из самых — не зря же жители его откликнулись первыми.

«В Волге не купаемся, рыбу из нее не едим, по ночам, особенно в выходные, дышать нечем. Летом после дождя листья на деревьях обожженные, культурный виноград остался вовсе без листьев, огурцы и помидоры после дождя сохнут»,— пишет Ф. П. Бабичева из Райгорода Волгоградской области (неужто от слова «рай»?). А потом в письме С. Н. Руса из Астрахани я прочла такие вот горькие строки: «Наш регион не единственный, который кричит, вопиет от боли. Практически вся страна больна...»

Когда же я разложила перед собой все присланные в редакцию письма, возникло именно это ощущение всеобщего вопля боли и отчаяния. Даже для меня, по части экологии ко всему, кажется, готовой, этот массированный удар убийственной информации оказался непереносим: за три дня чтения писем я ощутила себя вконец раздавленной и опустошенной. Кажется, никакие враги намеренно не сделали бы с нашей землей и, соответственно, с людьми то, что сотворили доморощенные вандалы, вскормленные нашей системой (должного определения которой, объединяющего партийно-ведомственно-бюрократический произвол, я так и не знаю).

Письма пришли со всех концов страны, исключая только Прибалтику и Закавказье, где, надо полагать, теперь не до экологии. Писали их мужчины и женщины, представители всех возрастов. Среди приславших письма есть преподаватели географии, научные сотрудники и работники в области охраны природы, которых можно отнести к профессионалам. Но в основном отвечали все-таки «неспециалисты», люди самых разных профессий — рабочие, служащие, школьники, тракторист, охотник, домохозяйка. Большинство писем поражают своей продуманностью, четкостью позиции, прямо-таки профессиональной глубиной. Конечно же, откликнулись в первую очередь те, у кого наболело настолько, что молчать уже непереносимо. Хотелось бы назвать тут всех участников этого заочного «круглого стола». Но это заняло бы слишком много места, а потому могу назвать и процитировать лишь некоторых.

Многие вложили в конверты бесценные для меня под-

Здоровых детей в нашем районе нет... Аллергии и астма — как насморк...

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

НИЖНЕКАМСК

«Нашему городу 24 года. Строители восклицали, что строится город будущего. А будущего, по сути дела, у Нижнекамска не будет, и повинен в этом наш «Нижнекамскнефтехим», известный всему миру».

В. Сергеев,
16 лет

УКРАИНКА
Украинской ССР

«Мне 17 лет, свою жизнь собираюсь связать с медициной, занимаюсь в группе юного медика. Насчет болезней в нашем городе ничего утешительного сказать не могу. Из-за повышенной радиации у многих увеличена щитовидная железа, из-за плохого воздуха есть и астмы, и 35 процентов всего населения болеет аллергией... Я живу в этом городе десять лет, и когда мы переехали сюда, это был рай: лес, речка, фрукты. Но с каждым годом город растет, все меняется в худшую сторону. Мне здесь жить, растить своих детей. Так мне страшно за будущее поколение — что им-то останется?»

Н. Чернышова

Поселок ПЕРВОМАЙСКИЙ
Харьковской области

«Выбросы вредных веществ в атмосферу в пределах жилой застройки превышают ПДК в 4—15 раз... У нас один из самых высоких показателей детской смертности — по области в два с половиной раза больше, чем по СССР. Прогрессируют аллергические, бронхиальные, сердечно-сосудистые заболевания, психические расстройства центральной нервной системы. За последние семнадцать лет онкозаболевания по всем группам возросли в полтора — пять раз, а смертность от них — в три раза».

А. Воробьев,
старший инспектор
Комитета по охране природы

МИНУСИНСК,
бывшая «Сибирская Италия»

«Со времени постройки Саянского алюминиевого комплекса при Саяно-Шушенской ГЭС идет от него отрава,

Фото А. Подосинова

М. Черкасова. «И так далее...»

борки вырезок из местных газет. Очень прошу присылать их и далее, не забывая только указывать название газеты и дату ее выхода.

А теперь об ответах на вопросы анкеты. Прежде всего я просила дать оценку экологической ситуации в регионе. Оценки эти в ста письмах, взятых наугад, распределились следующим образом: катастрофическая — 19, тяжелая — 43, неудовлетворительная — 25, удовлетворительная — 12, благополучная — 1.

Итак, две трети авторов этих ста писем живут в тяжелых и даже не совместимых с жизнью условиях. Вместе же с живущими в неудовлетворительных условиях — около 90 процентов. Подчеркиваю — из тех, кто прислал письма! Подавляющее большинство из них — горожане. Особенно, если судить по этим письмам, плохо обстоят дела в Астрахани, Уфе, Майкопе, Иркутске, Челябинске, Перми, Волгограде, Горьком, Новокуйбышевске, Дзержинске, Электростали Московской области, Никополе, Красноярске, в отдельных районах Ленинграда, Стерлитамаке, Енакиево Донецкой области, Волгодонске, Касли-5, селе Елань Кемеровской области, Ангарске. Еще полсотни городов и поселков, обстановку в которых авторы писем определили как тяжелую, тут называть не буду. Как и перечисленные, это прежде всего крупные промышленные центры Поволжья, Украины, Урала, Сибири, Центральной России — гордость едва ли не главного достижения нашего социалистического строя — тотальной индустриализации. Задела она и небольшие городки, и даже некоторые села.

А вот писем от сельских жителей по сравнению с пришедшими от горожан — единицы. Да и оценка экологической ситуации сельскими жителями заметно мягче, чем горожанами, и явно сдвинута в сторону «неудовлетворительно» и даже «удовлетворительно».

Мы благодарим Фонд социально-экологической инициативы за возможность опубликовать эту цветную фотографию, сделанную во время экспедиции фонда в Астраханскую область. Так выглядит рот девочки, больной флюорозом.

Что касается оценки тенденции к изменению экологической обстановки, то она однозначна: ухудшается! Даже в тех случаях, когда ситуация названа катастрофической, хотя хуже, казалось бы, уже некуда!

Что особенно тревожит? Почти все называли воду и воздух, а также пищевые продукты. «Тревожит все, ведь все взаимосвязано»,— справедливо заметил А. Цогоев из Коми АССР. «Леса! Луга! Реки! Голубое небо! Жизнь!» — это школьник из Нижнекамска В. Сергеев. А теперь признаюсь, что в перечислении — вода, климат — мы забыли едва ли не главное, заставившее людей взяться за перо,— их самих. «Видимо, под «и т. д.» вы имели в виду здоровье людей?» Многие из ответивших на анкету исправляли эту непростительную оплошность, дописывая сделавшуюся, безусловно, главной заботу. Ведь итог всего — здоровье человека!

И хотя наша медицина старается упорно не замечать этой связи, людей не обманешь: «Тревожит состояние воздуха — город полон заболеваниями легких, астмой. У сына — хронический бронхит с астматическим сопровождением. Состояние воды — зубы, почки — моя дочь больна с раннего детства. Зубы — это не зубы, сплошная чернота. Аллергия — через одного»,— пишет женщина из города Дзержинска, приславшая подробнейшее письмо, но не сообщившая свое имя. В этом письме такие жуткие строки: «Я все живу и думаю, к чему все это приведет. И еще думаю, что женщины, не имеющие детей, менее виноваты, чем я, родившая двоих и пустившая их жить в это болото грязи, в ущербность, незащищенность. Дети болеют, лысеют, умирают, отравляются уже в чреве матери, если она работает на химическом производстве... У людей опускаются руки, все свыклись с мыслью, что ничего нельзя уже изменить». А вот вполне профессиональное письмо Э. Н. Сохиной, географа из Волгограда: «Наблюдается активный рост злокачественных заболеваний в городе, особенно в сравнении с сельской местностью. Очевидно, это интегральный показатель качества воды, воздуха, продуктов, генетических изменений и многого другого».

И нельзя не вспомнить при этом бурное заседание внеочередного третьего Съезда народных депутатов СССР 14 марта 1990 года, когда обсуждался Закон об учреждении поста Президента СССР. «Я прошу президиум и Съезд очень внимательно выслушать мое предложение»,— взволнованно обратился к высокому собранию А. А. Захаренко, директор украинской школы. Он предложил давать ежегодную «оценку деятельности Президента СССР, исходя из таких критериев, как продолжительность жизни и состояние здоровья народа страны, качественные и количественные параметры национального достояния, оставляемого обществом потомкам, вклад в состояние мира и мировой цивилизации». Происшедшее потом потрясло меня до глубины души: «Предложение ясно? — безучастно вопросил председательствующий. — Ставлю на голосование. Кто за принятие поправки? Кто против? Поправка отклоняется». За — 652, против — 1153... Комментарии, как говорится, излишни. И все-таки не могу удержаться и не сказать: двух народных депутатов из трех не интересует продолжительность жизни и состояние здоровья их сограждан! Для чего, спрашивается, тогда занимают они свои депутатские места? Что можно сказать о народе, половина призывников которого не может по состоянию здоровья служить в армии, а продолжительность жизни шахтеров, как прозвучало с экрана ТВ, составляет пятьдесят лет?

Для меня катастрофическое состояние здоровья наших людей стало особенно очевидным после того, как по приглашению общественных экологических организаций я побывала в США (отчего и задержалась с ответом на письма). «Что поразило тебя там больше всего?» — слышу я то и дело. А поразило состояние человеческой популяции, здоровый вид людей, их активность, их живые глаза, их улыбки до ушей, обнажающие безукоризненные зубы, поразили дети, имеющие здоровый цвет здоровой кожи и не имеющие характерных почечных мешков под глазами (я говорю о том впечатлении, которое производят дети в обычных школах, а мне довелось быть в нескольких). Но о США нужен специальный разговор, а разговор об анкете я собираюсь продолжить.

Еще раз благодарю всех, ответивших на нашу анкету. Все письма, в которых сообщается об экологическом неблагополучии, будут переданы в Государственный комитет по охране природы. А для Социально-экологического союза это бесценный материал, который мы используем в нашей борьбе за экологическое здоровье страны.

М. Черкасова

...а основания зубов у него черные, и что это значит, никто не хочет объяснить...

падают дожди, от которых листья овощей сворачиваются чернея. Знаменитые наши ленточные боры, защита от суховеев, желтеют на корню. Сколько было раньше колхозных садов! — все корчуется, так как климат из-за водохранилища ухудшился: зима стала теплее, лето — холодные. А сколько леса, речных долин, заливных лугов ушло на дно... Болит сердце за все это, и нет исхода...»

В. Игнатова, медсестра

НИКОПОЛЬ

«Обстановка катастрофическая, усугубляется, так как никаких мер по ее улучшению никто не принимает. Страдает вся окружающая среда, люди. Население города — около 200 тысяч человек — проживает в семи—десятикилометровой зоне от Запорожской атомной станции, построенной в нарушение всех норм. Рядом с АЭС — мощная ГРЭС, от которой убийственные кислотные дожди. Завод ферросплавов. Южнотрубный завод. Открытые разработки марганца. Через центр города проходит автотрасса республиканского значения. Растет число желудочно-кишечных, аллергических, онкологических заболеваний, болезней крови у детей...»

С. Карабут

ВЛАДИМИР

«Все заводы окружены жилой застройкой. Город растет, сельская местность опустошается. Живу 25 лет, и все время город — строительная площадка: ВТЗ, химзавод, «Автоприбор» ТЭЦ и т. д. растут и мощнеют. По улицам и всем дорогам идут потоком тяжелые машины, в сырое время облепленные грязью, в сухое — в облаках пыли. Даже троллейбусы грязные по самую макушку. Болезни: аллергии, астма, желудочно-кишечные, почечные ...»

Охломонова

ТОМСК

«Обстановка катастрофическая — результат индустриализации в военные годы, непродуманных ведомственных решений, бездарности и безответственности руководите-

лей, их наплевательского отношения ко всему, что не касается их самих,— они живут вне города.

Город основан в 1604 году на берегу реки Томи (бывшей), которая славилась полноводьем, рыбой и красотой. Сейчас она по праву может сменить свое древнее имя на имя «река Фенольная». Результат — резкий скачок почечных, желудочных, онкологических болезней. А ведь наш город — город студентов!»

В. Клейнина,
преподаватель Томского политехнического института

ДЯТЬКОВО
Брянской области

«Обстановка тяжелая, а может, и катастрофическая. Заражение радионуклидами Чернобыля (стронций-2 — 5 кюри на квадратный километр, по другим элементам сведения не объявлены), выбросы фтористоводородной и серной кислот, тяжелых металлов, фенолформальдегида и цементной пыли, промышленный и бытовой мусор, лесозаготовки... Многие жители жалуются на общее ухудшение самочувствия, снижение работоспособности, значительно возросло количество сердечных и желудочных заболеваний. Дети болеют аллергией, астмой».

В. Сергунин,
рабочий-оптик

Село ОНГУДАЙ
Горно-Алтайской автономной области

«Обстановка удовлетворительная, но ухудшается. Идут кислотные дожди, желтеют черемуха, береза. Боимся осадков — они отражаются на урожае наших немногих овощей. За счет вырубки леса реки с каждым годом очень мелеют. Говорят, от соседнего Казахстана идет радиация. Рак стал очень часто встречаться в нашем районе. Аллергия — у большинства детей».

Л. Губина,
бухгалтер

НОВОКУЗНЕЦК

«С загрязнением связываются болезни легких, бронхиты, ларингиты, астма, много аллергии, повальные патологии беременности и родов — до 90—100 процентов от общего числа! Похоже, ситуация вышла из-под контроля. Речь может идти не о восстановлении природы, а о сохранении здоровья и жизни людей».

С. Колесников,
старший юрисконсульт

НОВОКУЙБЫШЕВСК

«Обстановка тяжелая, постоянные нарушения ПДК, цифры устрашающие. Очень много людей умирает от рака, и очень молодых, не доживая до пенсии или только что ушедшие. Долго живут лишь приехавшие из сел и деревень. Дети очень много болеют и астмой, и аллергией, и зубы черные у детей не редкость».

В. Кулакова,
инженер-конструктор

ВЛАДИВОСТОК

«Ежегодно в городе пять тысяч новых онкобольных, много десятилетий держим первое место в Союзе по болезни Боткина, у детей — рост аллергий и бронхиальной астмы...»

Г. Ник... (неразборчиво),
врач

КУЙБЫШЕВ

«У нас не область, а пороховая бочка. Без конца бывают взрывы на заводах, то тут, то там, то Нефтегорск, то Новокуйбышевск. Правда, не про все сообщиют. В Самаре купаться нельзя, в лучшем случае отделаешься головной болью,— туда заводы спускают отходы. Какие? Неизвестно!... В пятнадцать лет уже очень многие вставляют зубы и челюсти...»

Е. Чебыкина

СЕМИПАЛАТИНСК:

«Хочу не рассказать — прокричать!

Сейчас много говорят и пишут о Чернобыле. Это великая беда. Но мы-то с этой бедой живем с 1949 года! Ведь до подписания договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах испытания проводились наземные и воздушные! Сколько Хиросим у нас в Семипалатинской области, знает только Министерство обороны СССР. Водородная бомба — наземно! — была испытана у нас. И все это происходило сорок лет в ста километрах от города. Сколько жизней унесли и сколько судеб эти годы сломали!

Я не знаю статистику детской смертности в нашем регионе. Да мне это и не надо. Достаточно съездить на кладбище. И не надо знать статистику детской заболеваемости. Сходите в детскую поликлинику и в длиннющих очередях побеседуйте с матерями, у которых от горя уже нет слез. Неоднократно от врачей я слышал, что дети рождения 1972 года имеют очень большой процент заболеваемости кроветворных органов. Дети рождаются с уродливыми конечностями, психически неполноценными.

И что больше всего вызывает гнев и обиду: никогда население не предупреждали об опасности, кроме, пожалуй, одного случая. После прекращения моратория о времени испытания предупредили гороно, и детей на это время вывели на улицу. Это в связи с тем, что во время предыдущего испытания одно из школьных зданий в левобережной части города дало опасную трещину..

Мне кажется, что на карте, экологической карте, наш район должен быть черного цвета. Это мое мнение простого человека».

С. Майданов,
рабочий-электромонтажник

АНГАРСК

«Обстановка очень тяжелая, по многим признакам переходящая в катастрофическую, так как просвета очень мало, и обстановка ухудшается... К безобразиям химии прибавляется плохая вода, ведь Ангарск ниже по течению по Ангаре, и весь Иркутск щедро гадит в наше питье, поэтому хлорируют воду нещадно. Воду для аквариума дня три приходится отстаивать, иначе рыбы подыхают; а еще лет пять назад достаточно было суток.

Навалились всем миром на БВК (завод белково-витаминных концентратов на парафинах нефти — М. Ч.), добились сокращения работы до 30—50 процентов. Но веры нет, потому что в выходные дни и по ночам запах вредный увеличивается. Вполне вероятно, что в такое время коллектив форсирует свою работу. Продукцию завода БВК поставляем в Китай, а кто сказал, что они дураки,— вполне вероятно, что они свинину, выращенную на таких добавках, отправляют именно в Союз... А с другой стороны, что остается? Все ведь работаем именно на химзаводах. По сути, волей ведомств все так сделано, что своими же руками травим себя и детей...»

В. Литвин

МАЙКОП и МАЙКОПСКИЙ район

«...С тех пор, как стал у нас работать химзавод, в городе и районе не растут в открытом грунте помидоры и огурцы. Живем на юге, а практически не видим овощей и фруктов. Краснодарское море было создано для выращивания в нашем крае риса, так как у нас было много солнечных и жарких дней в году. Однако после заполнения моря, неглубокого и сильно прогревающегося, образовались большие массы облаков, которые двинулись в нашу сторону, проходя, кстати, над теми землями, где планировалось выращивать рис, и лишая их тепла и солнца. Дальше эти облака проходят над Белореченским химзаводом, получают соответствующий заряд вредных веществ и разряжаются ядовитыми дождями на склонах Кавказских гор... Здоровых детей в нашем районе нет, и врачи объясняют болезни любыми причинами, но только не состоянием экологии района. Аллергии и астма распространены, как насморк. Мой сын три с половиной года болен — с момента рождения, от каких только болезней его ни лечили, но вылечить не могут, а основания зубов у него черные, и что это означает, никто не хочет объяснить...»

В. Неженец,
инженер

Ст. КАНЕВСКАЯ
Краснодарского края

«Не забывайте эту рубрику — «Карта тревоги нашей». Стучащемуся да откроются двери...»

Ю. Кочнев

ПОНЕМНОГУ О МНОГОМ

Жемчужины ботанических садов

Так в наши дни называют оранжереи. Сейчас в США создается уже третье поколение этих изящных и хрупких на вид сооружений. Благодаря системам регулирования температуры, освещения и влажности они позволяют владеть таким ботаническим богатством, о котором лет двадцать назад ученые не могли и мечтать.

Под сводами некоторых из них порхают экзотические птицы. Для тропических растений из Южной Америки, находящихся под угрозой исчезновения, во многих оранжереях создаются установки искусственного климата. Мы привыкли видеть эти сооружения на земле, а вот в городе Сан-Антонио из-за страшной жары оранжерея «Люсиль Халселл» врыта в землю, и видны только стеклянные крыши шести подземных сооружений, пропускающие дневной свет.

Создавая оранжереи, инженеры и ученые решают сложные задачи, определяя, в какой степени они должны быть как бы машинами для выращивания растений, а в какой — служить людям. Пока главным материалом при их сооружении остается стекло, правда, улучшенного качества — слоистое. Оно несколько толще обычного и требует более громоздкой несущей конструкции. Используют вместо стекла и новый материал — прозрачный акрилик, разработанный в ФРГ. Именно его применили при строительстве в открывшейся в 1988 году в Оклахома-Сити величественной оранжереи «Хрустальный мост». Название не случайно. Оранжерея действительно перекрывает наподобие моста небольшое естественное озеро. Высота центральной части 18 метров, длина — 70, причем там нет ни колонн, ни перегородок. В оранжерее расположены три климатические зоны: тропических джунглей, тропиков и пустынь. А на южной стороне сооружен искусственный горный склон. С одиннадцатиметровой высоты здесь даже низвергается водопад.

На снимках: Бруклинский ботанический сад в Нью-Йорке, оранжерея Коулса в Художественном центре Уокера в Миннесоте и оранжерея «Хрустальный мост» в Оклахома-Сити.

ФОТОГЛАЗ

Ему грозит исчезновение

Это редкий вид папоротника — алеутский щитовник, достигающий высоты всего лишь 15 сантиметров. Растению грозит исчезновение. К началу 1988 года было обнаружено всего шесть экземпляров этого древнейшего растения Аляски. Правда, в наши дни их уже найдено около ста, причем все только в двух местах на крутых склонах горы Маунт-Рид на острове Адак. Ботаники предполагают, что ближайшего родственника этого вида папоротников можно встретить на большой высоте в Гималаях.

САМЫЕ ИНТЕРЕСНЫЕ НОВОСТИ ИЗ МИРА НАУКИ, ВКЛЮЧЕННЫЕ В ПОДБОРКУ «ДИСКАВЕР»

НАУЧНЫЕ СЕНСАЦИИ

Первый номер ежемесячного американского научно-популярного журнала «Дискавер» за этот год похож на маленькую иллюстрированную энциклопедию научных достижений. А прошлый год был ими богат — здесь успехи в исследовании космоса и живой материи, археологические открытия, новые технологии, фундаментальные работы... Встречаются и трагические, и смешные эпизоды. Поскольку невозможно отразить все это в одном обзоре, предлагаем нечто вроде краткого справочника к «Энциклопедии «Дискавер», включающей сорок пять наиболее важных научных новостей 1989 года.

Астрономия. В октябре 1989 года началось путешествие американского космического аппарата «Галилео». После сложного пути по Солнечной системе он достигнет в 1995 году Юпитера и в течение двадцати двух месяцев облетит его, исследуя эту планету и ее спутники.

В марте около Земли пронесся астероид диаметром 300 метров. Астрономы заметили его, когда он уже удалялся, пройдя на расстоянии около 800 тысяч километров от нашей планеты. Впрочем, в космических масштабах это не так уж много.

И еще одно волнующее астрономическое открытие: ночью 17 января в течение нескольких часов были зарегистрированы сигналы, идущие от Сверхновой 1987А. По всей видимости, речь идет о пульсаре — сверхплотной нейтронной звезде диаметром около двадцати километров, вращающейся со скоростью почти две тысячи оборотов в секунду! Поэтому пульсар и «неуловим».

Исчезнувшие и исчезающие животные. Оказывается, мы и сейчас не знаем полностью животный мир. На Мадагаскаре открыт новый вид лемуров, которому угрожает исчезновение. К счастью, одна из двух привезенных в США пар дала потомство. В прошлом году завершился анализ найденных в Антарктиде останков хищной птицы ростом около двух метров. Хищная нелетающая птица жила в Америке и Антарктиде и исчезла два-три миллиона лет назад.

Город Смерти и другие археологические сенсации. Для археологов 1989 год был плодотворным. Открыт известный по древним шумерским текстам город Смерти Машкан-шапир, который существовал четыре тысячи лет назад. При раскопках во дворе храма в египетском городе Луксоре обнаружено сокровище — двадцать прекрасных статуй, пролежавших под землей шестнадцать столетий. Среди них — монолитная скульптура фараона Аменхотепа III. И еще одно сообщение, касающееся событий, уже не столь давних,— подводный робот «Арго» наткнулся на останки затонувшего в 1941 году большого немецкого военного корабля «Бисмарк».

Угроза планете. Впервые бразильское правительство приняло серьезные меры по защите джунглей от массового уничтожения. Чрезвычайно тревожной остается проблема с озонным слоем. Озонная дыра над Антарктидой была не меньше, чем в 1987 году. Около берегов Аляски танкер «Эксон Валдес» потерпел аварию, и из него вытекло около 38 миллионов литров нефти, которая загрязнила воды и сотни километров прибрежной полосы.

Неподтвержденные сенсации. Бесспорно, самой большой сенсацией было сообщение С. Понза и М. Флейшмана об осуществлении ядерного синтеза в пробирке при комнатной температуре. Но до сих пор нет серьезных доказательств в пользу этого утверждения. То же самое относится и к сообщению итальянских ученых, которым удалось внести «чужой» ген в организм мыши исключительно простым способом, используя в качестве «транспортного средства» сперматозоиды. Многие ученые чрезвычайно смущены вестью о том, что более трехсот пятидесяти научных статей, которые индийский палеонтолог Гупта опубликовал в течение двадцати пяти лет, основаны на фальшивых данных. Если это так, возведенное на ошибочных трудах здание палеонтологии потребуется «ремонтировать» не одно десятилетие.

130 дней под землей. Столько времени провела в пещере итальянка Стефания Фолини, причем без всяких указателей хода времени, рассчитывая только на свои биологические часы. Получены интересные данные.

Криминальное досье ДНК. Все шире используемым, но все более оспариваемым становится метод опознания преступников по пробе их ДНК. Чтобы широко войти в судебную практику, метод должен быть строго стандартизирован.

Наши далекие прадеды. Продолжаются споры на тему: когда на Американском континенте появились первые люди? Большинство археологов единодушны в том, что это произошло за 9500 лет до новой эры. Однако новые археологические находки подсказывают, что, возможно, заселение произошло на 1500 и даже на 4500 лет ранее. А находка одного скелета неандертальца, жившего 60 тысяч лет назад, возобновила старый спор — могли ли эти пралюди говорить?

От науки — к технике. Судя по числу проданных факсимильных аппаратов, называемых для краткости «факс», они были самыми популярными в 1989 году. Американцы, например, покупают их по сто тысяч в месяц. Продвигается и подготовка к будущему массовому телевидению с цифровыми аудиокассетами.

Битва со СПИДом. Надежда, что «чума века» будет побеждена, начинает приобретать реальные очертания. Обещающие результаты дали эксперименты с единственным пока официально одобренным лекарством против СПИДа — АЗТ. Изучается возможность использования биологически активного соединения, извлеченного из корней китайского огурца. Готовятся опыты по созданию искусственного соединения, которое будет блокировать развитие вируса СПИДа.

Еще новости медицины, плохие и хорошие. Начнем с хороших. Канадские и американские ученые сообщили, что открыли ген, вызывающий цистофиброз. Был разработан и быстрый прямой тест для обнаружения вируса (вернее, антител против него), вызывающего так называемый гепатит «ни А, ни В». Обнаружен также рецептор, которым мы «улавливаем» риновирусы, приводящие к простудным заболеваниям. Впервые в организм человека были введены клетки, содержащие чужой ген. В борьбе с болезнью Паркинсона сравнительно успешно дебютирует лекарство «депренил».

К сожалению, и плохих новостей не меньше. В США увеличилось число больных сифилисом и численность смертных случаев от астмы. После затишья стрептококковой инфекции в пятидесятые годы она вновь в повестке дня. Появились данные, что резкое понижение кровяного давления с помощью лекарств небезопасно — оно увеличивает риск инфаркта. Пожар уничтожил бóльшую часть знаменитой лаборатории имени Джексона, поставляющей наиболее ценных в мире подопытных мышей. Погибло 400 тысяч животных.

В мире компьютеров. Корпорация «Интел» сообщила о создании первого компьютерного чипа, содержащего свыше миллиона компонентов. Самое лучшее предыдущее достижение — около 300 тысяч. Появился и суперкомпьютер СМ-2а, который «считает» несколько медленнее своих конкурентов, но зато он значительно дешевле. IBM и «Интел» объявили, что начинают совместную работу над электронными схемами, которые будут осуществлять так называемую компрессию изображения. Это позволит демонстрировать на экране компьютера высококачественные подвижные картины. Впрочем, подобная возможность, хотя пока и ограниченная, уже существует. Появился компьютер, который может принимать черно-белое телевизионное изображение и проецировать его на часть экрана монитора.

Вместо заключения. Этим кратким обзором новости не ограничиваются. Упоминаются также разрушительное землетрясение в Калифорнии, тревожные вести о канцерогенном действии некоторых широко используемых химикатов, вычисление числа «пи» до 1 011 196 691 знака после десятичной запятой и сообщение о том, что венгерский математик сумел решить двадцатипятивековую задачу квадратуры круга. О некоторых из этих сообщений в мире науки мы уже рассказывали на страницах нашего журнала. Не пропустим и самые интересные из других новостей. Подробнее вы прочтете о них в следующих номерах.

Гороскоп по группе крови

Если у нас и во многих других странах спрашивают «Какой у вас знак Зодиака?», то в Японии: «Какова у вас группа крови?» Во всяком случае, так утверждает журнал «Нэшнл инкуайтер». По мнению японцев, группа крови в большой степени определяет характер и индивидуальные особенности каждого человека. Это подтверждают исследования японского ученого Пошитаке Номи, в которых принимало участие более миллиона японцев.

Вот вкратце основные черты, которые Номи приписывает соответствующей категории.

I ГРУППА. Вы стремитесь быть лидером. Если поставите себе цель, будете бороться за нее, пока не достигнете. Умеете выбирать направление для движения вперед. Верите в свои силы, не лишены эмоциональности. Однако у вас есть и слабости: вы очень ревнивы и суетливы, а кроме того, болезненно амбициозны.

II ГРУППА. Вы любите гармонию, спокойствие и порядок. Хорошо работаете с другими людьми. Кроме того, чувствительны, терпеливы и доброжелательны. Среди ваших слабостей — упрямство и неспособность расслабляться.

III ГРУППА. Вы сформировавшийся индивидуалист — явный, неприкрытый, склонный поступать так, как вам нравится. Легко приспосабливаетесь ко всему, гибки, не страдаете отсутствием воображения. Однако желание быть независимым иногда может быть излишним и превратиться в слабость.

IV ГРУППА. Вы спокойны и уравновешенны, обычно люди вас любят и хорошо чувствуют себя с вами. Умеете развлекать их, одновременно тактичны и справедливы по отношению к окружающим. Но иногда очень резки, а кроме того, долго колеблетесь и с трудом принимаете решения.

И. Розовская

Новые лишние,

Опубликовав в номере 8 беседу «Реформа без героя», я не ожидала, что она вызовет настолько живой читательский интерес. Вероятно, традиция говорить со всей откровенностью именно на кухне, а не с трибуны, не с экрана и не по радио, еще жива в советских людях. Живо и другое — привычка считать, что, если редакция хоть в чем-то не разделяет мнения говорящего, она обязательно возразит и поправит: в предисловии, в послесловии, в контрстатье.

«Неужели,— спрашивали меня авторы некоторых писем,— вы солидарны со всем, что сказала И. Розовская?» Нет, не со всем! Спорила как могла. Но, готовя к публикации запись беседы, сочла своим долгом вынуть из текста все возражения (сложив, между прочим, в специальную папочку,— может, и со мной когда-нибудь кто-то поговорит). Сказать, почему? Потому что московская кухня — пространство свободы, индивидуального мнения, пусть неправильного (кто судья?), пусть необъективного (сами не боги), но всегда выражаемого круто, без обиняков, до конца.

Именно в этом, последнем пункте я и обнаружила недостаток первого монолога. Судя по письмам, отраженная в нем позиция — та, что носит порой ярлык «интеллигентской апатии»,— оказалась читателю не известной, в сегодняшней, «перестроечной» публицистике не обкатанной. Многие возражения, которые я получила, были сделаны так, словно, кроме «демократов» и «консерваторов», никаких других общественных позиций в нашей стране нет и быть не может.

Г. Бельская

Чтобы выправить этот недостаток, я взяла одно из писем — самое, надо сказать, сердитое — и отправилась на ту же кухню, к Инге Розовской, договорить. Вот это письмо.

Как вы можете такие вещи публиковать, такие, простите, разводить сопли, когда страна гибнет, всё идет прахом, когда несколько героев (Собчак, Попов, Станкевич и др.) приносят себя в жертву, жизнь кладут, чтобы вылечить страну от семидесятилетнего зла и [illegible]щины, изжить сталинизм и грех революции. А вы в это время сидите на кухне, оберегая свое духовное целомудрие, и у вас получается,— подумать только!— что они делают какое-то чуть ли не зло, уничтожают вас как представителей интеллигенции!

Я не говорю — совесть где. Я спрашиваю, где выход. Вы же не можете предложить никакого другого выхода: либо то, что делают эти люди, либо то, что предлагает Полозков.

Когда в сознании людей мир расколот надвое и через человеческое сообщество проходит линия баррикад при такой жесткой дифференциации ваш личный выбор крайне ограничен. Вам могут не нравиться чем-то ни те, ни другие. И разве сегодня среди сторонников перестройки многое и многие вполне вас удовлетворяют? Но линия «баррикад» ликвидирует «третье пространство»

Это я вырезал из „Литературной газеты". Видите, как люди рассуждают? Сейчас все в таком положении. Но нельзя же сидеть в стороне.

С возмущением. В. Л.

Монолог на тему, или «кому на Руси жить...»

...Нет, разумеется, я не согласна. Ни с ним, ни с газетой. А главное — с тем, что в ситуации сложной, запутанной, абсолютно непроясненной мне снова предлагается все тот же «большевистский» вариант — два крайних ответа и один только лозунг: «Кто не с нами, тот против нас».

У меня все время ощущение, что все это уже было. Многие считают, что раз «тогда» были большевики, а теперь мы их вытесняем, то, значит, это уже другая история. А я чувствую: второй раз то же самое.

Ничего не поменялось, не сделаны какие-то главные выводы, что-то самое важное в структуре мышления осталось нетронутым: вынимаем «социализм» — вставляем «рынок». Но ведь это только игры в сознании, замена одних идеологических блоков другими. Продолжается главное — традиция подминать под идею все, что с ней не сходится, делить мир на две части: «не хотите Собчака — берите Полозкова».

Нет ощущения, нет осознания, нет испуга, что мы влипли в историю, которая нас все время обманывает, что люди уже 70 лет имеют дело с системой, по отношению к которой верны слова Честертона: «...в истории не было революций, были одни контрреволюции».

Как это все объяснить читателю? Ведь речь идет не о гражданской позиции: когда я оказываюсь на избирательном участке, то, разумеется, голосую за Собчака. Он мне вообще очень нравится. Тут однажды выбегает...— ты не смотрела? Ну, это было потрясающе: его засняли на выходе из российского парламента — выбегает возбужденный, разгоряченный, глаза сияют: «Вы не представляете,— почти кричит,— что сейчас творится в этом здании! Какие тут собрались люди!»

И вот я вижу этого человека, умного, достойного, который, вроде бы, за меня же и борется, и должна ответить себе: почему не бросаю все и не иду за ним? И ладно бы я. Но ведь нас же много, тех, про кого он говорит с полным презрением, что, мол, «напуганы», «хотят отсидеться», «ждут, чем все кончится» (это все его слова).

Кто же мы? И почему молчим? Разве можно сказать, что все, кого критикуют за «интеллигентскую апатию»,— люди асоциальные? Нет, они все читают, за всем пристально следят. И вместе с тем остаются в каком-то... не знаю, как лучше сказать. Активном неучастии. Рефлектирующем противостоянии. Именно в «третьем пространстве», том самом, которого, на взгляд читателя, сегодня нет и не может быть.

Если бы от меня потребовали совсем кратко, в двух словах, сформулировать эту позицию, я бы сказала так. Я не против перестройки. Я только хотела бы знать, что такое перестройка. Что именно мы делаем «на самом деле», называя это перестройкой.

Ведь я же знаю (правда, по книгам), что и те, кто кидались в революцию, были, как правило, такие же чистые, умные, благородные и так же презирали тех, кто сидел в стороне. Это только сейчас мы с симпатией читаем про Живаго. А тогда — вспомни, кто это были: хлюпики-интеллигенты, Лоханкин да Кавалеров (из «Зависти»).

Тебя не удивляет, как все перевернулось? Как те, идейные, в кожаных тужурках, сегодня нам кажутся жертвами дьявольского обмана, а эти, лишенные в те годы, казалось бы, всякого морального оправдания, теперь для нас — символ противостояния, и все наши чувства на их стороне.

Опыт наших разочарований, хочу я сказать, это не только источник страха, как кажется Собчаку. Это и опыт того, как система «играет» с людьми, подсовывая результаты, противоположные нашим намерениям. Опыт того, как все, что мы делали за 70 лет, последовательно «переворачивалось», оборачивалось не тем. Эффект «оборотничества» свойствен нашей системе. И, значит, проблема, если уж говорить философски, именно в том, не есть ли перестройка — потребность той же системы, которая лишь ищет для себя способы выживания и трансформации, а значит, может «сыграть» непредсказуемо и в этот раз. Твой читатель боится, видимо, что не будет рынка. А я боюсь, что будет такой рынок, при котором все, ради чего мы вступили в эту борьбу, будет оскорблено и опошлено. Ну вот, посмотри.

Я только что была в редакции журнала «Декоративное искусство». Они там в ужасе. Ты знаешь, что все застойные годы это был лучший художественный журнал, любимый у нашей интеллигенции. А теперь? Приходит письмо из типографии: платите 45 процентов от номинала, тогда будем печатать. Из Министерства связи: платите 50 процентов, тогда будем разносить. А что на все прочее — бумагу, аренду, гонорар, зарплату — на все остается 5 процентов, никого не волнует. Как это может быть? И некуда теперь бежать, некем возмущаться, это тебе не отдел культуры, чтобы устраивать шум, как раньше. Разбирайтесь сами, у нас — свобода. Рыночный механизм.

И вот получается, что люди, которые смогли продержаться достойно в условиях идео-

логического зажима, ничего не смогут сделать теперь против коммерческого. Что не успели добить за семьдесят лет, добьет этот «регулируемый рынок». Понимаешь, о чем я говорю?

Тут вчера выступал наш с тобой любимый Станкевич. И ведущий ему задает вопрос: «Вот,— говорит,— Сергей Борисович, овощи гниют на базах. Когда же Моссовет наладит торговлю?» А тот возмущенно: «Опять вы нас толкаете на эти командные методы!» Ведущий даже поперхнулся: «Да черт с ними, с методами! Детей-то сегодня надо кормить».

Ну, когда речь идет о детях, тут, конечно, нельзя сказать: погодите, наладим рыночный механизм — народим новых, не хуже. А по отношению к культуре — пожалуйста. И вот отпускают ее на рынок. Самую первую. Нет чтобы отпустить вначале деревню, промышленность, торговлю. Нет — почему-то именно культуру, то, что в современном мире любая нормальная цивилизованная страна поддерживает, осознавая особую важность! «Будет рынок — все утрясет». А пока любимый интеллигенцией журнал приравнивается к нерентабельному предприятию в условиях монопольного рэкета. И всем наплевать.

Не о «рынке» я говорю, а о том, что рынок этот — снова теоретическая абстракция, все та же идеология в рамках системы, очень небережливой по отношению к жизни, к сложившимся устоям, к тому, что существует. И в прежние времена ничего было не жалко. А уж теперь, когда мы все полили густой «чернухой»,— да пусть оно горит огнем! Тогда говорили: придет социализм, все сам устроит; теперь — рынок.

И вот получается: смотрим на Запад, ездим туда, перенимаем систему. Но так же, как Запад всегда берег каждого солдата, а мы клали миллионы, как он хранил каждый камушек, а мы взрывали все подряд, такая же разница и теперь. Там — органика, тут — механика, там — жизнь, тут — идея, там рынок — средство, тут — самоцель. Там вложения в культуру государство снимает с налогов. Тут вместо этого одна установка: даешь налоговый пресс на культуру. В лучших традициях двоемыслия. Все говорят о защите культуры, а на деле со снайперской точностью... Один режиссер рассказывает: приходят к нему из охраны памятников — плати миллион! — Господи, за что? — За здание, оно у вас «памятник архитектуры». И так без конца.

Все вроде случайно, как будто бы неосмысленно. Но в том и состоит опыт прошлых разочарований, что он меняет установку глаза. Учит видеть второй план, события незаметные, безвидные, мелкие. Вспомни: что такое было для революции посадить на пароход горстку философов и отправить за границу. Или спалить усадьбу в Шахматове... Да совершенно проходной, незаметный эпизод. Но ведь мы сегодня именно по этим эпизодам выстраиваем образ эпохи и судим о времени.

И так же, как мы сейчас говорим, что организация колхозов имела скрытой целью ликвидацию крестьянства,— точно так же, мерещится мне, историк будущего скажет о нынешней перестройке: это был период разрушения какой-то важнейшей культурной традиции...

...Нет, я чего-то не могу объяснить. Конечно же, есть объективный процесс. Но как Собчак в этом процессе чувствует себя призванным насаждать в России штольцевский дух предпринимательства, так я чувствую, не скажу «призванной» — это громко звучит, но если ты спрашиваешь о «позиции», тогда это какое-то чувство, что надо сохранить и пронести ту традицию, которой мы всю жизнь служили в противостоянии власти. Культуру общения, разговора, критического взгляда — культуру, если угодно, «незарабатывания». И вероятно, не только я.

«Третье пространство», которого он, ваш сердитый читатель, не признает, нужно, мне кажется, как раз для сохранения, консервации, пронесения через этот закономерный, но жестокий и жесткий период того в культуре, что сейчас пропадает и разрушается. Для нахождения в этих новых условиях каких-то достойных способов поведения и выстаивания.

Ну вот, давай без «теорий». Просто так, для примера. Я возвращаюсь из отпуска. Стою в Симферополе с чемоданом, с сумкой, с картиной, подаренной крымским художником, в общем, сама понимаешь. Тут же такси, водитель с кем-то разговаривает, я к нему: мол, поедем или как? Он, естественно: вам куда? Я говорю. Он молчит. Долго так. Ну, думаю, соображает, по дороге ему или нет. Потом оборачивается к тому своему собеседнику: «Так вот, если хочешь хорошо поесть, езжай в Марьино, там кафе».

Ну, я ничего — еще ходят автобусы. Я, может быть, даже была довольна, что он мне дал сюжет, тебе рассказать. Но представь себе на моем месте человека, у которого нет такой установки неблюдения, а есть только какие-то остатки чести и достоинства и который стоит совершенно растерянный, потому что не понимает, что его сейчас просто вычеркивают из жизни. Ведь эти жесты легко прочитываются каким-то инстинктом, не знаю, спинным мозгом. Очень точная социальная семиотика. А кто-то другой, кто сказал бы этому таксисту,— причем я даже не знаю, что, ну какую-то фразу — «даю десятку», «пачку Мальборо», был бы признан существующим. А вместо меня — пустое место, никого не было там, где я стояла, что он мне и продемонстрировал.

И вот, значит, теперь, думаю я, мне придется в этом мире найти какие-то правила поведения, чтобы не превратиться в неврастеничку, которая приходит домой, все швыряет: «Все! Подаем! Уезжаем!» Наработать какие-то автоматизмы, социальные реакции взамен тех, что были раньше. Мы ведь привыкли существовать в противостоянии идеологии, государству, партии, КГБ — в этом противостоянии наша честь; наше достоинство, «я-образ» не исчезали никуда, наоборот, утверждались. Мы создали свой кодекс чести, правила поведения в условиях зажима и двоемыслия: «стучать» нельзя, воровать и спекулировать тоже нельзя, книги зачитывать... теперь нельзя, раньше было можно. Мы черпали силу в этом противостоянии, чтобы сохранить свои идеалы, свои принципы, все, что наработали своими руками. А сейчас то, чему мы противостояли, куда-то делось. Причем непонятно, куда. Вроде все осталось, а этого ничего уже нет.

И вдруг возникают неизвестно откуда какие-то новые неопознанные объекты вроде этого таксиста и демонстрируют мне, что общество теперь не будет признавать моего права на существование по экономическим основаниям, как раньше не признавало по политическим. И снова я должна этому противостоять, формировать себя заново. То есть старую систему противостояния отбросить (поскольку требование «не стучать» уже неактуально), а новую выстроить. Какие-то просто правила проработать. Сформулировать некий кодекс, чтобы не жаловаться, не считать, что мы с тобой плохие родители, потому что не обеспечили детям лицей, плохие дочери, потому что мать на обследование положить не можем. Если скоро придется покупать картошку по сорок рублей, а на остальную зарплату — только одну книгу в год, то давай к этому приготовимся. Не вымирать же с нечистой совестью.

Все это надо сделать, по-моему, предметом обсуждения, осмысления (может быть, на страницах «Знание — сила»?), что наряду с той ориентацией, которую проповедуют рыцари рынка, рядом с ней должна быть сформулирована какая-то другая, не менее современная, не менее ценная этика, которую мы могли бы так же открыто, так же спокойно нести в себе, если и вправду хотим сохраниться. Сохраниться не в качестве бездельников, как теперь начинают говорить обо всех, у кого нет сумасшедших денег. А в качестве людей, которые никогда не ставили вопрос о «зарабатывании» во главу угла,— продолжать жить по интересам, последние деньги тратить на книги, концерты и выставки.

Это, между прочим, странная общность — таких людей. Я даже не знаю, как ее определить. В основе ее — не профессиональная принадлежность, не имущественный ценз, не что-то такое, что можно привести к четкой формулировке, а скорее какой-то непрагматизм, неутилизованность, неукладывание в наличные, предлагаемые обществом рамки.

Это не обязательно нищие люди. Они могут и много зарабатывать, если вдруг повезет, но от заработка в их занятиях ничего не меняется. Они все равно существуют в экологических зазорах, не так, как предусмотрено наличным, стандартизированным состоянием культуры. Причем интересно, что я опознаю эту традицию, читая Достоевского, Чехова,— при всей, как сейчас говорят, нашей с ними «генетической» разнице. Традицию бесконечных разговоров, «последних вопросов» о своих отношениях с властью, с Востоком, с Западом. Это специфически местное явление, которое было только в России,— особый способ жизни в культуре (и больше — в культуре, чем в реальной жизни), бескорыстного, порой дилетантского ей служения. Когда-то, между прочим, это и было названо «интеллигенцией».

Интеллигенцией не в том смысле, как это слово используется в советской политэкономии (рабочие — крестьяне — интеллигенция). Не в классовом, не в политическом, а в том изначальном, какой существовал еще до революции. Помнишь эту смешную формулировку из английского словаря: «интеллигенция — слой русских интеллектуалов, обычно в оппозиции к правительству».

Тогда о ней много писали — про ее никчемность, ненужность, лишность. Ее вечно ругали — она всегда во всем виновата, всегда «не та». Ей постоянно удивлялись иностранцы. И она продержалась все эти годы, сталинские — дрожа от страха, брежневские — организовав целую культуру «Самиздата», подполья, подтекста.

Сейчас есть тенденция (могу показать такие статьи) определить ее как уродство, следствие ненормальных условий. Да. Но специфика российской культуры определяется этим «уродством», этим ферментом — особым статусом культуры в обществе, таким типом служения, непотребительского к ней отношения. В западной культуре нет такой потребности. И когда эмигранты тоскуют по этому, говоря, что там нет такого типа существования в культуре — есть интеллектуалы, профессионалы,— они тоскуют именно по непрагматизму, неутилитарности интеллигента, поскольку тот (профессионал, интеллектуал) зависит от заказа, востребованности, от оплаты, а этот — нет.

Когда-то Аверинцев сказал мне, я это запомнила: «У нас совершенно нельзя быть ученым. Элементарно — нет книг, которые нужны, нет общения с западными коллегами. Единственная профессия, какая у нас тут действительно есть, это быть порядочными людьми. Только это мы, собственно, и умеем».

Сейчас все меняется: дается возможность ездить на Запад, участвовать в симпозиумах (хотя книг в библиотеках стало еще меньше). Но вот сохранится ли в этой перспективе традиция русской интеллигенции или ей предстоит встроиться в новое общество, стать, как на Западе, «интеллектуалами» — это вопрос. В условиях рынка — причем российских, когда нет традиции дорожить тем, что есть,— этих людей, я думаю, выбросят.

Но как в начале средневековья в богом забытых уголках, в монастырях сохранялись и чистота латыни, и рукописи Аристотеля, и навыки работы с текстом — все, что казалось ненужным «здоровым силам истории», так же, я думаю, должно быть и здесь.

История уже проходила эти вещи.

И мы знаем, что восстановить подобную традицию труднее, чем Сухареву башню по чертежам. Этот особый дух, способы общения, передачи друг другу собственного понимания и продумывания. Это ведь так же невосстановимо, как дворянская или крестьянская культура.

И пусть сейчас, в условиях рынка, мы не нужны. Но у нас есть — я в это верю — какая-то задача сохраниться. В этой никчемности, в...

От редакции

На этом запись беседы обрывается. По чистой случайности: кончилась пленка. Но мы решили не сочинять конец искусственно. Ведь разговор действительно не окончен. Будем думать, как его продолжить.

В уходе не нуждается

В США сделан аквариум, представляющий собой герметически запаянный сферический сосуд и не нуждающийся в каком-либо уходе. Его обитатели — рачки, водоросли и бактерии. Рачки питаются водорослями и бактериями, а бактерии — отходами рачков, которые служат также питательной почвой для водорослей. Под действием света водоросли продуцируют столько кислорода, что его вполне хватает для существования этой замкнутой экосистемы.

Еще одна обезьяна

Во время экспедиции по влажным экваториальным лесам западноафриканского государства Габон зоолог Майкл Харрисон из Эдинбургского университета обнаружил неизвестный до сих пор вид обезьян. Самцы весят около шести килограммов, а самки — около шести с половиной. Животные покрыты серо-черной шерстью, часть спины темно-каштановая, а вокруг шеи — белый «воротник». То, что речь идет о неизвестных приматах, доказали и проведенные хромосомные исследования. Обезьян назвали «солнечнохвостыми», поскольку у них половина хвоста до самого кончика ярко-оранжевая.

«Камень здоровья»

В китайской провинции Лионин обнаружена скала со странными свойствами. В деревне, расположенной рядом с этой скалой, средняя продолжительность жизни — 83 года и не зарегистрировано ни одного серьезного заболевания. Животные же здесь не подвержены эпидемиям.

Исследовании специалистов показали, что скала содержит тридцать два химических элемента — цинк, медь, железо, кобальт, кремний и прочие. Систематическое потребление воды, в которую попадают осколки скалы, способствует избавлению организма от токсинов, улучшает обмен веществ, активизирует деятельность печени. «Камень здоровья» благоприятно действует и на растения.

Рисунки Ю. Сарафанова

Шатуны из алюминия

Автомобильные шатуны испытывают значительные механические нагрузки и притом в условиях разогрева. Поэтому их изготовляют из стали. А нельзя ли их сделать более легкими? Таким вопросом задались инженеры японской фирмы «Сумитомо Лайт Металл Индастриз». Им удалось создать сплав из алюминиевого порошка с примесью кремния, магния и ванадия. Порошок расплавляют, затем быстро охлаждают в атмосфере инертного газа. Частицы примесей при этом равномерно распределяются в массе алюминия. Изготовленные таким способом шатуны хорошо противостоят растяжению при температуре до двухсот градусов. А весят они почти вдвое меньше стальных.

Провожая солнце

Торжественной церемонией проводов солнца завершилась встреча старейших знахарей и шаманов из индейских племен Северной и Южной Америки, проведенная в мексиканском городе Сан-Исидро. Встреча была организована «Содружеством индейской Америки Солнца», которое объединяет ряд мексиканских и центральноамериканских племен.

Впервые со времени Колумба духовные лидеры древней индейской Америки сумели собраться вместе и обсудить вол-

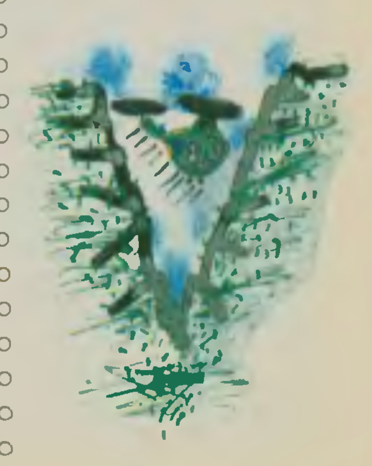
нующие их вопросы. Делегаты самых разных племен обменялись опытом в области традиционной медицинской практики и методов психотерапии.

Какова форма Млечного пути?

У астрономов сложилось мнение, что Млечный путь имеет правильную спиральную форму. Лишь недавно американский ученый Блиц установил в результате исследований с помощью стометрового радиотелескопа, что у нашей Галактики иной вид. Она больше походит на вспученный диск, обрамленный зубцами облаков газа.

Летать или не летать?

Этот вопрос стал краеугольным камнем в разгоревшейся дискуссии по поводу полетов самолетов и вертолетов над Большим Каньоном в американском штате Колорадо. Этот национальный парк сильно страдает от авиации — ежедневно совершается более шестидесяти полетов, что, по мнению специалистов, не может не отражаться на природе. Шум летательных аппаратов беспокоит обитающих здесь животных, а вибрация воздуха грозит разрушением остаткам индейских поселений тысячелетней давности.

Вопрос «на засыпку»: что общего между композиционными материалами, землетрясениями и борьбой за чистоту окружающей среды? Ответ нетривиален: явления высокочастотных резонансов в средах с неоднородностями. Наш корреспондент Н. ФЕДОТОВА попросила рассказать об этой разработке, заявленной в качестве открытия одного из ее авторов, ректора Кубанского государственного университета, народного депутата СССР от Всесоюзного общества «Знание», члена-корреспондента АН СССР Владимира Андреевича БАБЕШКО.

«Для меня небезразличны...»

— Интересно, с чего же все-таки начались ваши исследования резонансных явлений — с экологии, сейсмологии?

— Нет, с композиционных материалов. Мы работали над проблемами прочности, вибраций и колебаний в рамках комплексной научно-технической программы Минвуза СССР. Совместные исследования по этой тематике с членом-корреспондентом АН СССР И. И. Воровичем и академиком И. Ф. Образцовым и вывели нас на композиционные, неоднородные материалы — металл с полостями, пластмасса с жесткими включениями,— заметно потеснившие в последнее время в авиации, космической технике и кораблестроении чистые металлы и пластмассы в силу особой прочности, легкости и меньшей подверженности вибрациям и колебаниям. Так вот, нам удалось обнаружить «слабое место» композиционных материалов — такие резонансные явления, которые способны нарушить их прочность, а подчас даже привести к разрушению, хотя, согласно традиционному подходу, ничего подобного быть не должно. Во всяком случае, в некоторых отечественных и зарубежных публикациях возможность тех резонансов, что нам удалось обнаружить, решительно отрицается.

— Владимир Андреевич, а можно поподробнее?

— Извольте. Конструкторам крайне важно знать те условия, при которых какая-либо техническая система входит в резонанс и может разрушиться. Первая опасность — так называемые толщинные, или высокочастотные резонансы, угрожающие пластинам определенной толщины и больших, даже неограниченных размеров. Однако, согласно традиционному подходу, возникновение толщинного резонанса требует одного непременного условия — бесконечной энергии. Есть и другой вид резонанса в пластинах, требующий такой же бесконечной энергии.

Внесение же в пластину или слой неоднородностей, как считали ученые, картины не меняет. Мы же убедились в обратном: вся поверхность слоя, действительно, может оставаться почти неподвижной, за исключением одной вибрирующей зоны. И при этом, заметьте, никакой бесконечной энергии, достаточно совсем небольшой. Причина такой локализованной вибрации — именно неоднородности, включаемые в композиционный материал. Более того, при определенных размерах этих включений резонанс может обладать прямо-таки разрушительной силой.

Самое любопытное, что разрушение возможно и при слабых воздействиях. Согласно закону Гука, который известен даже школьнику, между усилием, действующим на образец, и его деформацией существует линейная зависимость. Но при чрезмерных усилиях она меняется на обратную: усилия меньше, а образец увеличивается в размерах быстрее. Так бывает, например, при растяжении резины. Выходит, большие усилия способны разрушить образец и без всякого резонанса. Явление же резонанса, о котором мы ведем речь, связано как раз с ничтожными воздействиями, грозящими тем не менее значительными деформациями и серьезными последствиями.

— Скажите, пожалуйста, а что предшествовало вашему открытию? Каково положение с теоретическими разработками по локализации вибрационного процесса у нас и за рубежом?

— Такие разработки ведутся в мире уже лет пятнадцать. Американские, например, отличаются от наших тем, что

для изучения вибрационного процесса используют физические модели определенного класса. Но процессы, которые можно исследовать на таких моделях, — всего лишь частный случай локализации, рассматриваемой нами. Мы доказали, что закономерности там гораздо сложнее. Свою модель этих явлений мы обосновали. Новизну нашей работы признали и в США. Кстати, после моего доклада о нашей работе на симпозиуме по теории распространения волн в Колорадском университете меня избрали членом Американского акустического общества.

— Итак, одна область применения вашей модели очевидна — разработка технологий получения композиционных материалов. А другие?

— Что касается композиционных материалов, то здесь нужно детально и очень тщательно выяснять, какого рода и каких размеров неоднородности можно в них включать. Иначе внесешь такую неоднородность, которая на данной частоте, превалирующей, скажем, при движении самолета, окажется резонансной и может разрушить всю систему.

Другая область применения связана с предотвращением землетрясений. Именно предотвращением, а не предсказанием. Я вообще пессимистически отношусь к возможности предсказывать точную дату землетрясений. С ними — то же самое, что с огромной сосулькой, тающей на солнце. Можно ли с уверенностью сказать, растает она постепенно или оборвется? Землетрясения, как известно, связаны с движением гигантских тектонических плит в зоне разлома, то наползающих друг на друга, то расходящихся. Приборы здесь постоянно ощущают так называемые микросейсмы — колебания поверхности Земли с очень небольшой амплитудой. Причем нарастания силы микросейсм чередуются со спадами, и сказать, что землетрясение произойдет именно в тот или иной период активности микросейсм, очень трудно, ведь это зависит от массы факторов — притяжения Луны, различных явлений в недрах Земли, на ее поверхности...

А нельзя ли воспользоваться мощным вибровоздействием на поверхности, чтобы спровоцировать слабое, скажем в три-четыре балла, контролируемое землетрясение, которое снимет лишнее напряжение? Эту идею давно уже развивает вице-президент АН СССР К. В. Фролов, в контакте с которым мы работаем. Дело в том, что в области разлома тектонических плит, иными словами, тех же пластов или слоев, о которых мы вели речь, встречаются разного рода неоднородности — сколы, полости, трещины. Следовательно, с помощью разработанных нами методов можно рассчитать условия, при которых волновой процесс сконцентрируется именно в области неоднородностей, что вызовет локализованный резонанс, а в конечном счете приведет к слабому разлому и снятию напряжения, ибо это событие произойдет в области неоднородности, а не в цельном массиве.

У нас в Кубанском университете есть уже и большой геофизический полигон, и тончайшая измерительная техника, хотя этого явно недостаточно. Недавно создана международная неправительственная организация «Форум ученых и специалистов за советско-американский диалог», которая будет заниматься программами, представляющими интерес для обеих стран, в частности проектом предотвращения землетрясений. Кстати, это пример того, как можно фундаментальную, теоретическую разработку попытаться поставить на коммерческую основу и в случае успеха получить валюту для нашей страны.

Еще одна область применения — электроника. Есть в ней такой принцип Олинера: неоднородность в полупроводнике является концентратором электромагнитных волн. На этом принципе конструируют сейчас элементы ЭВМ пятого поколения, что будут работать на СВЧ. Так вот, оказывается, что метод, с помощью которого мы обнаружили механические волны, применим и к электромагнитным. Я думаю, и в квантовой механике это явление себя обнаружит, поскольку вся квантовая механика построена на волновых процессах.

Выяснилось также, что и некоторые экологические явления, например распространение ряда загрязнителей, носят периодический характер и здесь тоже применимы наши методы.

— Коль скоро мы затронули экологию, не расскажете ли о той математической модели экологии Черноморского побережья, которая, как мне известно, создается в вашем университете?

— Состояние пляжей и воды на Черноморском побережье вызывает сейчас всеобщую тревогу и озабоченность. И тот факт, что в последние годы закрывались одновременно пляжи Сочи, Анапы, Геленджика и других курортов, неопровержимо свидетельствует: нельзя решать экологические проблемы одного отдельного курорта, поскольку морские течения и воздушные потоки разносят загрязнения вдоль всего побережья. Выходит, всю нагрузку на побережье надо рассматривать в комплексе. Сейчас идет работа по созданию математической модели экологической системы Черноморского побережья в рамках большой программы, куда включены, кроме нашего университета, МГУ, Ростовский государственный университет, харьковские институты и «Форум ученых и специалистов за советско-американский диалог». Хотелось бы, чтобы новый Верховный Совет России, ее Совмин поддержали эту программу, чрезвычайно важную для страны, ведь Черноморское побережье — место отдыха миллионов людей.

Математическая модель позволит нам разыгрывать стратегии любых изменений на побережье, понять, как повлияет создание какого-либо предприятия или увеличение населения на определенные зоны. За несколько часов модель все просчитает и выдаст необходимые данные для принятия решений. Мы намерены включить в нее также и принципы, позволяющие еще в процессе выявления опасных зон приступать к их обезвреживанию.

— До сих пор мы говорили о ваших научных интересах. Хотелось бы знать, что вы как Народный депутат СССР думаете о развитии науки в нашей стране.

— Разумеется, для меня небезразличны вопросы, связанные с развитием науки и подготовкой научных кадров. Я убежден, что теоретические работы наших ученых ничуть не уступают зарубежным. Беда в другом: они не востребуются промышленностью. Слишком велик разрыв между уровнем промышленных технологий, культурой труда и уровнем научных разработок. Причем этот разрыв все время увеличивается. К сожалению, не промышленники интересуются возможностями ученых и предлагают им участие в конкретных разработках, а ученые ищут, где бы применить свои идеи. Я уже говорил о выводе фундаментальных исследований на коммерческую основу, что предполагает продажу идей, проектов, привлечение иностранных специалистов для участия в проектах и совместное использование результатов.

Один из пунктов моей предвыборной платформы — попутные научные исследования. Допустим, мы обнаружили явление резонанса в области механики твердого тела. Оказывается, его можно использовать и в сейсмологии, и в электронике. Но у электронщиков — свои проблемы, переключаться на новые им сложно. Не удобнее ли и дешевле проводить нам эти исследования в области электроники у себя, попутно со своими механическими?

Одна из примет нашего времени — совместные предприятия. Я считаю это большим достижением. Но лояльно относящиеся к нам бизнесмены заявляют: «Не надейтесь, что через совместные предприятия вы получите новейшие технологии. Ваша политическая и экономическая нестабильность, а также «образ врага», к сожалению, на Западе еще окончательно не развеянный, вынуждает исследователей и бизнесменов относиться к вам с опаской. Поэтому технологии, которые передают вам сейчас, — это технологии вчерашнего дня, уже вытесняемые новейшими». Боюсь, при таких условиях мы можем попасть на этом этапе в положение постоянно догоняющих. Выход я вижу в том, чтобы направлять наших студентов за границу овладевать новейшими технологиями и затем реализовывать их на наших предприятиях. Кубанский университет уже заключил договор с ассоциацией учебных заведений США, по которому удалось направить за рубеж наших студентов, в частности для изучения естественных наук.

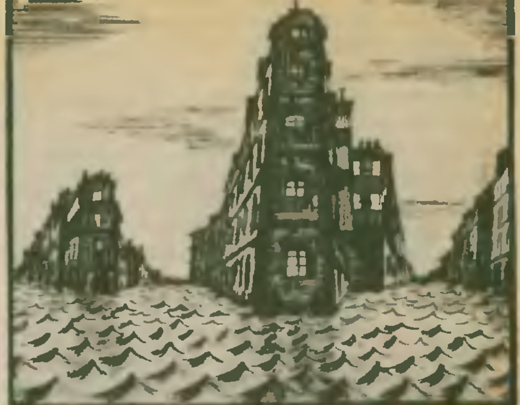
— Возможно, сегодня это выход из положения. Но в чем же, на ваш взгляд, причина отставания в подготовке наших специалистов?

— Анализируя деятельность американских университетов, я заметил одну любопытную деталь: все университеты, даже политологические, вроде Гарвардского, гордящегося тем, что здесь получили образование большинство президентов США, имеют наряду с гуманитарными и инженерные факультеты. А в Массачусетсском технологическом институте открыты уже факультеты архитектуры, культуры строительства, дизайна, даже иностранных языков. Я убежден в пользе такого сосуществования гуманитарных и технических дисциплин. У нас же в некоторых технических вузах всего по одной кафедре математики. А в университетах, где пять-шесть кафедр математики, студентам из-за отсутствия технологических кафедр негде сполна использовать свои блестящие математические знания. Ну и, конечно, причина отставания — в отсутствии технологической базы, опытных производств, из-за чего новейшие технологии, полученные в наших учебных заведениях, не удается использовать и развить.

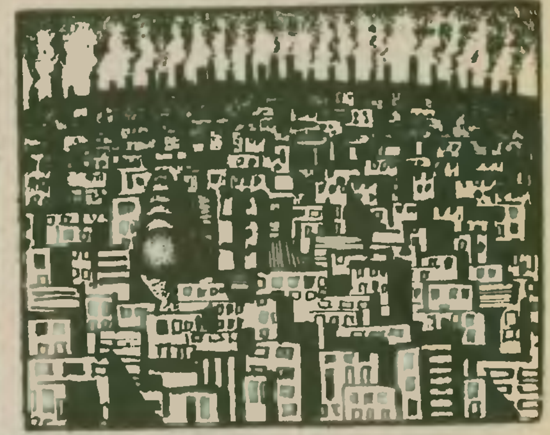
— Владимир Андреевич, ваша кандидатура в Народные депутаты СССР была выдвинута Всесоюзным обществом «Знание». Как вам видится его будущая деятельность?

— Я недавно ездил в Якутию знакомиться с работой местной организации общества «Знание». Якутия — богатейший регион, который нуждается в соответствующих научных инвестициях. Почему бы именно обществу «Знание» не создать там свои предприятия с использованием новейших технологий, привлечением опыта и знаний местных ученых? Тогда общество «Знание» стало бы организацией не только пропагандирующей знания, но непосредственно передающей их производству и видящей, какой эффект эти знания дают. ●

Творческий старт художника Владимира Морозова в журнале «Знание — сила» пришелся на 1971 год, когда здесь работали Юрий Соболев и Александр Эстрин.

«Это был тогда единственный авангардный журнал»,— говорит Владимир Иванович. Нас, молодых художников, Соболев умел увлечь оригинальными идеями, работой в постоянном поиске нового. Впрочем, основное место моей работы — это киностудия «Союзмультфильм», где я работаю уже более тридцати лет».

Почему здесь представлены рисунки на темы экологии? По мнению Владимира Морозова, это сейчас проблема номер один — по убеждениям он относит себя к «зеленым».

ВЕРНИСАЖ
«ЗНАНИЕ — СИЛА»

В. Алпатов,
доктор филологических наук

История одного мифа

Марр и марризм

За щитом мифа

После смерти Марра директором Института языка и мышления, а затем и вкадемиком-секретврем Отделения литературы и языка АН СССР стал Иван Иванович Мещвнинов. При жизни своего учителя Мещанинов воспринимался как его тень. Марр оценил его верность, добившись, несмотря на сопротивление ряда ученых, избрания имевшего тогда немного научных рвбот Мещанинова академиком.

Но, получив самостоятельность, освободившись от парализующей воли Марра, Мещанинов сумел показать себя с лучшей стороны. Как спрвведливо пишет И. М. Дьяконов, «он возвратил возможность научной работы многим замечательным русским ученым, отстраненным было от нее. Он сделал много больше, чем от него ожидали». В Институте языка и мышления, почти не пострадавшем в тридцатые годы от репрессий, работали многие крупные лингвисты: Л. В. Щерба, В. Ф. Шишмарев, Б. В. Ляпунов, Д. В. Бубрих, В. В. Виногрвдов, В. М. Жирмунский, Б. А. Ларин, Н. В. Юшманов, Н. Ф. Яковлев и другие. Сам Мещаниов в те годы опубликовал свои лучшие работы.

Языкознание стало оживать, хотя внешне многое оставалось по-старому, основой советского языкознвния продолжало объявляться «новое учение о языке», а Марр считался гением. Но авторитет Марра все более принимал декоративный характер. Показательно, что после 1937 года его лингвистические работы перестали издаваться. Место его подлинников стали занимать наборы постоянных цитат, обычно самого общего и поэтому всюду применимого характера. Конкретные же положения Мещанинов и его окружение старались изъять из оборота, а зачастую приписывать неким «вульгаризаторам светлого учения» Марра. Если в тридцатые годы ленинградских студентов и аспирантов заставляли разлагать по четырем элементам любые слова от *лошадь* до *Адмиралтейство*, то в 1947 году Мещанинов уже писал: «Применение анализа по четырем элементам повсеместно во всех языках и во всех периодах их развития само собою отпадало».

Один из сотрудников Института языка и мышления тех лет сейчас говорит: «Марр был для нас щитом, под прикрытием которого можно было свободно работать». Отчасти так оно и было. Но идеи Марра были отброшеиы далеко не полностью и часто портили даже лучшие работы. Вот фундаментвльный труд талантливейшего ученого, Н. В. Юшманова, посвященный реконструкции развития семитского корня (к сожалению, до сих пор не изданный). Использован обширный материал, много изящества и оригинальности, влняния Марра не так и много. Но от Марра берется один постулат: развитие фонетики должно идти от «диффузных выкриков», через более простые системы звуков ко все более сложным. Под эту схему Н. В. Юшманов подгонял все исследование. Так же страдали и исследования Н. Ф. Яковлева, Д. В. Бубриха и многих других ученых.

С другой стороны, последователи Марра так и ие решились реабилитировать считавшиеся наиболее одиозными идеи о языковом родстве и существоввнии праязыка. Сходство между собой славянских или ромвнских языков, в те годы уже не отрицввшееся, требовалось объяснить чем угодно, но только не исконным родством. Это мешало развитию сравнительно-исторического языкозиания, которое по-прежнему оставалось в загоне. Были тем не менее ученые, смело отстаивавшие принципы сравнительно-исторического языкознания,— М. Н. Петерсон, А. А. Фреймвн, Л. А. Булаховский, А. С. Чикобава.

До поры до времени такая ситуация имелв официальную поддержку. Мещанинов в 1945 году получил звание Героя Социалистического Труда, дважды удостаивался Сталинской премии. Академиками и членами-корреспондентами по языкознвнию в 1939, 1943 и 1946 годах нзбирались действительно лучшие ученые. Но уже не за горами была новая волна проработок и чисток, начавшаяся в 1946 году постановле-

* Окончание. Начало в предыдущем номере.

нием о журналах «Звезда» и «Ленинград».

До языкознания эта волна дошла не сразу. Лишь осенью 1948 года, после печально известной сессии ВАСХНИЛ, была получена директива разоблачать «менделистов-вейсманистов-морганистов» в любой области науки. Мещанинов был вынужден сдаться. И реальную власть в языкознании стали захватывать два опытных проработчика — Ф. П. Филин в Ленинграде и Г. П. Сердюченко, к тому времени перебравшийся в Москву.

«Аракчеевщина»

Черным днем для советского языкознания стала пятница 22 октября 1948 года, когда на совместном заседании ученых советов Института языка и мышления и Института русского языка прозвучали доклады Мещанинова «О положении в лингвистической науке» и Филина «О двух направлениях в языкознании». Если Мещанинов как-то старался сохранить лицо и ограничиться беззубым поношением «буржуазной науки», то доклад Филина был откровенно погромным. В резолюции, текстуально совпадающей с филинским докладом, заявлялось о существовании в СССР «реакционных языковедов», которые «ведут борьбу с советским материалистическим языкознанием, проповедуя идеалистические и оторванные от жизни взгляды»; среди них названы В. В. Виноградов, М. Н. Петерсон, А. А. Реформатский, Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, В. Н. Сидоров и уже покойный Г. О. Винокур.

Начались публичные разбирательства, проработки и покаяния, погромные статьи в «Литературной газете», специальном проработочном органе «Культура и жизнь», а затем и в «Правде». Клеймили «проповедников реакционных идей», «блоки поклонников заграничных талантов», профессоров, «питающихся до сих пор манной кашей младограмматизма», «стирающих грани между учениями прогрессивных и реакционных лингвистов». Ни один ученый, кроме Филина и Сердюченко, не был гарантирован от самых нелепых обвинений. Если вначале ругали лингвистов, далеких от Марра, то с началом в январе 1949 года кампании против «космополитизма» в число обвиняемых попали и ведущие сотрудники марровского института В. М. Жирмунский, Б. А. Ларин, М. М. Гухман, А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон и другие. Чем дальше, тем больше задевали и самого Мещанинова, обвиняя его в отходе от Марра.

Самым трагическим эпизодом этой позорной кампании стала смерть основателя советского финно-угроведения члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха. Этот ко всем доброжелательный и погруженный в науку человек был особенно удобной мишенью для проработки. 16 ноября 1949 года в «Литературной газете» его ученик, В. И. Алатырев, опубликовал статью против учителя под названием «На поводу у финских буржуазных лингвистов». Вся «вина» Д. В. Бубриха заключалась в том, что он требовал от студентов и аспирантов знания финских лингвистических работ. За это его печатно обвинили в «идеалистических теорийках», «порочных и реакционных мыслях», его работы Алатырев требовал изъять из преподавания. После этого две недели шли почти ежедневные собрания, где Бубрих должен был отвечать на любые обвинения. 30 ноября от умер от сердечного приступа прямо в университете.

Кампания распространялась вширь, принимая самые уродливые формы. Так, в Курском пединституте, по воспоминаниям одного из преподавателей, «при наличии профессора и доцента, на заведование кафедрой был назначен ассистент, не имеющий ни знаний, ни опыта научной и учебной работы, единственным достоинством которого было то, что он объявил себя марровцем. При этом заведующим кафедрой нельзя было говорить о лингвистах дореволюционного периода. Всякое упоминание о них считалось преклонением перед буржуазной наукой».

Многие из жертв проработок каялись и признавали «ошибки». Но были и несдавшиеся: М. Н. Петерсон, А. А. Реформатский, П. С. Кузнецов. Были и люди, сами бросавшиеся на амбразуру. Молодой преподаватель МГУ Б. А. Серебренников вместо предложенного ему дежурного доклада о заслугах Марра прочел на заседании кафедры доклад, где показал полную ненаучность его «учения». За это он был представлен к увольнению, ему было отказано в переводе из кандидатов в члены партии. С начала 1950 года началось изгнание из научных учреждений и учебных заведений языковедов, отказывавшихся признавать учение Марра в полном объеме. До арестов дело, правда, не дошло.

«Буржуазной науке» противопоставлялся Марр, учение которого стали насаждать в вузах и даже в школах. Филин заявлял: «Мало не быть борцом против Н. Я. Марра, надо быть последовательным и непримиримым борцом за Н. Я. Марра». Сердюченко в установочных статьях и брошюрах требовал восстановления в правах всей фантастики Марра, давно отброшенной его же учениками, включая анализ по элементам, который, согласно Сердюченко, «при умелом его использовании... может быть вполне применим и полезен». Все развитие науки за полтора года было повернуто вспять. Постановлением президиума Академии наук были запрещены не только сравнительно-исторические, но любые сопоставительные исследования языков. Все это соответствовало тому, что творилось в то время во многих других науках.

И вдруг случилось нечто, выходившее за рамки того, что можно было ожидать. 9 мая 1950 года в «Правде» внезапно было объявлено: «В связи с неудовлетворительным состоянием, в котором находится советское языкознание, редакция считает необходимым организовать на страницах газеты «Правда» свободную дискуссию с тем, чтобы путем критики и самокритики преодолеть застой в развитии советского языкознания и дать правильное направление дальнейшей научной работе в этой области».

От мифа к догме

Сама по себе форма псевдосвободного обсуждения была не нова: вспомним «философскую дискуссию» 1947 года и «дискуссию» на сессии ВАСХНИЛ. Впервые дискуссия развертывалась на страницах газеты, и редакция поначалу не высказывала отношения к печатавшимся мнениям. Почти никто, включая и руководителей советского языкознания, не знал, что это было лишь прелюдией к готовившемуся выступлению Сталина.

Открыл дискуссию, и это тоже было необычным, один из ученых, относимых в то время к «буржуазному языкознанию»,— академик АН Грузинской ССР лингвист-кавказовед А. С. Чикобава, бывший во многом последователем раннего Марра, но никогда не принимавший «нового учения о языке». В своей статье он подверг резкой критике многие идеи Марра, четко показав их ненаучность, и защитил сравнительно-историческое языкознание.

Более месяца каждый вторник две страницы «Правды» посвящались языкознанию, при этом строго выдерживалась дозировка: каждая статья против Марра уравновешивалась статьей за Марра, печатались и статьи, половинчатые по идеям. Вслед за Чикобавой против «нового учения о языке» выступили Б. А. Серебренников, Г. А. Капанцян, Л. А. Булаховский, в его защиту писали И. И. Мещанинов, Н. С. Чемоданов, Ф. П. Филин, В. Д. Кудрявцев, половинчатыми были статьи В. В. Виноградова, Г. Д. Санжеева, А. И. Попова, С. Д. Никифорова. Статьи противников Марра были логичнее и убедительнее, но в те годы сила логики сама по себе ничего не решала.

Наконец, 20 июня в рамках дискуссии появилась статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании». Хотя дискуссия длилась еще две недели и было опубликовано еще несколько статей, но спорить было уже не о чем. К первой статье Сталина вскоре добавилось четыре ответа читателям, в сумме они составили брошюру «Марксизм и вопросы языкознания», немедленно выпущенную миллионными тиражами и объявленную «гениальной». Она содержала резкую критику учения Марра.

Обстоятельства, предшествовавшие появлению работ Сталина, до конца не известны. Достоверно одно: в апреле 1949 года Чикобава, травля которого была тогда в разгаре, написал письмо Сталину, переданное через первого секретаря ЦК КП Грузии К. Н. Чарквиани, покровителя Чикобавы (текст письма вместе с краткими воспоминаниями Чикобава опубликовал незадолго до смерти, в 1985 году). Целый год Чикобава ничего не знал о судьбе письма, вдруг в апреле 1950 года он был вызван в Москву и принят на даче Сталина. Ему было поручено написать статью для «Правды», по поводу которой Сталин сказал: «Напишите, посмотрим. Если подойдет, напечатаем». Чикобава еще дважды был принят Сталиным, который читал варианты текста его статьи; одновременно он давал Сталину консультации по вопросам языкознания и подсказывал нужную литературу.

Но не ясно, кто обратил внимание Сталина на вопросы языкознания — Чикобава или кто-либо другой? Сам Чикобава пишет, что письмо Сталину писал по предложению Чарквиани. Что тут было: инициатива Чарквиани ради помощи Чикобаве или же задание Сталина, которому кто-то подсказал Чикобаву как эксперта? Этого мы не знаем.

Тем более можно лишь гадать о причинах обращения Сталина к вопросам языкознания, от которых он раньше был далек.

Версий существует много. Одну из них уже давно высказал А. И. Солженицын в романе «В круге первом»: Сталину нужно было подтвердить репутацию теоретика марксизма (которую он, кстати, перед этим не подтверждал двенадцать лет), а материалы, присланные Чикобавой, давали такую возможность. Эта гипотеза заслуживает внимания, хотя фактическая сторона дела изложена в романе очень неточно. Другую, вполне правдоподобную версию высказывает автор французской книги о Марре Р. Лермит. По его мнению, Сталину нужно было на примере Марра разгромить идеи, не соответствовавшие его политике послевоенных лет. Действительно, космические идеи Марра, его национальный нигилизм, отвержение всей русской науки были созвучны атмосфере двадцатых годов, но не начала пятидесятых, когда «отечество» и «самобытность» из бранных слов превратились в непременные эпитеты газетных статей. Мог заметить Сталин и сходство идей Марра с концепциями, которые он сам в прошлом громил. Недаром он сопоставил Марра с рапповцами и пролеткультовцами.

Так или иначе, «новое учение о языке» было административным путем отвергнуто. Критика Марра у Сталина в тезисной форме воспроизводила идеи А. С. Чикобавы, Б. А. Серебренникова и других участников дискуссии, иногда заставляя вспомнить и первого противника Марра, Е. Д. Поливанова. Но главное внимание Сталин уделил разгрому двух положений Марра, выходивших за пределы лингвистики: о языке как надстройке и классовости языка. Именно здесь Сталин мог выступить как теоретик марксизма, хотя весь его вклад заключался в опровержении двух очевидно абсурдных положений, имевших, однако, хождение благодаря авторитету Марра; ничего позитивного взамен этого в области философии языка предложено не было.

В области же собственно лингвистики «новое учение о языке» предлагалось заменить традиционными идеями науки о языке XIX века, прежде всего идеями сравнительно-исторического языкознания. Никакого оригинального «сталинского учения о языке» не существовало, брошюра Сталина представляла собой схематичное и упрощенное изложение идей русских дореволюционных языковедов. По мнению профессора В. А. Звегинцева, основным теоретическим источником для Сталина послужил учебник введения в языкознание Д. Н. Кудрявского, изданный в Юрьеве (Тарту) в 1912 году. При отсутствии прямых текстуальных совпадений этот учебник действительно схож с брошюрой Сталина рядом тезисов и формулировок. Оригинальными у Сталина были лишь отдельные неграмотные и ошибочные высказывания вроде упоминания о некоем «курско-орловском диалекте», как опорном для русского литературного языка. В остальном же пересказывались общеизвестные для всех, кроме Марра и его последователей, идеи об историческом развитии языков, об устойчивости основного словарного фонда и грамматического строя, о поглощении одних языков другими и т. д. Признавалось родство славянских и ряда других языков, вопреки

этому отвергалась «теория праязыка», это понятие стало после Марра столь одиозным, что даже Сталин не решился его реабилитировать.

Произошла полная смена вех, «марксизмом в языкознании» было объявлено то, что раньше считалось «буржуазной наукой». В. Леглер пишет: «...В языкознании была «назначена» квазинаука, основанная на трудах И. В. Сталина», ставя эту квазинауку в один ряд с «исторической квазинаукой, основанной на «Кратком курсе». Это не совсем так: идеи, провозглашенные Сталиным, сами по себе квазинаукой не были, если отвлечься от деталей вроде «курско-орловского диалекта». Но какими бы они ни были, их административное внедрение не способствовало нормальному развитию науки. Об этом писали в те годы зарубежные наблюдатели в целом, несмотря на разгар «холодной войны», оценившие события в советском языкознании куда лучше, чем победу лысенковщины. Американский журнал «Ленгвидж» писал, что, хотя в советской лингвистике сделан шаг в правильном направлении, это еще не шаг от тьмы к свету, поскольку идеи Сталина независимо от их содержания — догма, провозглашенная официальным актом.

Надо учитывать и еще один фактор. Как сказано выше, в мировой науке тогда уже произошел переход от старой, сравнительно-исторической парадигмы к новой, структуралистской. В советской же науке после двадцатилетнего официального запрещения обеих парадигм по приказу сверху разрешили лишь работу в рамках старой парадигмы, новая же осталась под запретом. Хотя в самой работе Сталина о современной мировой лингвистике прямо не говорилось, общая обстановка тех лет привела к тому, что тезисы о «маразме» и «оскудении» современной западной науки, расхожие в 1948—1949 годах, продолжали повторяться и после выступления Сталина. Реабилитации подверглось не все наследие мировой науки о языке, а лишь наука прошлого века, в первую очередь русское дореволюционное языкознание. Отвергнуты были вместе с наследием Марра и работы И. И. Мещанинова и других его учеников, хотя «новому учению о языке» они часто следовали лишь внешне.

Начались новые проработки и покаяния. Недавние гонители превратились в гонимых и наоборот, хотя многие лингвисты и здесь сумели сохранить достоинство. Впрочем, заявление Сталина о том, что он «убежден в честности тов. Мещанинова и других деятелей языкознания», спасло признанных главными виновниками Мещанинова, Филина и Сердюченко от слишком больших неприятностей — все трое подверглись лишь снятию с административных должностей. Куда тяжелее сложились судьбы некоторых других ученых. Так, упоминавшийся выше выдающийся лингвист Н. Ф. Яковлев, в свое время сломавшийся под напором обвинений Сердюченко и ему подобных и примкнувший к последователям Марра, в 1951 году как «нераскаявшийся маррист» был уволен, вскоре психически заболел и уже не смог вернуться к работе.

Тем не менее нельзя отрицать, что многие области лингвистики, особенно сравнительно-историческое языкознание, стали после 1950 года развиваться свободнее, чем раньше. Уцелевшие ученые, сложившиеся до победы марризма, старались восстановить традиции русской науки, прерванные в тяжелые годы.

Итак, после двух десятилетий господства мифа наша наука в основном вернулась на исходные позиции. За некоторыми исключениями (фонология) она не могла сохранять передовое место в мировом языкознании, которое занимала во времена Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртене и Е. Д. Поливанова,— речь идет, конечно, о теоретическом уровне, о поисках новых идей и концепций, а не о качестве конкретных исследований, которое у многих лингвистов всегда было высоким. Главная вина в этом лежит на Марре и на тех, кто помог ему установить монопольное господство. Теперь главное препятствие было устранено, однако на пути науки оставалось еще много камней и завалов. Появились условия для сближения советского и мирового языкознания, хотя не все тогда это осознавали.

Смерть Сталина и даже XX съезд КПСС не привели к заметному изменению ситуации в языкознании. Часть проблем по счастливому стечению обстоятельств разрешилась раньше, чем в других гуманитарных науках, для решения остального еще не пришло время.

Коренное изменение ситуации намечается лишь с 1957—1958 годов, когда в советское языкознание стали активно проникать идеи западного структурализма. Примерно к этому времени со страниц лингвистических изданий исчезает и полемика с «новым учением о языке». Перед советской лингвистикой встали новые проблемы, которые уже выходят за рамки нашей темы.

Годы марризма уже стали историей. Это, конечно, не означает, что всякое наследие тех печальных времен ушло в прошлое. Остались и даже укрепились в семидесятые годы упрощенный социологизм в объяснении лингвистических явлений, априорное отрицание зарубежной науки. Но при всех трудностях в развитии советское языкознание ушло далеко вперед, поэтому яфетидология, палеонтология, четыре элемента, стадиальность, единство глоттогонического процесса и многое другое стали делами давно минувших дней, каким-то полузабытым страшным сном.

Мы не ставили своей задачей исчерпать тему. Наоборот, мы надеемся, что ее разработка только начинается. Необходимо изучение архивных документов, почти нами не привлекавшихся, мемуаров, свидетельств живых участников тех событий. Многое еще откроется. Однако и то, что известно, приводит лишь к одному выводу: марризм реабилитации не подлежит, хотя, несомненно, о марризме и дискуссии 1950 года будут вспоминать еще не раз. Но важно не отдаваться во власть эмоций и знать факты. Для этого необходимо и скорейшее издание мемуаров с трезвой оценкой событий. Ждут публикации, например, воспоминания П. С. Кузнецова, И. Е. Аничкова, аналитическая работа В. А. Звегинцева. ●

В советской печати уже неоднократно звучало имя американского финансиста Сороса, основателя фонда «Культурная инициатива». Деятельность фонда полностью обращена к нам, ее главная идея — поддерживать и субсидировать культурные начинания, которые без этой поддержки не смогли бы осуществиться. Часть из многочисленных программ фонда — программы научные. О них нашему корреспонденту И. ПРУСС рассказывают американские сотрудники партнерской организации «Фонд Сорос — Советский Союз» Нина БУИС и Энтони РИХТЕР.

И снова на пороге

— Наука нас интересует ровно настолько, насколько она способствует развитию вашего общества, решению ваших острых проблем. Глубокие теоретические разработки — это прекрасно, но это вне сферы нашей деятельности. Ведь, в конце концов, цель фонда — насколько возможно помочь перестройке.

В 1987 году фонд впервые объявил конкурс на научные идеи, чтобы победителям дать материальную возможность их осуществить. Тогда получили около двух тысяч заявок, самых разных. Они-то и показали те главные направления, в которых наша помощь была бы действительно эффективна. Это архивное и библиотечное дело. Это экология человека: одна из заявок, например, предполагала изучение удэгейского языка, который исчезает с лица Земли, исчезает особый феномен культуры. Это, наконец, охрана окружающей среды — недавно, например, на средства фонда на Байкал ездила совместная советско-американская экспедиция.

Такие блестящие идеи залежались у вас на полках! Вот первые впечатления американцев от работы на Байкале: если бы мы знали столько, сколько знают советские ученые, мы намного быстрее справились бы с нашими собственными экологическими проблемами, по крайней мере в охране озер.

И вместе с тем сразу ощущается сильный отрыв ваших гуманитариев от мировой науки. У вас плохо знают Фрейда, собственных ученых с мировым именем, хотя бы Бердяева, а это же люди, сильно повлиявшие на движение западной научной мысли. Политика изоляционизма нанесла огромный вред вашей науке. Как и другое обстоятельство — догматизм в анализе реальных событий прошлого и настоящего.

Разрушить такие догмы может именно научная работа с документами, с другими источниками, чтобы на этой основе создать новую картину жизни общества. Поэтому мы поддержали группу молодых ученых, занявшуюся разработкой темы «Сталин в науке». Очень заинтересовала нас идея создать «народный архив»: записывать воспоминания еще оставшихся в живых свидетелей и участников исторических событий, причем не столько героев учебников, сколько простых людей — старых деревенских женщин, городских рабочих и так далее. Поддержали мы и ряд проектов общества «Мемориал», и кооператив по изучению общественного мнения под руководством профессора Б. Грушина, и журнал потребителей, отпочковавшийся от «Недели».

Естественно стремление ваших молодых ученых «прорваться» на западные симпозиумы, конференции, к стажировкам в западных фирмах и научно-исследовательских центрах. К сожалению, им действительно приходится «прорываться» к повседневной жизни мировой науки: ваши бюрократические структуры мало изменились в этом отношении, доступ к научным контактам с Западом имеет в основном один и тот же круг людей «с положением», которым, может быть, это и не настолько нужно (для научной работы) и которые далеко не всегда достаточно адекватно представляют состояние советской науки. Третий год мы ведем специальную программу, субсидируем поездки молодых ученых на международные конференции и проведение совместных исследований. Мы даем немного: оплачиваем авиабилеты в рублях и на месте — скромные суточные; но зато в первый год по этой программе приезжали в Америку и в страны Европы 150 человек, во второй — 350, и, надеемся, в этом году будет более пятисот таких поездок.

Между прочим, ваши молодые ученые очень хорошо выглядят у нас, на Западе. Недавно, например, приезжали семнадцать молодых юристов — они произвели сильное впечатление на американцев высоким профессионализмом и серьезным отношением к делу. Работа с ними была полезна для обеих сторон.

Мы продолжаем конкурс заявок на исследования, победители которого получат нашу финансовую поддержку. Эти конкурсы и сами по себе, мы полагаем, полезны — они будят мысль, инициативу.

Правда, порой заявки нас несколько обескураживают. Многие из них выдержаны в таком стиле: я гениален, моя идея может спасти человечество (по меньшей мере — страну), меня «затирали» (об этом — много), я не знаю, сколько денег потребует реализация моей идеи, не знаю, на каком оборудовании ее лучше проверить; вы дайте мне денег, сколько надо, и укажите на западное оборудование, которое сейчас в этой сфере самое лучшее. Мы не против романтиков, но предпочитаем тех из них, кто умеет составлять смету, тех, кому в цепи «идея — результат» не хватает только одного звена, — вот это звено, если проект покажется нам достойным, мы и поможем восстановить.

Вообще на Западе давно сложилась особая культура заявок, есть специалисты (и даже художники) по их оформлению — это их заработок. Похоже, вам еще предстоит овладеть этой культурой.

Для нынешнего поколения тридцатилетних и моложе важность мира и дружбы — азбука; нужны конкретные дела, конкретные программы действий. Информатика и промышленность сделали мир тесным, и молодым предстоит жить в таком новом мире. И нашим, и вашим молодым. Деятельность фонда ни в коем случае не надо воспринимать как благотворительную помощь бедному родственнику — это помощь полноценному соседу в тесном мире. Всем выгодно, всем необходимо, чтобы вы вошли в мировое сообщество, чтобы не только говорили о мировых стандартах, но и действовали на их уровне.

Конечно, никто, кроме вас самих, не решит ваши проблемы, не вытащит страну из кризиса. Но отдельному человеку с хорошей, полезной для общества идеей мы можем дать шанс. ●

Вл. Гаков
В. Задорожный

Стукач образца 1692 года, или Ведьмина охота

В нынешнем Сейлеме ведьмовский дух почти напрочь выветрился. Хотя память о трагедии, разыгравшейся тут без малого три столетия назад, время от времени все еще вспыхивает в самых различных местах, отдаленных от захолустного американского городка на берегу Массачусетского залива тысячами километров.

...Когда выезжаешь из Бостона на северо-восток, то где-то на исходе тридцатой мили обязательно проскочишь стандартный указатель на Сейлем. Но вот рядом с ним установлен поистине диковинный дорожный знак, возле которого не притормозит лишь чересчур спешащий водитель: стилизованное изображение ведьмы на помеле и надпись на стрелке: «Место исторического процесса — 10 миль». Знак установлен жителем Сейлема Джоном Бересфордом Хэтчем — город словно пытается обратить в шутку свою явно не веселую всемирную славу.

Вот ведь напасть!.. Оставаться бы Сейлему исторической достопримечательностью Новой Англии (основанный в 1626 году, он гордо несет славу одного из древнейших городов Соединенных Штатов), так нет же — настоящее бедствие обрушилось на сонный городок на шестьдесят седьмом году его благонамеренного существования.

Сегодня о наваждении напоминает разве что причудливый дорожный знак да единственный в своем роде «Музей охоты на ведьм». Даже мрачновато звучащий на слух Ведьмин холм, на котором разыгрались финальные эпизоды трагедии, и тот ныне застроен — земля стóит денег, не до туристской экзотики... А в остальном это типичный «исторический» городок, ухоженный и чистенький, привычный к туристским набегам,— уютная гавань с рыбацкими лодками, обязательные для этих мест старинные кирпичные дома с черепичными крышами и затейливыми ставенками на окнах, какая-то «декоративная» брусчатка, которую не берут ни время, ни колеса современных автомобилей. Не нарушаемый ничем покой города-музея.

Да, в Сейлеме почти триста лет тому — с января по начало октября 1692 года — судили ведьм. Ничего экстраординарного,— по меркам того времени, эка невидаль. И только некие особые обстоятельства, подноготная процесса, что нежданно-негаданно принес всемирную славу богом забытой дыре, заставляют нас сегодня расширить границы «сейлемского феномена».

Охота на ведьм. Процессы над ведьмами... Да чепуха это: все было как раз наоборот! И в Сейлеме, и позже в других городах и весях — это ведьмы охотились на людей. Или, как сказал бы — и сказал! — Достоевский, бесы.

Давняя история? Посмотрим.

Двадцатый век закономерно увидел в тогдашнем разгуле кровавых страстей генеральную репетицию его собственных ужасов. Сколько самых экстравагантных толкований вызвал к жизни Сейлем, в их числе психоаналитические и психопатологические «версии»! Однако до недавних пор общепринятым объяснением остается следующее: разгул религиозного фанатизма, последний, быть может, рецидив оставленной переселенцами-пуританами за океаном матушки-Европы. Так думали почти три столетия, пока кому-то не пришло в голову посмотреть на феномен не с религиозной, а с приземленно социальной точки зрения.

Однако хорошо ли нам известна каноническая «редакция» сейлемской драмы? Наши публицисты сотни раз, к месту и не к месту, поминали пресловутую охоту на ведьм. Но все как-то без должной конкретики, скороговоркой...

Итак, попробуем восстановить мрачную хронику чуть менее бегло, чем это делалось в нашей печати до сих пор...

Появление ведьм

В преддверии XVIII столетия ведьмы начали выходить из моды. Вера в них дотлевала в сознании жителей Старого и Нового Света, и отдельные вспышки фанатизма общую тенденцию не меняли: на дворе — век промышленной революции, прогресса, расширения границ познания!

Американская колония Новая Англия, по преимуществу пуританская, оставалась одним из тщательно поддерживаемых очажков сопротивления наступавшему прогрессу. Для пуритан повседневная жизнь была непрестанным борением божественного и дьявольского начал, сатана же, известное дело, строит козни прежде всего с помощью ведьм и колдунов. Поэтому законы Новой Англии признавали ведовство преступлением пострашнее убийства и поджога; к тому же на дьявола так легко было списывать все тяготы пионерского быта.

Видную роль в организации местной «идеологической жизни» играло воспитание детей. Нравственный ригоризм превращал их в домашних узников, запрещал шалости, подвижные игры, громкий смех. Детям с малых лет внушали, что грех соприроден людям, что тесны врата и узок путь к вечному спасению... Особенно опасной для детской психики была зима: белая тягучая пустыня без Рождества, Санта-Клауса и каких бы то ни было намеков на приход весны.

В семье сейлемского пастора Сэмюэла Пэрриса начало года 1692 от Рождества Христова оказалось особенно безрадостным. Его девятилетняя дочь Бетти и племянница Абигайл Уильямс, двумя годами старше, остро переживали распри своего отца и дяди с прихожанами. Дело в том, что недоучка Пэррис возглавил приход, в коем верующие прогнали уже трех священников и не особенно церемонились с четвертым. Пэррис-то думал всем заправлять в одиночку в этом захудалом приходе, а вышло иначе: молодому пастору, и без того злобному и нетерпимому, пришлось вести настоящую войну со своей паствой.

В душном детском мирке, где были запрещены добрые феи и Робин Гуд, мысли невольно вращались вокруг сатаны и его воинства. Совсем недавно девочки прочитали книгу богослова Коттона Мэзера из Бостона о случаях ведовства в Массачусетсе (в колонии за все годы были казнены три ведьмы, еще сорок четыре человека подозревались в ведовстве). И в январе с Бетти стало происходить неладное. Апатия сменялась приступами неоправданного раздражения. Вскоре у нее начались припадки — девочка подолгу билась в судорогах, что-то выкрикивая, плача, смеясь... Через несколько дней болезнь перекинулась на Абигайл.

Первым роковое слово обронил местный эскулап; дабы не расписываться в своем бессилии, он со значением произнес: «Тут не обошлось без нечистой силы!» На самом деле девочки уже месяц страдали тем, что современная медицина диагностирует как подростковую истерию — невроз подавленных желаний, попытку привлечь к себе внимание взрослых, выделиться и т. п. Особый признак истерии — некоторое облегчение после припадка; вот и Бетти с Абигайл после конвульсий вставали бодрыми и свежими, как после душа.

Внезапно те же симптомы объявились у их двенадцатилетней подружки Энн Потнэм. Служанка Пэрриса, негритянка Титуба, взялась тайком проверить, не бесовские ли это козни. Она облила кусок мяса мочой девочек, сожгла его, а пепел скормила собаке. Об этом узнали сперва соседи, а потом и хозяин дома. Пэррис пришел в ярость: ворожба у него под боком! Он накинулся на Бетти и Абигайл с расспросами, а девочки, как по

В оформлении статьи использованы сцены из спектаклей на тему Сейлемских процессов, а также немецкие гравюры и рисунки XV—XVI веков.

команде, рухнули на пол и забились в судорогах. Бетти уже начала синеть, как вдруг с ее губ сорвалось:

— Ти-ту-ба! Это она!

29 февраля,— как на грех, високосный год! — судебный пристав препроводил Титубу в тюрьму, расположенную в нескольких милях от Сейлема. Служанке не пришлось долго скучать в камере. Абигэйл выкрикнула во время припадка еще два имени — сначала нищенки Сары Гуд, а затем добропорядочной фермерши Сары Осборн.

Допрос при огромном стечении публики вели в молельном доме шериф Корвин и судья Готорн. Они полистали книги по ведовству, посоветовались с бостонскими проповедниками и прибыли на следствие с убеждением, что налицо три неоспоримых доказательства связи человека с дьяволом. Задержим внимание на этих неподражаемых образчиках тогдашнего судопроизводства (тогдашнего?).

Итак, перед судом предстала Сара Гуд. Девочки-кликуши объявили ее ведьмой — первое неоспоримое доказательство.

Стоило несчастной нищенке войти в церковь, как девочки одна за другой повалились на пол и стали извиваться в корчах. Знвчит, ведьмв мстит им за разоблачение (хотя, заметнм мы, какой ей резон делать это перед лицом следствия?) — второе доказательство.

Кликуши, прндя в себя, поведали, что им являлся фантом Сары Гуд и мучил их. Третье!

И девочки, и следователи зачитывались одними и теми же книгами про ведьм, особого разнообразия в литературе того времени не наблюдалось. Немудрено, что следствие услышало то, что ожидало услышать. Отныне и на многие месяцы вперед установилась единая схема опознания ведьмы: указание мвленьких доносчиц; припадки у них во время очной ставки; наконец, «факт» явлення девочкам фантома обвиняемой.

Ни глуповатая Сара Гуд, ни речистая Сара Осборн вслед за ней не смогли доказать, что не желали вреда соседским девочкам. Запирательство обвиняемых судья Готорн оценил как проявление злой воли.

Ход разбирательства нагнал страху на Титубу, и она сразу же призналась в том, что является ведьмой, летала на метле нв шабаши, глумилась над Бетти и Абигайл и делала иные гнусности, известные всем из ведовского фольклора. Но более других призивние Титубы потрясло самих юных кликуш. Ведь лишь негритянку они с чистой совестью могли назвать колдуньей, ибо сами пользовались ее ворожбой!

Титуба могла выдать врушек, но не посмела: правду из ее уст сочлн бы непростительным поклепом. Поэтому она не только подыграла юным кликушам, признав обеих Сар сообщницами, но и добавила, что на шабашах бывало еще шесть неизвестных ей ведьм во главе с «нездешним высоким мужчиной»!

Только-только сейлемцы облегченно вздохнули — три ведьмы изобличены, дьявол в их городке посрамлен,— как вдруг оказалось, что адово воинство атаковало Сейлем всерьез и осада предстоит долгая...

Судья Готорн убедился в виновности троицы и вернул их всех в тюрьму. Суд и казнь «ведьм» могли бы отрезвить сейлемцев. На беду март — апрель в колонии пришелся на период безвластия: ждали приезда из Англии нового губернатора, который должен был назначить новых судей, согласно недавней королевской хартии, ущемлявшей самоуправление пуритан. Ну а безвластие — это прежде всего безволие и безответственность: старые законники от серьезных дел попросту уклонялись, как могли.

Отныне нашим кликушам незачем было излечиваться. «Мученицы» стали героинями дня, их не просто слушали с почтением — их боялись. А припадки для самих девочек стали восхитительными праздниками непослушания, дерзости, своего рода эмоциональной оргией: хулигань, хами взрослым, бей их, ругайся — все спишут на болезнь.

Титуба объявила на следствии семь страшных вакансий. Замещения их не пришлось долго ждать. Слово и дело...

Шабаш

23 марта охота на ведьм вступила в новый, еще более зловещий этап. Арестовали саму Ребекку Нэрс — «мвтриарха» разветвленного родв Нэрсов, которые благодаря уму и трудолюбию поднялись из голытьбы до столпов сейлемского общества. Ребекка уже удалилась от дел, читала только Библию, да столь истово, что сама приобрела повадки и речь древних пророчиц.

Как? И она — тоже?!

Первым дерзкая мысль пришла чете Портеров, известным в общине лентяям н завистникам. Они явились к хворающей Ребекке и деликатно осведомились, не она ли мучит невинных деточек. Больная указала им на дверь. Но Портеры вошли в роль ищеек и отправились к Пэррисам. На вопрос о Ребекке Нэрс обе девочки удивленно молчали. Они, конечно, терпеть не могли чопорную старуху, кичившуюся добродетельной жизнью и успехами своего многочисленного семейства. Но оболгать ее — на такое их умишки пока не смели посягнуть.

Пока... Недолго оно длилось, это «пока». Первой оценила ситуацию Абигайл. Она забилась в привычных конвульсиях: «Да, она — Ребекка Нэрс! Мучит! Нас!»

Девочки уже научились не просто корчиться на полу, а разыгрывать целые хореографические миниатюры. Чтобы показать свою полную зависимость от воли ведьмы, они принялись повторять все ее жесты. Зрители зачарованно наблюдали, как сразу пять-шесть юных «стукачек», словно мврионетки, подражают старухе Нэрс, слывшей образцом добродетели на протяжении десятков лет. Силен дьявол! Женщины рыдали.

Не плакала одна Ребекка. Позор высушил ее глаза. Но именно этот «неплач» стал решающим доказательством ее вины.

И тут прозрела Энн Патнэм. Эта девочка жила с полупомешанной матерью, которая «общалась» со своими многочисленными умершими детьми и заставляла дочь тоже «видеть» их и «разговаривать» с ними. Немудрено самой стать припадочной! И вот Энн опознала в Ребекке убийцу своих братиков и сестричек и других детей — числом четырнадцать!

...Как это не рвз случалось потом, в разгар оголтелой охоты на ведьм — в любой стране и в любую эпоху — сейлемцы в ажиотаже позабыли, что весна в разгаре, что дóлжно пахать и сеять. Но куда там: даже война с индейцами не съедала столько времени и сил! В разгар войны кто-то по-прежнему пахал, пусть и с мушкетом за плечом; иное дело — вихрь ведьминой охоты. Кто «топил» соседей, кто выручал своих присных и друзей. Допросы тянулись днями, в промежутках сейлемцы сновали от дома к дому — поглазеть на очередной припадок юных кликуш или арест новой ведьмы. Заманчиво было совершить экскурсию по тюрьмам округи, где за грош пускали в камеры разглядывать и дразнить сатанинское отродье. Немногие доброхоты подкармливали невинно заключенных...

В Сейлем прибыл прежний глава прихода преподобный Лоусон. При нем охота на ведьм взыграла с пущей силой. И с большим бесстыдством — Лоусон разыскивал ведьму, которая три года назад уморила его жену и дочь, и готов был спалить хоть весь ненввистный Сейлем. (Между прочим, своей агрессивностью он спас собственную жизнь, ибо никому в голову не пришло назвать его самого колдуном; его же предшественника скоро повесят...)

Засадив за решетку Ребекку Нэрс, сейлемцы переступили невидимый порог. Посыпались доносы на самых богатых и уважаемых жителей. В проповеди пастора Лоусона этому было дано теоретическое обоснование: дьявол лишь шалит с никчемными членами общины, цель его — подорвать устои Сейлема, соблазнить самых достойных граждан, с безупречной репутацией.

Впору было, конечно, задаться простым вопросом: как же Сейлем строился, рос и процветал, если даже лучшие его люди давно предались дьяволу, стали «врагами христовыми»? (До «врагов народа» еще дойдет черед лет через двести пятьдесят!) Этого Лоусон не объяснял. Не было нужды. Когда разыгрывается шабаш доносительства, единственным значимым качеством «юриспруденции» становится скорость: прав тот, кто быстрее донесет на соседа.

Юные кликуши стали отныне привычным инструментом в руках Пэрриса и его присных. При девочках называли фамилии неугодных людей и ждали реакции. А из разговоров взрослых маленькие «стуквчки» извлекали знание того, кто ненавистен Пэррису и их родителям. Неудивительно, что семьи последних стали самыми могущественными в приходе. Трудно сказать, был ли сам преподобный Пэррис маниакальным убийцей или каким-то уж невероятно хладнокровным циником-карьеристом; скорее всего он искренне полагал, что любое выступление против него сродни сговору с сатаной. Перед пастором заискивали, его проповедями восхищались, льстивые языки возводили его в ранг отца-спасителя Сейлема. А если девочки ненароком называли не ту фамилию, взрослые пропускали ее мимо ушей: путают что-то, дьявол их искушает!

Начиная с мая эпидемия стала быстро распространяться по всей округе. Кликуш стали вывозить в соседние поселки для выявления тамошних ведьм. Из Сейлема де-

вочки до того никуда не выезжали, никого в окрестности не знали, словом, им приходилось стараться особенно усердно... Побывала эта жутковатая девичья «чрезвычайная комиссия» и в соседнем поселке Эндовер, где ловля ведьм достигла почти тех же иррациональных размеров, что и в Сейлеме.

Но... в Эндовере произошла осечка, и вакханалия «ведьмомании» захлебнулась. В общем из-за пустяка.

Среди моря беззакония голоса одного человека оказалось достаточно, чтобы споткнулся, а затем и вовсе остановился адский механизм. Уже добрые полсотни жителей поселка сидели в тюрьме, когда неожиданно местный торговец, очередная жертва доноса, успел подать встречный иск на доносчика, обвинив того в клевете и требуя компенсации ущерба размером в тысячу фунтов! Разбор иска растянулся на годы, зато непредвиденная выходка торговца в самый разгар шабаша так напугала стукачей-энтузиастов, что они утихомирились.

Господи, как же мало порой нужно! Пока не поздно — восстать, даже в гордом одиночестве... Увы, локальный «всплеск законности» в Эндовере так и остался во всей этой истории лишь анекдотической случайностью.

В самом же Сейлеме шабаш меж тем разгорался. И там не обошлось без конфузов. Скажем, Абигайл и еще три свидетельницы посреди корч вдруг объявили ведьмой... жену шерифа. Что тут началось! Век был не наш, не двадцатый, архаичная эта охота на ведьм еще удерживалась в каких-то иерархических рамках... И судья Готорн грубо одернул нахалку. Абигайл немедленно извинилась. Ее извинение достойно того, чтобы увековечить его в истории: «Это мы для потехи!»

Слова занесены в протокол и забыты. Забыты! У наставников молодежи в пуританском Сейлеме не хватило соображения вот именно в этом месте всполошиться. Как это — для потехи?! И ужаснуться, и, может быть, вовремя дать задний ход процессу... Не всполошились.

Да и до тонкостей ли английской юриспруденции (а за три поколения в Новом Свете достижения ее во многом поблекли) было судье Готорну, который не столько допросам уделял свое драгоценное время, сколько конфискациям имущества подозреваемых! Приговора суда обычно не ждали: распродажа и попросту растаскивание барахла начиналось сразу же после ареста. Результаты этого простодушного грабежа сказывались на благосостоянии судьи, шерифа, приставов и сторонников Пэрриса, скупавших скот и строения по дешевке.

Однако и бедняков не оправдывали — ведь сам донос по сути уже был приговором. Выпустили только слепого и глухого столетнего старика — не из человеколюбия, разумеется, а просто за невозможностью вести следствие. Ибо еще один исторический опыт сейлемской трагедии заключается в том, что чем больших размеров достигает произвол и беззаконие, тем более лакомыми для творящих его кажутся внешние аксессуары нормального следствия. Очные ставки, тщательно пронумерованные и подписанные обвиняемым протоколы, личное признание им вины... Этот опыт пошел впрок многим будущим следователям-ведьмоведам.

Зато другой урок, к сожалению, был проигнорирован всеми последующими пэррисами и готорнами, а также добровольными стукачами — юными и зрелыми. Урок заключался в том, что затеянная охота на людей со временем неизбежно принимает необратимый и никаким режиссерским умом не предсказуемый характер. Охота опьяняет и мутит разум, и попасть под «пулю» может отныне кто угодно. В том числе и сам охотник, тем более загонщик...

Но об этом чуть позже. Пока же охота в Сейлеме шла на славу. Она выкашивала тех, кто рисковал заступиться за жену, мужа, родителей, просто добрых знакомых. Многие семьи целиком оказывались в тюрьме — так удобнее было конфисковывать их скарб.

Конечно, репрессии прежде всего пожинали тех, кто против них выступал, да не так хитро, как тот торговец из Эндовера. На этом этапе охоты, когда она только разгулялась, протест смельчаков-одиночек был самоубийствен. Когда мы знакомились с материалами этого древнего процесса, нас потрясла леденящая душу динамика страха. Петицию в защиту Титубы, Сары Гуд и Сары Осборн подписали сто сейлемцев. Некоторое время спустя в защиту Ребекки Нэрс отважились открыто выступить всего пятьдесят... А затем в течение долгих месяцев в Сейлеме ничего, кроме доносов, не подписывали.

Главный процесс

Но и в рядах малолетних очернительниц началась склока, борьба за славу, споры, кто корчится артистичнее. Девочки начали доносить друг на друга. Половина стукачек перебывала в тюрьме, но одних выпустили по протекции Пэрриса, другие признали себя ведьмами, и их все равно выпустили, чтобы исправно стучали и впредь.

В этом месте повествования, конечно, неизбежны вопросы. Наши вопросы, жителей многострадального и далеко ушедшего вперед по сравнению с «первым опытом» в Сейлеме века. Почему попавшихся маленьких доносительниц отпустили — не вписывалось их осуждение в «сценарий»? Не названа еще была главная жертва? И как в этом случае связать подобную щепетильность с общепринятой версией о «религиозном фанатизме»?

Героя «главного процесса» (как рано поняли важность его!) разыскали быстро. Наконец согласными усилиями выявили и заправилу дьявольской свистопляски в Сейлеме, того самого «высокого нездешнего мужчину», о коем обмолвилась Титуба. Им оказался бывший пастор Сейлема, преподобный Берроуз. Десять лет назад паства не оценила его красноречия и добросердия, и все же Пэррис подозревал, что прихожане с запоздалой жалостью вспоминают Берроуза. И некоторые, может быть, хотели бы даже видеть его на месте Пэрриса. Знакомо, правда?..

О Берроузе в доме нынешнего пастора говорили сквозь зубы уже давно. Не диво, что Энн Патнэм, подруга Бетти и Абигайл, наконец уяснила, кто есть главный колдун! И старика Берроуза выхватили прямо из-за обеденного стола в далеком приходе, где он теперь вел службы. Хоть и преклонных лет, но этот мускулистый коротышка любил прихвастнуть своей недюжинной физической силой. Что и составило главный предмет обвинения: доносчики показали, что видели, как много лет назад Берроуз одной рукой поднимал корову.

Главный враг в интересах следствия просто обязан иметь вокруг себя некую организацию, преступную группу. И ее начали спешно «сколачивать».

27 мая поступил донос на богатого офицера в отставке Джона Олдена, 31 мая — на Филиппа Инглиша, владельца четырнадцати домов, двух десятков кораблей и морской пристани, англиканца, вздумавшего отстаивать свободу совести в среде фанатиков-пуритан...

Чуть ранее, в середине мая, в колонию наконец-то прибыл новый королевский губернатор сэр Фипс. Ему вменялось в обязанности закончить войну с индейцами, наладить добрые отношения с пуританами, все еще ропщущими против хартии. Поэтому он быстренько умыл руки в «ведьмином» деле и велел во всем разобраться судебной «тройке» (учитывая характер процесса, ей более подходит пришедшее из далекого грядущего «особое»...) во главе со своим заместителем Стафтоном. Решительный чиновник и ревностный пуританин, тот ни в коей мере не был материально заинтересован в конфискациях и не имел вообще никаких интересов в Сейлеме. Однако проявил себя еще бессердечнее Готорна.

Новый суд — 2 июня — слушал дело хозяйки трактира Бриджит Бишоп. Сейлемские ревнивые жены уже делали подкоп под нее несколько лет назад: смазливая, бойкая на язык бабенка магнитом влекла к себе местных благонамеренных отцов семейств... На сей раз приговор был скор. Как записал свидетель слушания, «не было нужды доказывать, что Бишоп ведьма, ибо это и так было очевидно для всех присутствующих». Еще одна историческая фраза, достойная занесения на скрижали!

Присяжными были сейлемцы, которые знали, что в их деревне делают с непокорными: 10 июня трактирщицу Бишоп повесили на холме неподалеку от Сейлема; с тех пор холм и прозвали Ведьминым. После чего Стафтон, судья жестокий, но по-своему добросовестный, сделал перерыв до 28 июня. Его несколько смутило то, что его коллега, судья Селтенстолл, после приговора Бишоп подал в отставку и ударился в запой... Стафтон пополнил свои демонологические знания, побеседовал с пасторами, успокоил совесть и с новым тщанием приступил к разбору дела Ребекки Нэрс.

И вот тут произошла замечательная «осечка», которой больше шансов случиться в правовом государстве, знакомом с судом присяжных. Десятки лет праведной жизни, благородство и искренность ответов, наконец, набожность старой женщины до того их растрогали, что все двенадцать в один голос заявили: невиновна.

Что тут сталось с юными доносчицами! Они выли, бесновались, словно пришел их последний час. Стафтон «отечески» упрекнул присяжных в попустительстве нечистой силе и... отослал их подумать еще разок! Когда идет охота на ведьм, никакие законы не должны мешать судьям... После совещания присяжные все «осознали» и единогласно же решили: виновна.

После такого урока осуждение еще четверых обвиняемых, в том числе преподобного Берроуза, прошло без сучка и задоринки.

Казнь Бишоп мало удручила многочисленное население тюрем. Распутная трактирщица, туда ей и дорога. После временного оправдания и последующего «перерешения» по делу Ребекки Нэрс последняя надежда испарилась даже у записных оптимистов.

19 июля при огромном стечении зрителей на Ведьмином холме состоялась казнь четырех ведьм и колдуна. Однако праздник сейлемского «правосудия» чуть было не испортил как раз он, колдун. То есть преподобный Берроуз.

Случалось — и много раз позже,— что

сильная личность, человеческая твердость убеждений чуть было не срывали планы режиссеров подобных спектаклей! Дело в том, что — по убеждениям того времени, о котором наш рассказ,— одержимые сатаной не могли внятно и без кощунственных ошибок сотворить молитву. А тут Берроуз, наплевав на обвинительный приговор (и, следовательно, доказанную вину), громогласно, проникновенно и без запинки произносит свое последнее обращение к Богу. Другие-то действительно от страха путались, но Берроуз оказался тверд духом... Это ошеломило прихожан,— как овцы, сбились они, чтобы получше разглядеть конец своего былого духовного пастыря. Толпа засомневалась, зароптала, кто-то выкрикнул, что надо бы освободить Берроуза; стали теснить приставов.

На беду смелого пастора среди зрителей присутствовал Коттон Мэзер, знаменитый бостонский демонолог, чья «монография» была настольным руководством для юных сейлемских стукачек. Он и сейчас верхом на лошади был всем хорошо виден. Надо отдать должное Мэзеру: и до, и после этой злополучной, чуть было не сорвавшейся казни он с риском для себя выступал против огульных обвинений в ведовстве, требовал более веских доказательств от следствия. Но в создавшейся ситуации, когда могло дать трещину все воздвигнутое и его стараниями здание, Мэзер быстро оценил ситуацию и один ринулся на защиту закона. (Закон!)

— Разве вам неведомо, что дьявол всего страшнее и коварнее, когда является в образе пресветлого ангела?! — зычно выкрикнул он.

Логика убийственная. Толпа, усмиренная мэзеровскими софизмами, отшатнулась от «мнимого» священника. Миг — и несчастный заплясал на черном глаголе... (Впрочем, неверно, это литературная «красивость»: виселицы как таковой не было — сейлемцы поскупились и вешали прямо на сучьях, выбивая лестницу из-под ног.)

2 августа повесили шесть ведьм и 22 сентября — еще семерых. В промежутке умер от пытки фермер Джайлс Кори. Он имел наглость вступиться за жену, обвиненную в ведовстве. Перед лицом неправедного суда Кори решил отмалчиваться на все вопросы. Сие дерзостное и, главное, в прямом смысле слова, неслыханное молчание огорчило судей. И понудило вспомнить привезенный из доброй старой Англии закон, повелевавший применить к молчуну отеческую строгость: класть строптивцу на грудь гири, покуда тот не заговорит. Мужественный фермер и впрямь подал голос — прохрипел: «Прибавьте груза!» — это высказывание тоже для истории... Услужливый палач выполнил просьбу, но, к разочарованию джентльменов-следователей, очередная чугунная болванка выдавила из Джайлса Кори не признание, а душу.

Похмелье

Казнь 22 сентября оказалась последней. Этого, надо сказать, никто не предвидел. Аппарат насилия заработал в полную силу: сто пятьдесят человек уже за решеткой, двести ждут своей очереди. Пятьдесят пять человек признались в связях с дьяволом. Повешены пока только четырнадцать женщин и пятеро мужчин, под пыткой умер лишь один, в тюрьме от тесноты и антисанитарии умерли четыре женщины, одна девочка сошла с ума... Словом, работы правосудию — непочатый край.

Но массовая истерия выдыхалась.

В сентябре одной из маленьких доносчиц, Мэри Херрик, было видение: казненная ведьма Мэри Эсти сообщила ей, что обвинена облыжно, как и прочие. Было ли это галлюцинацией или фактом сознательного пробуждения совести, но Мэри Херрик поступила очень осмотрительно: о своем видении она рассказала бостонскому священнику, а не Пэррису, таким образом защитив себя от местных стукачей.

В октябре к здравым голосам начали прислушиваться. Война с дьяволом приобрела тотальный характер и грозила распространиться по всему Массачусетсу. Видные люди в Бостоне начали сплачиваться против накатывающего ужаса (через два столетия с лишним их примеру, увы, не последовали те, кто тоже должен был бы насторожиться). Шутка ли, с языка одной из юных стукачек уже сорвалось имя леди Фипс, которая в отсутствие мужа осмелилась вступиться за очередную жертву. Пока Стафтону удавалось осаживать зарвавшихся девчонок, но коса вскоре могла пройтись по самым верхам.

Многие просвещенные жители Массачусетса были с самого начала против процессов над ведьмами. Скажем, купец Томас Брэттл еще в июне написал едкий памфлет, в котором особо подчеркнул, что дьявольские козни исходят из дома преподобного Пэрриса, что сейлемцы — это синоним глупости и т. п. Пустить памфлет по рукам, а тем паче опубликовать его Брэттл не посмел, писал «в стол». В октябре, во время оттепели, памфлет, переписанный от руки, пошел гулять по Бостону, а в «период гласности», то есть в 1693 году, был наконец опубликован...

Стал выказывать беспокойство и губернатор. Отчет о работе Стафтона он послал в Англию, испрашивая августейшего совета на будущее. Но тут ему подали петицию голландские и французские священники из Нью-Йорка, цвет теологов Нового Света. Когда сэру Фипсу перевели с латыни грозные проклятия и обвинения в преступном потакании — и кому! юным кликушам! — его, должно быть, прошиб пот. Он поспешил сместить Стафтона, отмежеваться от всего этого «дела о ведовстве» и на всякий случай оклеветал Стафтона в глазах короля. Фипс отсрочил дальнейшие казни, а также — как иначе? — засекретил архивы процессов, запретил печатать протоколы слушаний и допросов, «дабы не давать пищу для превратных толкований». (Приснопамятный 1692 год, почему же мы так поздно обращаемся к его урокам!)

Документы процесса были собраны и опубликованы в трех чудовищных — по размеру! — томах лишь в прошлом веке...

Тем временем в неотапливаемых камерах теснились и продолжали умирать незаконно обвиненные. Массовые оправдания начались только с января. Напоследок отработанную методику опознания ведьм отменили, оставив один критерий — собственное добровольное (то есть под пыткой) признание самой ведьмы. Те пятьдесят пять обвиняемых, которые думали перехитрить закон спешным самооговором, в новой ситуации оказались первыми кандидатами на виселицу!

Стафтон позже очень жалел, что так и не успел их повесить, но машина уже дала задний ход. В январе «ведьм» принялись освобождать десятками. Это затянулось на долгие месяцы. Загвоздка состояла в том, что, по тогдашним законам, власти оплачивали содержание в тюрьме только приговоренных — получивших срок или казненных. Оправданные обязаны были сами оплатить траты тюремщиков за прокормку, пытки и заковку в кандалы! Разумеется, не у всех заключенных имелась достаточная сумма.

С двумя женщинами вышла вообще какая-то трагикомическая чепуха. Их еще летом приговорили к смерти, но как беременным отсрочили казнь до родов, чтобы не погубить плод во чреве. Формально они уже были повешены и остались для закона мертвы. У них не было ни имени, ни права на владение собственным имуществом! Десятки лет судебных проволочек потребовалось, прежде чем их признали живыми.

Вскоре наступило то, о чем уже было вскользь упомянуто: вакханалия доносительства и разжигаемой ненависти обернулась против тех, кто ее затеял. Не в таких, конечно, масштабах, но все же...

Как только началось повальное освобождение ведьм, сейлемцы собрались в молельном доме и почти единогласно... отлучили, так сказать, Пэрриса от жалованья. (Во время раздоров с прежними пасторами жителям Сейлема случалось «забывать» выплачивать тем жалованье. Но подобного «официального» демарша еще не случалось.) Выходка сейлемцев имела и прозаическую причину: лето выдалось засушливое, охота на ведьм заставила забросить работу на полях, в лавках и мастерских. Да и конфискованное ведь никто не вернул! Словом, лето красное гонялись за врагами христовыми, а к приходу зимы пришлось потуже затянуть пояса.

Родственники пострадавших отныне бойкотировали богослужения Пэрриса, а летом подали на него в суд за жестокосердие и введение в заблуждение всей округи. Хотя суд не признал жалобу законной (в противном случае еще столько всего пришлось бы признавать!), Пэррис залебезил перед паствой, три года глотал обиды, пока в 1695 году не покинул Сейлем навсегда.

Его преемник был откровенен: «Богу угодно было, чтобы сатана натворил много дурных дел среди нас. Мыслимо ли было иметь стольких ведьм на столь малом участке земли? Мы вдосталь потешили дьявола!» Из всех юных стукачек он допустил к причастию только Энн Патнэм, и то лишь в 1706 году, после публичного покаяния, что в 1692 году ее совратил сам Сатана.

Отныне раздорам в Сейлеме не было конца. В 1711 году семьям пострадавших выплатили нищенскую компенсацию — 500 фунтов на круг, что еще более разбередило обиды. Филипп Инглиш, как и многие другие, не простил Готорну и Корвину своего позора и разорения, судился с ними и лишь на смертном одре произнес: «Прощаю Готорна и Корвина». И тут же добавил: «Но случись мне выжить, я возьму свои слова обратно».

Воистину, из сказанных той страшной порой в Сейлеме «исторических» фраз составилась бы недурная антология...

Легче было бы отстроить Сейлем после набега индейцев, чем восстановить мир в душах его жителей. Только двум кликушам удалось выйти позже замуж. Кстати, как только двери тюрем отворились, все девочки, как одна, чудом излечились — обилие стольких ведьм на свободе им нисколько не повредило.

Моральный урок способен сплотить людей против стихии и общего врага. Но на сей раз дома и пажити остались нетронутыми, ураган прошел по душам. Сосед помнил жестокость соседа. Доносчик был противен жертве. А зеваки познали страшную истину — что безумие заразительно и в принципе нормальные с виду люди легко могут превратиться в волчью стаю.

И если на то воля Божья, то что же тогда воля дьявола?

Есть ли ведьмы в наше время?

Известны многие мелкие подробности событий в Сейлеме — такие, как социальное положение, черточки характеров и поведение на допросах десятков «ведьм». Может, в этом секрет печальной славы сейлемской драмы? Ведь в Европе были сожжены десятки тысяч мнимых колдуний, а тут — всего лишь девятнадцать повешенных. Для человеческого сознания массовые репрессии — это что-то абстрактно ужасное; в сейлемской драме мы способны различить отдельные лица. За сердце берет не просто казнь неизвестной ведьмы, но расправа над гордой набожной старухой со статью древней пророчицы; любящего мужа, вступившегося за честь и жизнь жены; доброго, умного пастора, который недрогнувшим голосом вознес молитву с Ведьминого холма...

В середине прошлого века мэром Сейлема был историк Чарлз Эпхем. Свое двухтомное повествование о городском позоре 1692 года этот педантичный ученый дополнил географическими картами Сейлема и окрестностей, на коих указал адре-

са не только «ведьм», но и... доносчиков. Работа, кстати, едва посильная даже для местного уроженца, оказалась бесценным «экспериментальным материалом» для американских социологов, которые уже в наши дни, кажется, приоткрыли завесу над жгучей тайной сейлемских ведьм. Причем особенно интересной оказалась именно география. Ее анализ вкупе с более углубленным изучением статистики социального положения жертв и их губителей привел к интригующим выводам.

Вспомним, чем были характерны ведовские процессы в Старом Свете, в той же тюдоровской Англии.

Своей локальностью: сосед обличал соседа. Далее, своей направленностью «сверху вниз»: на социальной лестнице доносчик, как правило, стоял выше оклеветанного. И третья примечательная черта: доносчик чаще всего искренне верил, что ведьма навредила ему лично или его близким. Верил просто потому, что он, доносчик, первым обидел ведьму, сознательно или случайно, и ожидал справедливой мести. Гнусная, однако же веками бытовавшая логика...

Но вот в 1692 году в Сейлеме происходило совсем иное. Многие доносчики в глаза не видали своих жертв, живших от них за многие мили. Далее, большая часть доносчиков в социальной иерархии была ниже своих жертв (вообще внешне впечатление таково, что «низы» преследовали и руками закона истребляли «верхи»). И наконец, сейлемские стукачи почти никогда не выпячивали то, что у ведьмы был повод мстить именно им. Они чаще всего жаловались на превратный образ мыслей и возмутительное поведение вообще, а не на конкретные проявления преступной деятельности.

Странно? Но только на первый взгляд.

Ибо чем-чем, но только не разгулом религиозного фанатизма можно объяснить эти, а также многие другие «специфические» особенности сейлемских процессов, которые столь понятны нам, гражданам подчеркнуто атеистического общества. Объяснить многое в жгучей тайне может, на наш взгляд, анализ социальных отношений внутри сейлемской общины.

Пуритане приплыли в Америку с благой мыслью — трудиться, отдыхать и славить Бога сообща, делить вместе и радости, и горе. В новопостроенных на чужой земле молельных домах проповедники не уставали твердить: дьявол-де потщится разрушить наши дружные общины.

«Дьявол» в общине имел — как, впрочем, вто наблюдалось и раньше и позже — ...лее конкретное социальное воплощение. «...яволом» стало развитие капиталистиче...х отношений. Кто были противники Пэрриса и иже с ним? Как показывает анализ местожительства, занятий и образа жизни сейлемцев, оппонентами яростного священника были жители восточной части Сейлема. Их участки были на лучших почвах, доходы — богаче, хозяйства — крепче. Они занимались торговлей, предпринимательством и потому более тяготели к городу, иные даже посещали городскую церковь. Разумеется, эти люди выделялись более свободным поведением, вольномыслием, а главное — быстро богатели и выбирались «из грязи в князи».

А между тем для пуританской общины иерархия свята и нерушима. Да, вместе, да, сообща, но в то же время всяк знай свой шесток. Бог от рождения каждого определил ему место, грех добиваться большего. «Выскочки» не жаловали апатичных соседей, держались особняком, не желали якшаться и делить результаты своего труда с захребетниками и неумехами.

А значит — кололи глаза, рождали зависть и раздражение тех, кто свое место знал, но не хотел или не мог продвинуться вверх по социальной лестнице. Давняя история?!

Вакханалия обвинений, казалось бы, скрытый бунт низов против верхов. Да, очень похоже. Но особенность в том, что верхи пуританского общества в ту историческую эпоху были самой энергичной и созидательной силой. И бунт против них был сродни контрреволюции. Не случайно следующий век знаменовал собой торжество просвещения и развал пуританских консервативных общин.

Думаем, в этом месте внимательный читатель сообразит, сколь полезно бывает и в наши дни обратиться к давнему опыту.

Между прочим, чего не знали «досейлемские» аналогичные процессы в Старом Свете, так это приписывания некой идеологической программы дьяволу. В Сейлеме открыто прозвучало, что враг рода человеческого имел, оказывается, и вовсе страшную цель — равенство для всех. Имелось в виду равенство возможностей, то есть узаконивание на будущее нарушений сложившейся иерархии.

Сторонники Пэрриса жили в основном в западной части Сейлема, обрабатывали заболоченные участки земли, которые к тому же дробились в связи с ростом семей. А оторваться от сельского труда эта часть сейлемцев не осмеливалась. Они и копили злобу против более оборотистых односельчан, которые и вели-то себя не по-соседски, независимо, без оглядки на дедовские установления. Даже в приходской церкви бывали не всегда, будто в городе и слово божье слаще... Развитие индивидуализма, индивидуальных форм поведения пришло в резкий конфликт с общинным мышлением.

Таким образом, сейлемская охота на ведьм стала образцовым спектаклем на тему идеологического насилия вообще, а не только религиозного фанатизма. С единством времени и места, с четко обозначенной завязкой, кульминацией и финалом. Был явлен своего рода универсальный механизм массового преследования за передовую мысль, причем проведенного, так сказать, «руками масс». И горько сознавать, что механизм этот послужит после Сейлема еще не одному «ведьмоборцу»...

В охранительном раже стукачи «образца 1692 года» норовили опорочить вольнодумцев повсеместно. Не только тех, кого знавали лично, но и тех, на кого слышали нарекания от людей близких им замшелых взглядов.

Вот отчего эндоверцы доносили на сейлемцев, те — на жителей Бостона и довольно далеко расположенных Конкорда и Ипсвича... Поскольку в основе всякой аналогичной «проработочной» кампании лежит обычно фантом, призрак несуществующего врага, то и формы ее, и масштабы тоже порой принимают облик иррациональный. Реальны — жертвы.

О многом можно задуматься, разбирая обстоятельства того темного дела в преддверии его юбилея. Увиденного сквозь призму нашего, также далекого от терпимости, сегодня.

Новая гипотеза, объясняющая сейлемскую кровавую вакханалию, выдумана не авторами статьи. Они лишь скромно и в меру добросовестно пересказали идеи и выводы, о которых прочли у современных американских авторов, которых язык не повернется обвинить в конъюнктурщине и столь нелюбимой нашими руководителями «погоне за жареным». Ну а то, что в наш пересказ врывались эмоции, тоже объяснимо. В отличие от американского наш собственный «Сейлем» еще не одно поколение будет жечь души. Пока в них самих, в душах этих, не изжиты внутренние «ведьмы» доносительства, массовой истерии, беззакония. Охоты на людей.

...Когда один из авторов, переступив порог сейлемского «Музея», заговорил со смотрителем, того аж осветило восторгом: «Как, и в России знают о Сейлеме?! Не может быть!»

Оказывается, и в наши дни существуют люди, именующие себя колдунами и ведьмами. Так выглядит современный колдун.

Торжественное посвящение в «колдовские тайны».

Рисунок Ю. Батанина.

АКАДЕМИЯ ВЕСЕЛЫХ НАУК

Ежегодно наша редакция получает сотни рукописей научно-фантастических произведений. Иногда в них встречаются фразы, которые доставляют нам немало веселых минут. Итак...

Графоманская «фантастика»

Какие пространства вас интересуют? Субстрактивные, аддитивные или ступенчато-экспозитивные?

Космокрейсер вывалился из минус седьмого измерения, как ящик с мусором — из раскрытого окна.

Кастрюля остановилась и выдвинула манипулятор, на конце которого топорщилось что-то вроде лазерного пистолета.

Из ракетоплана послышались икающие звуки, похожие на пение птиц, подавившихся зерном.

В иллюминаторе показалось лицо инопланетянина с растопыренными глазами.

Он отворил глубокие, как ракетные шахты, глаза.

Пилоты развернули из полости живота широкие уловители.

Он разряжал аккумуляторы ракетоплана, почесывая в знак раскаяния свои подмышки.

Имплантировавшись в аборигеновидные скафандры, они вышли из корабля.

Некоторые инопланетяне выделывали странные траектории разными частями тела.

Изо рта его скафандра раздалось бессвязное мычание.

В знак согласия он скрутил среднюю руку спиралью.

Дверца транспортабеля уже стояла на месте, нулевой свет транклюкировался.

Он высунул голову из засветившегося инфрапространства.

На волнах покачивались три корабля инопланетян, каждый не более ботинка.

Свой научно-фантастический рассказ я написал вынужденно и не от хорошей жизни.

Опасные циклоны и шквальные ветры

Климат на нашей планете зависит в значительной мере от обмена теплом между Солнцем, Землей и космосом. Причем главную роль играют процессы на границе «вода — воздух» в океане, поскольку вода почти всегда теплее и поток теплового излучения идет в воздух. Как показывают исследования, вся атмосфера нагревается теплом из тончайшего слоя воды, толщиной не более двадцати микрон. Естественно, все зависит еще и от состояния атмосферы над водой, а именно от наличия ветра. Например, в тропических районах океана, где часто «гуляют» циклоны, их скорость ветра доходит до ста метров в секунду, и теплообмен резко возрастает. Они очень сильно влияют на погоду по всей планете, поэтому неплохо было бы прямо изучить эту зависимость. Но весь вопрос в том, как изучить. Циклон сопровождается огромными волнами, которые угрожают любому судну, а экипажу его бывает тогда уж не до науки...

Потому в одной из лабораторий МГУ пришли к выводу, что зависимость теплообмена от ветра следует изучить в модельных условиях. Слово «модельных» следует взять в кавычки, ибо ими послужили условия настоящего шквального ветра, возникающего в грозу. За шквальным ветром и грозой пришлось ехать далеко — в открытую акваторию Каспийского моря. Здесь, на приличном расстоянии от исследовательского судна, установили датчики температуры, скорости ветра и стали ждать «у моря погоды». Гроза и шквал не замедлили появиться. Результаты измерений таковы: при скорости ветра в 10 метров в секунду каждый квадратный метр моря излучал 900 ватт тепла в атмосферу. При повышении скорости ветра вдвое тепловой поток вырос втрое. Однако еще более сильный ветер удается создать, если над водой низко зависает вертолет. Струя воздуха от его винта разгоняется до сорока метров в секунду, а тепловой поток от воды доходит до девяти киловатт на квадратный метр воды. Такая «модель» циклона, похоже, будет наиболее доступна для исследований.

Дешевый газ не нужен?

Человечество еще не знает, куда девать отходы своей деятельности, в том числе горы бытового мусора. И пока не известно, как от него избавиться, он просто вывозится на свалку либо сжигается в специальных печах. Первый способ, конечно, меньше загрязняет атмосферу, но под свалки приходится отводить огромные территории. Хотя утилизация, пусть и медленная, происходит и тут. Ученые из Раменского филиала Всесоюзного научно-исследовательского, проектно-конструкторского и технологического института геологических, геофизических и геохимических информационных систем решили проверить, каков механизм процессов естественной утилизации и что в результате его выделяется в окружающую среду. Исследования подтвердили сведения о том, что основной процесс здесь — микробное брожение, а продукты его — главным образом метан и углекислый газ. Надо сказать, что эти газы, бывает, выделяются из недр земли и в других местах.

Однако микробное брожение, как выяснилось, давало еще и некоторые «необычные» выделения. Так, газы, «выдыхаемые» одной из московских городских свалок, содержали дополнительно различные спирты, уксусную и масляную кислоты, ацетон, углеводороды и хлоруглероды. Всего в примеси насчитали до ста различных органических веществ. Любая такая свалка, считают исследователи, будет создавать в прилежащем слое атмосферы постоянно поддерживаемые газовые аномалии. И точный их контроль и наблюдение позволят определять как границы захоронений мусора, так и обнаруживать «тайные» его хранилища. Но, может быть, настанет день, когда выделяемые газы из этих рукотворных источников найдут себе применение в химической технологии как совершенно бесплатное, даровое сырье.

Все мы дети Солнца

Излучение в видимой части солнечного спектра непрерывно, но и в нем есть свои тонкие, не заметные простому наблюдателю черты. Например, непонятное и довольно сильное ослабление в области синего света, причем в узком интервале длин волн около 429 нанометров. У светила, надо полагать, есть свои веские причины для образования такой аномалии, а вот как это отражается на жизни на Земле? Скажем, некоторые простейшие растительные организмы давно уже «заметили» эту неровность в солнечном спектре и болезненно реагируют на любую возможность ее выравнивания.

Такие выводы можно сделать из результатов опытов, проведенных в киевском Институте ботаники имени Н. Г. Холодного АН УССР. Ученые измеряли характеристики фотосинтеза в клетках зеленой водоросли хлореллы под действием света разных узких участков видимого спектра. «Моделью Солнца» послужила электрическая лампочка, ее свет перекрывали различными светофильтрами, пропускавшими излучение в узких полосах. У клеток контролировали количество выделяемого кислорода. Фотосинтез шел нормально под лучами разных полос синего света — всех, кроме одной, совпадающей с известным уже минимумом в излучении Солнца. Когда в опыте воспроизвели именно эти лучи, то клетки хлореллы резко уменьшили выделение кислорода. Они, следовательно, «узнали» нежелательное для них по какой-то причине излучение, которое оказалось тут не в ослабленном, как обычно, варианте, а в нормальном. По другим данным, этот синий свет может вообще подавить клеточное деление. Как это понимать? Возможно, здесь налицо эволюционное приспособление к весьма слабой интенсивности света данной длины волны в солнечном спектре.

Но тогда его неожиданное усиление даже до обычного, нормального среднего уровня было бы, по всей вероятности, очень нежелательным.

Когда золото — магнит!

Вот что, оказывается, бывает с самородками золота. Вопреки еще школьным представлениям о его диамагнетизме, природные самородки обладают магнитными свойствами, чего никогда не бывает у химически чистого золота. Может быть, дело тут в примесях? Самородки — это, увы, драгоценный металл далеко не самой высокой пробы — до четверти его массы занимают серебро, железо, медь и марганец.

Исследователи из Всесоюзного института минерального сырья, МГУ и Ленинградского горного музея проверили две гипотезы, которые могли бы объяснить данный феномен, и обе связывают его именно с примесями. По первой — самородки представляют собой «твердый раствор» железа в золоте, или, другими словами, обычный сплав, где атомы примесей равномерно рассеяны по всему телу образца. По второй — они же должны быть сконцентрированы в некие локальные образования: кусочки настоящего магнитного материала. Когда провели расчеты, то выяснилось, что во втором случае магнитные свойства должны быть гораздо более выражены, чем в первом. Оставалось проверить на опыте обе возможности.

Ученые взяли в коллекции горного музея различные золотые самородки, найденные в Якутии, и определили их способность намагничиваться. Образцы действительно намагничивались, причем до таких параметров, как если бы в их структуре имелись маленькие постоянные магниты. Оставалось, таким образом, просто найти их под электронным микроскопом. В результате в них действительно обнаружились кристаллы железного материала размерами в десятые, сотые доли микрона и состоящие из магнетита, сложного окисла железа. Того самого, кстати говоря, из которого состоят в основном железные руды. Они-то и придают золоту необычные магнитные свойства.

«Неопознанные плавающие тарелки»

На больших глубинах в океане замечены какие-то быстровращающиеся дископодобные образования. Их обнаружено уже более трехсот. Они имеют диаметр 60—80 километров и состоят только из воды. Вода эта, правда, заметно отличается от окружающего фона своей аномальной температурой, соленостью, содержанием химических элементов. Океанологи не так давно раскрыли причину появления водяных дисков в океане, дав им название «вихревые линзы». Они образуются при втекании воды из моря в океан и существуют вплоть до ее полного там перемешивания. Скажем, средиземноморская вода, попадая в атлантическую, закручивается в гигантские «тарелки», которые далее почти без изменения путешествуют по просторам океана, долго сохраняя все свои гидрологические свойства как память о некогда покинутом море... Подобное свободное плавание линз иногда длится до десяти лет. Как полагают, именно таким способом производится значительная часть глобального тепло- и массообмена. Вот почему за линзами стоит последить повнимательнее.

В Институте океанологии имени П. П. Ширшова АН СССР изучают пути и скорости перемещения этих структур. Согласно теории, возможны два механизма их плавания — активное самопродвижение и пассивный дрейф. По расчетам, в первом случае скорость линз не должна превышать сантиметра в секунду, поэтому активным плаванием можно пренебречь. Остается дрейф, как-то зависящий от скорости попутного океанического течения. Но, как признают ученые, для горизонтов, где блуждают «тарелки», о скоростях и направлениях течений известно очень мало. Зато есть подробные данные о местонахождении десятков линз в начале пути — сразу за Гибралтарским проливом и в конце его, в районе Карибского моря. Проведя расчеты методом «лангранжевых инвариантов», исследователи выявили узкий коридор, по которому большинство линз мигрирует с востока на запад. Ширина его не превышает тысячи километров, а располагается он в районе 29—35 градусов северной широты. Теперь, если как-то «пометить» одну такую линзу, то, вероятно, можно будет прямо измерить и ее скорость, и направление пути.

«Генетический» сигнал из среды

Многие свойства белка зависят от химического состава, точнее, от того, в какой последовательности включены в его структуру аминокислотные остатки — сравнительно простые молекулы. Таковых в природных белках известно двадцать, а уже из них генетический аппарат любого организма создает всевозможные сочетания, определяя все огромное разнообразие белковых молекул в живых системах. Свойства белка можно изменить и искусственно, это достигается довольно сложным химическим путем, скажем, воздействуя на него ферментами, в результате чего меняется как его структура, так и свойства. Но недавно появились сведения, что белки как-то могут сами собой изменяться, без управляющих воздействий со стороны генетического аппарата. Эти сообщения начали проверять в НИИ экспериментальной кардиологии Всесоюзного кардиологического научного центра АМН СССР.

Началось все с того, что в одной из лабораторий довольно долго в пробирке хранился стерильный водный раствор одного из пептидов — белковоподобных веществ. И вот когда перед использованием на всякий случай перепроверили химическую формулу пептида в пробирке, то оказалось, что она уже другая. Точнее, в ней первые две аминокислоты взяли да и поменялись местами. И пептид химически стал совсем другим. Тогда исследователи перешли к прямым опытам, чтобы разобраться в этом новом феномене. И вот что выяснилось.

У большинства изученных пептидов при длительном хранении, действительно, сами собой первые две аминокислоты могут меняться местами. Причем неважно, какие именно это были аминокислоты, лишь бы были они первая и вторая. Если затем выделить «мутантов» в отдельную посуду и дать им выстояться, то возможен и обратный переход. Процесс самопроизвольного химического превращения может ускориться при нагревании и увеличении щелочности среды. Но самое интересное состоит в том, что этот же процесс мог бы легко происходить и в живых организмах. А это имело бы огромное значение для их эволюции.

«Знание — сила». Декабрь 1990

Артур Кларк

Изгнание навечно

Сами горы содрогнулись от громового раската, который было под силу породить лишь человеку. И все-таки здесь война казалась бесконечно далекой. Полная луна висела над Гималаями, и слепая ярость боя таилась далеко, на краю света. Но ненадолго. Хозяин знал, что противник уже выметает с неба последние остатки его воздушного флота, что само его логово уже окружено смертельным кольцом и оно быстро сжимается.

Еще несколько часов, и Хозяин вместе со всеми его мечтами о мировом господстве уйдет в безвозвратное прошлое. Проклинать его люди будут еще долго, но бояться — уже никогда. А потом и ненависть постепенно пройдет, и имя его будет говорить миру не больше, чем имена Гитлера, Наполеона, Чингисхана. Подобно им он превратится в полустертую туманную фигуру, кроющуюся где-то в бесконечных переходах времени, и мало-помалу совсем исчезнет из памяти людской.

Внезапно гора, замыкавшая долину с юга, окаймилась фиолетовым пламенем. Казалось, прошла вечность, прежде чем балкон, на котором стоял Хозяин, всколыхнулся, сотрясенный взрывной волной, промчавшейся по земным недрам. А за ней эхом взрыва пришел воздушный толчок непомерной силы. Не может быть, чтобы они уже подошли так близко! Хозяин успокоил себя мыслью, что это всего лишь шальная торпеда, сошедшая с курса далеко от переднего края. А если нет, то времени оставалось еще меньше, чем он думал.

Из темноты вышел начальник штаба и встал рядом с ним, взявшись за поручни балкона. Жестокое морщинистое лицо маршала, ненавистное людям не меньше, чем лицо самого Хозяина, лоснилось от пота. Он не спал уже несколько суток; кричаще яркая, безвкусная форма висела на нем мешком. Но взгляд его, вопреки всей усталости и горечи поражения, был по-прежнему решителен и тверд. Он молча ожидал последних указаний. Больше ему делать было уже нечего.

В тридцати милях от них вечно белая снежная шапка Эвереста озарилась огненно-красным светом, отраженным заревом огромного пожара, вспыхнувшего за горизонтом. Но и теперь Хозяин не подал виду, даже не пошевельнулся. Он не трогался с места до тех пор, пока выпущенные залпом торпеды не прошли с диким воем у них над головой. Тогда он повернулся, бросил краткий взгляд через плечо на мир, который ему уже не суждено снова увидеть, и ушел внутрь.

Лифт опустил его на тысячу футов, куда звуки боя уже не долетали. Выйдя из кабинки, Хозяин приостановился и включил потайной рубильник. Услышав рокот обвалившихся наверху камней, он улыбнулся — почувствовал, что и бегство, и погоня теперь были в равной степени невозможны.

Когда Хозяин вошел в комнату, десяток генералов, как в старые времена, вскочили на ноги. Молча он занял свое место, вынашивая в себе последнюю и труднейшую речь из всех, что ему случалось держать. Глаза тех, кого он привел к катастрофе, впивались ему прямо в душу. За их спиной стояли батальоны, дивизии, армии, чья кровь была на его руках.

Наконец он начал говорить. Голос его все еще не утратил своего гипнотического действия, и после первых же фраз он снова почувствовал себя безошибочно работающей машиной, единственным назначением которой было разрушение.

— Господа, это последнее наше совещание. Нам больше нечего планировать, нечего прикидывать по карте. Над головой у нас флот, который мы создавали с такими усилиями, которым так гордились, ведет свою последнюю битву. Не пройдет и нескольких минут, как ни одной из тысяч наших замечательных машин уже в небе не останется. Я отлично представляю себе, что никто из присутствующих не может и помыслить о сдаче, даже если бы она была возможной, так что вам скоро предстоит умереть, не выходя из этого помещения. Вы славно послужили нашему общему делу, вы заслуживаете лучшей участи, но она недостижима. И все же я не хочу, чтобы вы думали, будто мы проиграли полностью. Раньше вы не раз видели, что у меня есть свой план на любой случай, даже на самый невероятный. Поэтому вас не удивит, что я подготовился и к возможности поражения.

Ораторские способности ему не отказали; он сделал паузу для вящего эффекта и не без удовлетворения отметил оживление, внезапную вспышку внимания на усталых лицах слушателей.

— Вам я могу доверить эту тайну,— продолжал он.— Сюда противник не доберется никогда. Вход завален сотнями футов породы.

Никто не двигался. Только Шеф пропаганды внезапно побледнел, но быстро оправился. Быстро, но не настолько, чтобы избежать взора Хозяина. Тот внутренне улыбнулся этому запоздалому подтверждению своих давних подозрений. Теперь, правда, во всем этом мало смысла: и честные, и лживые — все они вскоре умрут одной смертью.

Все, кроме одного.

— Два года назад,— продолжал он,— когда мы проиграли битву за Антарктиду, я понял, что в победе мы уже не можем быть уверены. Поэтому я начал готовиться к такому дню. Враги поклялись погубить меня. Так что на Земле нет места, где бы я мог укрыться, не говоря уже о надежде на полное возвращение удачи. Но есть все же выход, хотя и отчаянный.

Пять лет назад один наш ученый открыл способ оживления людей. Он установил, что сравнительно простым методом можно задержать ход всех жизненных процессов на неопределенное время. Я намерен использовать это открытие, чтобы уйти из настоящего в будущее, которое уже забудет меня. Там я снова разверну нашу борьбу при помощи кое-каких средств, которые помогли бы нам выиграть и эту войну, будь у нас немного больше времени. Прощайте, господа. Еще раз благодарю вас за помощь и соболезную в вашем несчастье.

Он отдал честь, повернулся на каблуках и вышел. Стальная дверь яростно громыхнула за ним. Настало ледяное молчание. Затем Шеф пропаганды ринулся к выходу, но сразу отскочил с криком: дверь была нестерпимо раскалена. Она оказалась намертво приваренной к стене.

Первым, кто вытащил свой автоматический пистолет, был военный министр.

Теперь Хозяин не спешил. Покидая конференц-зал, он успел нажать кнопку, включающую сварочный аппарат. Тем же нажатием он раздвинул в стене панель, открывшую небольшой коридорчик, плавно уходящий вверх. Он медленно вошел туда.

Через каждую сотню футов коридорчик круто изгибался продолжая карабкаться ввысь. У каждого поворота Хозяин останавливался, включал рубильник и прислушивался к грохоту обвала, перекрывавшего очередное колено коридора.

После пяти поворотов тоннель резко изогнулся и влился в круглую комнату со стенами, обшитыми металлом. Двери мягко прокатились вдоль резиновых прокладок, приглушив грохот обвала в последнем отрезке коридора. Здесь Хозяина не потревожат ни его враги, ни друзья.

Он быстро огляделся вокруг и удовлетворенно заметил, что все в порядке. Потом он подошел к простой доске управления и переключил несколько крошечных рычагов. Ток, который они пустили в сеть, был слаб, но ему предстояло течь долго. И все в этой странной комнате было рассчитано надолго. Даже стены сделаны из металлов куда более выносливых, чем сталь.

Завыли насосы, выкачивая из комнаты воздух и взамен заполняя ее стерильным азотом. Хозяин прилег на мягкий диванчик. Может быть, он сможет ощутить, как поток уничтожающих микробов лучей, струящийся из ламп над его головой, омывает его тело... Ну это, конечно, шутки. Из тайничка под диваном он вытащил шприц и ввел себе в руку мутную жидкость. Потом спокойно развалился и стал ждать.

Становилось холодно. Скоро холодильная установка снизит температуру далеко за нулевую отметку и затем много часов будет сохранять ее на этом уровне. Потом она поднимется до обычной, комнатной, но к этому времени процесс уже будет завершен, все бактерии умрут, и Хозяин, чье тело не претерпит никаких изменений, заснет навсегда.

Он задумал подождать лет сто. На большее он не решался, потому что, проснувшись, ему предстояло уяснить себе все перемены в науке и общественной жизни, что принесут с собой пролетевшие годы. Даже и один век, конечно, мог так изменить лицо цивилизации, что оно уже будет для него неразличимо, но, что поделаешь, приходится идти на риск. Ведь меньше столетия ждать нельзя, опасно — в мире все еще сохранятся горькие воспоминания.

Под кушеткой в вакууме были смонтированы электронные счетчики, соединенные с термопарами, установленными в сотнях метров над головой, на восточном склоне горы, никогда не покрываемом снегом. Каждое утро восходящее солнце заставляло эту систему срабатывать, и счетчики отмечали в своей памяти еще одни сутки.

Когда один из счетчиков зафиксирует 36 тысяч дней, включится рубильник и кислород снова заполнит помещение. Температура начнет подниматься. Автоматический шприц, прикрепленный к руке Хозяина, впрыснет ему точно отмеренное количество жидкости, и он проснется. Тогда он нажмет кнопку, которая вызовет взрыв, обрушивающий весь горный склон, и выход в мир для него будет открыт.

Все было учтено и рассчитано. Никакой ошибки быть не могло. Каждый механизм имел по два дублирующих устройства, и вся изобретательность, все ухищрения, на которые только способна наука, пошли здесь в ход.

Последняя мысль Хозяина, прежде чем сознание его затуманилось, была не о минувшей жизни, не о его матери, надежды которой он предал. Непрошеными пришли ему на ум стихи древнего поэта:

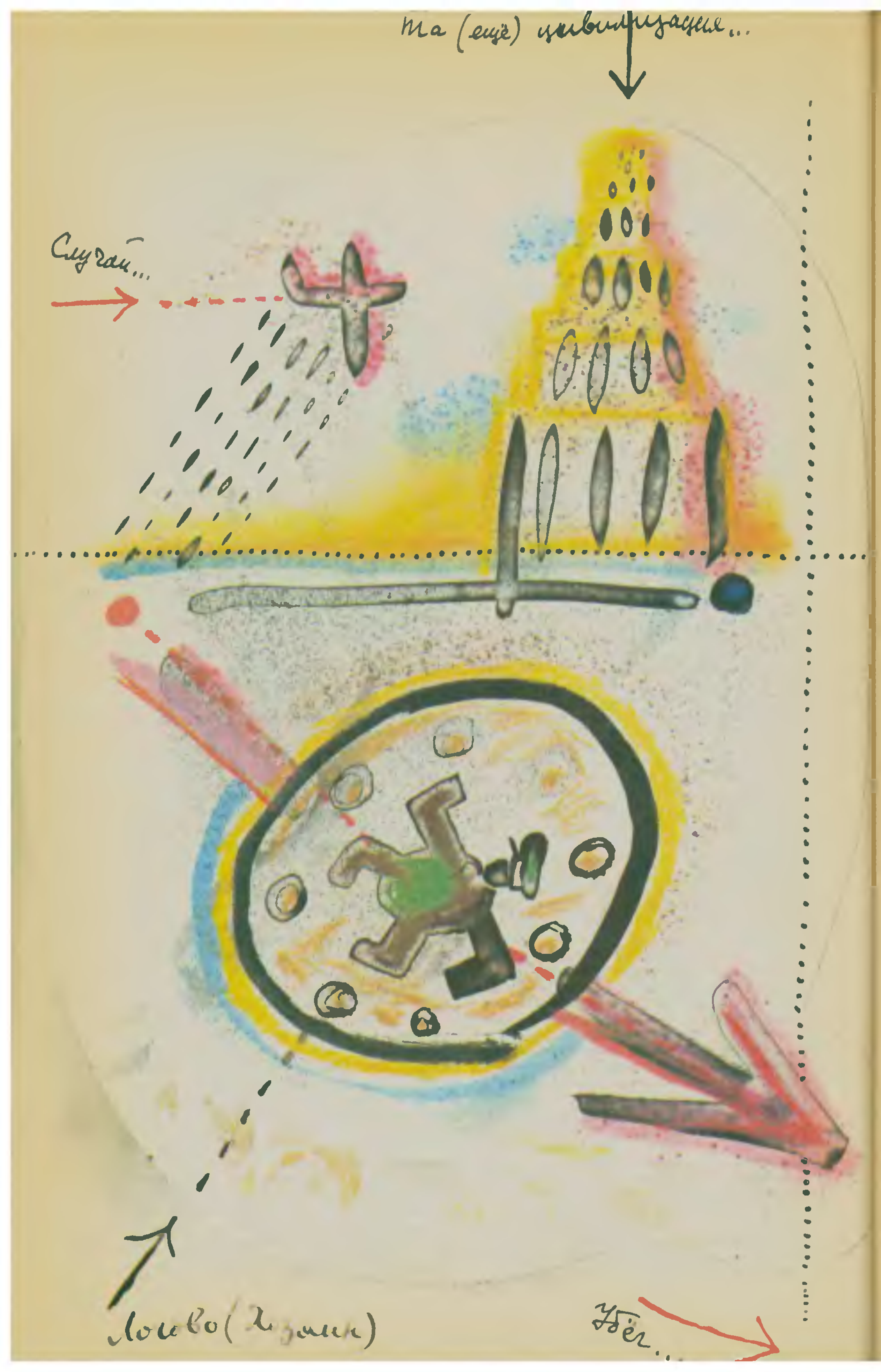
...уснуть, быть может, видеть сны...

Нет, не надо снов, он их боится. Только спать, спать, спать...

А в двадцати милях оттуда бой шел к концу. Уже не оставалось и десятка кораблей из флота Хозяина — они сражались со всеми подавляющим огнем противника без всякой надежды на победу. Сражение давно бы уже завершилось, если бы атакующим войскам не был отдан приказ, запрещающий рисковать без крайней надобности жизнью хотя бы одного экипажа. Завершить дело было предоставлено дальнобойной артиллерии. Поэтому гигантские воздушные линкоры, надежно укрывшись за склонами гор, выпускали залп за залпом по обреченному противнику.

На борту флагмана стоял молодой индиец, артиллерийский офицер. Вот он осторожно установил верньер прицельного прибора и нажал ножную педаль. Едва заметный толчок сопровождал взлет управляемых торпед, мягко покинувших свои гнезда и устремившихся на врага. Офицер напряженно следил за секундной стрелкой. «Наверное, это последний залп в жизни, который мне предстоит сделать»,— думал он и с удивлением почувствовал, что не испытывает по этому поводу никакого восторга, скорее даже какое-то безличное сочувствие к обреченным врагам, чья жизнь с каждой секундой быстро приближалась к концу.

Вдали над горами расцвел фиолетовый огонь. Он расшвырял в разные стороны обломки того, что было кораблями против-

ника. Артиллерист внимательно считал: один взрыв, два, три, четыре, пять... Потом небо прояснилось, судорожно боровшиеся за жизнь точки исчезли с горизонта.

Артиллерист взял бортовой журнал и сделал в нем краткую запись: «01 час 24 мин. Сделан залп № 12. Пять торп. взорвалось в сосредоточении кораблей противника, уничтожив их. Одна торп. не взорвалась».

Он расписался, сделав завитушку, и отложил ручку. С минуту посидел, уставившись на знакомую коричневую обложку бортового журнала со следами ожога от сигарет и кругами от неосторожно расплесканных чашек кофе. Рассеянной рукой он перелистал страницы, еще раз припомнив почерки своих многочисленных предшественников. И уже не в первый раз остановился там, где тот, кто был его другом, начал было свою подпись, но так и не дожил до того, чтобы завершить ее.

Со вздохом он закрыл журнал и запер его в ящик. Война кончилась.

А там, далеко за горами, невзорвавшаяся торпеда, гонимая своими ракетными двигателями, набирала скорость. Теперь она была уже едва различимой огненной черточкой, мчавшейся в тесных стенах далекого горного ущелья. И вот снег на его склонах, потревоженный рокотом ракеты, начал скатываться вниз, устремляясь в долину. Выхода из нее у торпеды не было: ущелье было перегорожено каменной грядой в сотни метров высотой. Тут торпеда, миновавшая предназначавшуюся ей цель, нашла себе иную, куда более крупную. Гробница Хозяина была спрятана слишком глубоко, и ее взрыв разрушить все равно не мог. Но обрушившиеся со склонов сотни тонн камней смели все три крошечных датчика и порвали их провода, а с ними — и будущее, которое они могли бы изменить.

Первые лучи восходящего солнца каждое утро будут падать на искаженное взрывом лицо гор, но счетчики, глубоко спрятанные в недрах, напрасно станут ожидать тридцатишеститысячной зари — они будут ждать ее и тогда, когда ни восходов, ни закатов уже не будет.

Хозяин же в своей молчаливой гробнице, которая была в то же время и не гробницей, ничего не ведал об этом. Так он покоился в забытье, пока не пролетело столетие, а за ним и другое...

Прошло время, которое по иным меркам можно считать небольшим, и кора земная решила, что довольно ей уже нести на себе бремя Гималайских гор. Медленно, но верно горы стали погружаться вниз, а равнины Южной Индии — вздыматься к небу. И вот уже Цейлонское плато стало высочайшей вершиной на поверхности Земли, а там, где раньше царил Эверест, возник океан глубиной больше восьми километров. Но покой Хозяина все так же не нарушался ни снами, ни явью.

Неспешно и терпеливо ил и глина осаждались сквозь океанскую пучину на дно, туда, где крылось то, что осталось от Гималаев. За целое столетие покрывало, постепенно превращающееся в слой мела, утолщалось лишь на два-три сантиметра. И тот, кто вернулся бы, чтобы взглянуть на знакомые места, обнаружил бы, что глубина моря здесь уже не восемь километров, и не пять, и даже не три. А потом снова земная кора перекосилась, и там, где лежал Тибетский океан, воздвиглись могучие меловые горы. Но Хозяин не ведал о том ничего и тогда, когда все это повторилось и снова, и снова, и снова.

Влага дождей и речные воды смывали мел слой за слоем и сносили его в неведомый новый океан, а слой породы, прикрывающий гробницу, становился все тоньше. Мало-помалу километровое каменное одеяло расползлось, и на белый свет явился купол, скрывавший в себе тело Хозяина. Это был белый дневной свет, но день этот куда длинней, а свет — куда тусклей, чем тот, что стоял, когда Хозяин закрыл глаза.

Хозяину и не снились те расы и народы, что расцвели и умерли со времени детства человечества, когда он углубился в свой долгий сон. Те дни миновали давно, мир состарился и клонился к закату, тени становились длинней. Но по-прежнему потомки Адама правили морями и небесами Земли, и их смехом и плачем полнились горы, долы и леса планеты.

Лишенный сновидений покой Хозяина близился к исходу, когда на свет родился Тревиндор Философ. Это было уже после падения Девяносто седьмой династии, но перед возникновением Пятой галактической империи. Родился он в мире, очень удаленном от Земли. Теперь уже немногие ступали по планете, которая была некогда домом всей человеческой расы, а ныне заброшена далеко от бурно бьющегося сердца Вселенной.

Тревиндора доставили на Землю только после того, как короткая стычка с Империей привела его к неизбежному исходу. Здесь он предстал перед судом людей, чьи идеалы он оспаривал, и здесь они долго взвешивали его судьбу.

Случай был уникальным. Воцарившаяся к этому времени во всей Галактике мягкая, кроткая и философичная культура никогда еще не сталкивалась с оппозицией даже на чисто интеллектуальном уровне, и конфликт, пускай проводимый вежливо, но непримиримо, сотряс всю ее сверху донизу. И, как это было принято, когда члены Совета убедились, что к решению прийти невозможно, они обратились за помощью к самому Тревиндору.

В сияющем светом Зале справедливости, пустовавшем чуть ли не миллион лет, стоял Тревиндор, гордо глядя в лицо людям, которые оказались сильнее. Он молча выслушал их обращение и задумался. Его судьи терпеливо ждали, пока наконец он не заговорил.

— Вы хотите, чтобы я обязался всегда вам повиноваться,— начал он.— Но я не могу дать обещания, которое, возможно, не смогу сдержать. Наши взгляды слишком расходятся, и рано или поздно мы снова придем к столкновению.

— Было время, когда вам легко было бы прийти к решению. Вы тогда могли бы изгнать меня или же казнить. Но сегодня где, в каком из миров всей Вселенной найдется планета, где меня можно было упрятать, если я сам не решу там остаться? Не забудьте: у меня немало учеников и последователей, разбросанных по всем краям Галактики. Но есть и другой выход. Я не стану питать к вам никакой

Иллюстрации Ю. Серафанова

злобы, если вы вспомните древний обычай казни в отношении меня.

В ответ раздался раздраженный ропот всего Совета. Председательствующий покраснел от гнева и резко бросил:

— Это уж замечание весьма сомнительного свойства. Мы разговариваем здесь всерьез и вовсе не желаем, чтобы нам напоминали о варварских обычаях далеких предков.

Тревиндор принял этот выговор с поклоном.

— Я только перечислил все существующие возможности. Но мне пришли в голову еще две. Несложно было бы сменить мне образ мышления так, чтобы он не отличался от вашего и не вызывал бы в дальнейшем никаких разногласий.

— Мы уже обсуждали такую возможность. Но были вынуждены ее отвергнуть, несмотря на привлекательность такой идеи: ликвидация вашей личности была бы эквивалентна убийству. И во всей Вселенной есть только пятнадцать человек, чей интеллект превосходит ваш. Так что никакого права на подобное вмешательство у нас нет. Ваше последнее предложение?

— Ну хорошо, приговорить меня к изгнанию в пространстве вы не можете. Но ведь есть и еще альтернатива. Река Времени простирается перед нами в бесконечность, туда, куда только мысль может достать. Пошлите меня вниз по течению этой реки, в тот век, когда, несомненно, наша цивилизация уже не будет существовать. Мне известно, что при помощи Ростоновского поля времени это вы в состоянии сделать.

Наступило тягостное молчание. Не нарушая его, члены Совета передавали свои мнения сложной аналитической машине, которая их взвешивала, сопоставляла и выносила приговор. Наконец слово взял Председатель.

— Решено. Мы отправим вас в такое время, когда Солнце еще будет достаточно ярким, чтобы поддерживать жизнь на Земле, но это время будет достаточно отдалено от нас, чтобы не сохранилось уже никакиих следов нашей цивилизации. Разумеется, вы будете снабжены всем необходимым для существования, безопасности и определенного комфорта. Теперь вы можете выйти. Мы пошлем за вами, как только все будет подготовлено.

Тревиндор поклонился и покинул мраморный зал. Никакая стража его не сопровождала. Все равно бежать ему было некуда, даже если бы он на это решился: галактические лайнеры могли пересечь всю Вселенную из конца в конец за какие-нибудь сутки.

В первый и последний раз за свою жизнь Тревиндор стоял на берегу того, что было некогда Тихим океаном, и прислушивался к шуму ветра в листьях того, что звалось когда-то пальмами. В сухом воздухе стареющего мира, не мигая, светила щепотка немногочисленных звезд, разбросанных там и сям в почти пустом углу космоса, через который теперь проходило наше Солнце. В сознании Тревиндора смутно промелькнул вопрос: будут ли они еще светить, когда он вновь увидит небо, в те дни, когда само Солнце станет клониться к могиле?

Зазвенел крохотный коммуникатор, прикрепленный к его запястью. Значит, время настало. Он отвернулся от моря и сосредоточенно зашагал навстречу своей судьбе. Но не успел Тревиндор сделать и десятка шагов, как время-пространство захватило его, и в мгновение его сознание застыло на века, до той поры, пока океаны не отступят и не исчезнут со своего места, пока не пройдут дни Галактической империи и гигантские созвездия не обратятся в прах.

Однако для самого Тревиндора не минуло никакого времени. Он лишь почувствовал, как под ногами влажный прибрежный песок сменился обожженной скалой. Пальмы исчезли, смолк рокот волн. Достаточно было взгляда, чтобы убедиться: самая память о море давно покинула этот иссушенный и умирающий мир. До самого горизонта простирались красные пески и голые камни пустыни, нигде не оживленной хотя бы единым растением. Над головой, в темном небе, позволяющем и среди дня отчетливо видеть звезды, висел незнакомо оранжевый диск Солнца.

И все-таки казалось — даже этот дряхлый мир хранил еще в себе некие остатки жизни. На севере — если север еще только существовал — луч света угрюмо отражался от какого-то металлического сооружения. До него не было и нескольких сот метров, и когда Тревиндор направился в его сторону, он почувствовал странную легкость в ногах, как будто само тяготение ослабело.

Вскоре он уже видел перед собой низкое здание, которое казалось, было не построено, а просто установлено на этой равнине, так оно накренилось вместе с уклоном земли. Тревиндор подивился невероятному везению, с которым он так легко наткнулся на признаки цивилизации. Еще десяток шагов, и он понял, что вовсе не случайность, а преднамеренно принятое решение привело к появлению этого сооружения именно здесь и что оно столь же чуждо окружающему миру, как и он сам. Никакой надежды, что кто-либо выйдет ему навстречу, Тревиндор уже не питал.

Металлическая табличка над дверью ничего нового ему не сказала. Новенькая и непотускневшая, как будто выгравированная лишь вчера, что в некотором смысле соответствовало действительности, она несла в себе весть, одновременно исполненную и надежды, и горечи:

«Тревиндору с приветствиями от Совета. Это здание, которое мы послали при помощи времени-пространства вслед за вами, будет удовлетворять всем вашим потребностям в течение неопределенно долгого времени. Мы не знаем, будет ли существовать в этот период какая-либо цивилизация, в которой вы найдете свое место. Возможно, что человек уже вымрет к этому времени, так как доминировать предстоит Хромосоме К и мутации могут привести к развитию организмов, уже не носящих черты человека. Это предстоит открыть вам самому.

Вы будете свидетелем сумерек Земли, и, мы надеемся, вы не будете одиноки. Но если вам суждено быть последним живым существом в этом некогда прекрасном мире, помните, что вы сами сделали этот выбор. Прощайте».

Тревиндор прочел это послание дважды. Со щемящим чувством он понял, что слова заключения мог написать не кто иной, как его друг поэт Цинтилларне. В душу его вторглось и затопило целиком ошеломляющее чувство одиночества и оторванности от всего сущего. Он присел на выступ скалы и закрыл лицо ладонями.

Прошло немало времени, прежде чем он нашел в себе силы войти в здание. Тут он преисполнился благодарности к давно уже скончавшимся членам Совета, что так щедро обошлись с ним. Он раньше ведь не думал, что в его век найдутся технические возможности, чтобы послать сквозь время целое здание. Тут его внезапно озарило. Взглянув снова на гравированную табличку, он убедился, что дата на ней относилась к дням, наступившим пять тысяч лет спустя после того, как он предстал перед судом себе равных в Зале справедливости.

Пятьдесят веков минуло, прежде чем его судьи смогли исполнить обещание, данное тому, кто, скорее всего, был уже к этому времени мертв. В чем бы ни был виновен Совет, его честность и обязательность далеко выходили за пределы того, что могли представить себе люди минувших веков.

Прошло немало дней, прежде чем Тревиндор нашел в себе силы снова выйти наружу. В здании ничто не было забыто: даже записи его любимых мыслей были тут, с ним. Он мог бы продолжать исследование природы объективной реальности и создавать философские учения до последних дней Вселенной, как ни бесплодны такие занятия, если единственным разумным существом на Земле был он сам. С кривой улыбкой он подумал, что на этот раз зато его рассуждения о человеческом предназначении уже вряд ли приведут к новому столкновению с обществом.

Прежде чем обратиться к внешнему миру, Тревиндор решил как следует ознакомиться со своим домом. Основной проблемой была возможность соприкосновения с цивилизацией, на случай если таковая будет существовать. Его снабдили мощным приемником, и он часами бродил по эфиру, от волны к волне, в надежде наткнуться на чьюнибудь передачу. Из приемника неслись разряды атмосферного электричества, но однажды радио разразилось взрывом чего-то, немного похожего на речь, но отнюдь не человеческого свойства. Больше ничем его поиски не вознаградились. Эфир, столько веков преданно служивший людям, наконец замолчал навсегда.

Последней надеждой Тревиндора был маленький автоматический летательный аппарат. Перед ним лежала вечность, а Земля — не столь уж большая планета. Всего за несколько лет он мог осмотреть ее всю. Так что прошло несколько месяцев, прежде чем изгнанник приступил к методическому исследованию своего мира, каждый раз снова возвращаясь из красной каменистой пустыни в дом.

Но везде его ждала одна и та же картина развалин и запустения. Сколько времени минуло с той поры, как пересохли моря, он не знал, но, умирая, они оставили и в горах, и в долинах бесконечные просторы, покрытые солью, перемешанной с грязью.

Тревиндор был рад, что родился не на Земле и никогда не видел ее во всем величии юности. Хотя он и был чужаком

в этом мире, живи он здесь раньше, его сердце теперь не перенесло бы чувства печали, одиночества и заброшенности.

От полюса и до полюса, тысячи квадратных километров пустыни прошли под крылом его корабля. И только раз заметил Тревиндор признаки жизни. Он кружил над ложем давно исчезнувшего океана, когда взор его встрепенулся при виде какой-то зеленой полоски. Бугорок, который сыпучие пески еще не смогли одолеть, был покрыт редкой колючей травкой. И это — все, но ее вид вызвал слезы на глазах Тревиндора.

Он приземлился и вышел из машины, ступая осторожно, чтобы не повредить ни одной жадно борющейся за существование травинки. Нежно провел он руками по редкому коврику, представлявшему собой всю жизнь, оставшуюся теперь на планете. Прежде чем уйти, Тревиндор полил траву водой, потратив на это всю влагу, которую он только мог позволить себе истратить. Это бесполезный жест, но он был необходим самому Тревиндору.

Поиски шли к концу. Тревиндор давно оставил всякую надежду, но его неутомимый дух все еще гнал его дальше по просторам Земли. Он не мог успокоиться, пока не будет окончательно доказано то, чего он больше всего страшился. Так наконец он и добрался до гробницы Хозяина, тускло поблескивавшей под лучами Солнца, которых она столь немыслимо долго была лишена.

Сознание Хозяина пробудилось прежде, чем его тело. Он еще лежал, не способный даже веки поднять, а память уже вернулась к нему. Столетие, которое он решил миновать, было уже позади. Он выиграл игру, самую отчаянную из всех, которые вел человек! Тут им овладела слабость, и сознание его снова замутилось.

Но туман постепенно рассеялся, он почувствовал себя сильнее, хотя двигаться все еще не мог. Он полежал в темноте, собираясь с силами. Что за мир будет вокруг, когда он ступит через порог, навстречу дневному свету? Сможет ли он осуществить свои планы?.. Но что это?! Ужас судорогой потряс его до глубины сознания. Что-то двигалось рядом с ним, там, в гробнице, где ничто не должно было шевелиться, кроме него самого.

— Не пугайтесь. Я вам помогу. Вы в безопасности, и все будет хорошо.

Хозяин был слишком ошеломлен, чтобы отвечать, но подсознание его должно было сформулировать нечто вроде ответа, потому что он снова почувствовал мысль.

— Хорошо. Меня зовут Тревиндор. Как и вы, я тоже в этом мире изгнанник. Не двигайтесь, просто расскажите, как вы сюда попали и к какому роду человеческому принадлежали, ведь я никогда не видал вам подобных.

И снова страх и подозрительность нахлынули в голову Хозяина. Что это за существо, которое может читать его мысли, и зачем оно проникло в его тайное убежище? Но чистая, свежая, как призывный колокол, мысль проникла извне в его сознание и успокаивающе отразилась в мозгу.

— Я снова уверяю вас, что бояться нечего. Почему вас беспокоит, что я умею проникать в ваш разум? Ну что в этом странного?

— Что в этом странного?! — закричал Хозяин.— Кто ты такой, или что такое, бога ради?

— Я такой же человек, как и вы. Может быть, только ваш род примитивнее моего, раз чтение мыслей вам неизвестно.

В сознании Хозяина зародилось ужасное подозрение. И ответ пришел прежде, чем он сознательно сформулировал его.

— Вы проспали бесконечно больше, чем сто лет. Мир, который вы знали, перестал существовать намного раньше, чем вы только можете вообразить.

Хозяин более не слушал. Над ним снова распростерлась тьма, и он погрузился в бессознание. Тревиндор стоял над ним в молчании. Охватившее его чувство подъема пересилило ненадолго возникшее было разочарование. По крайней мере, он теперь будет не одинок. Ужас перед тем, чтобы вечно наедине встречать будущее, который страшным грузом лежал на его душе, в мгновение отступил. Он уже не один... Не один!

Хозяин зашевелился, и в сознание Тревиндора снова стали прокрадываться обрывки его мыслей. Картины того мира, что знал Хозяин, возникли одна за другой. Сперва Тревиндор не мог в них разобраться. Затем эти разрозненные обломки начали складываться в единое целое. Его охватила волна ужаса при виде одного народа, сражающегося с другим, городов, охваченных пламенем, и рушащихся развалин. Что это за мир? Неужели люди могли пасть так низко? Конечно, он слышал легенды о таких вещах, дошедшие до него из непомерно далекого прошлого, но ведь все это должно было принадлежать самому раннему детству человечества и там остаться навеки. Не могло же такое прошлое вернуться!

Теперь разрозненные мысли стали отчетливее и вместе с тем еще ужаснее. Век, из которого явился этот изгнанник, был подлинным кошмаром, и ничего странного в том, что он бежал из него! Здесь Тревиндор вдруг понял, что перед ним — сам создатель всего этого кошмара, который погрузился в реку времени с единой целью — распространить эту заразу на грядущие годы.

Страсти человеческие, которые Тревиндор раньше и вообразить себе не мог, предстали перед его взором: тщеславие, жажда власти, жестокость, нетерпимость, ненависть. Он попытался выключить свое сознание, но почувствовал, что разучился это делать. С мучительным криком Тревиндор ринулся наружу, в молчание пустыни.

Была ночь, очень тихая ночь — Земля слишком устала для того, чтобы над ней еще веяли ветры. Все скрывалось во тьме, но Тревиндор знал, что и тьма не может спрятать мысли, возникающие в недрах разума, с которым он теперь обречен разделять мир. Он снова был один, и ничего более ужасного раньше он не мог бы себе представить. Но теперь он знал, что есть нечто, еще более страшное, чем даже одиночество.

Тишина ночная, величие звезд принесли покой в душу Тревиндора. Он медленно повернулся и зашагал по своим следам обратно, тяжело ступая и думая о том, что ему предстояло совершить такое, чего ни один ему подобный еще никогда не делал.

Когда Тревиндор вошел в помещение, Хозяин уже был на ногах. Может быть, он почувствовал какой-то намек в чужих намерениях, потому что лицо его было бледно. Тревиндор заставил себя пристально углубиться в мозг Хозяина. Его сознание отпрянуло в сторону, когда он распознал там хаос противоречивых чувств, всполошенных всплеском страха. В этом водовороте одна мысль возникала все время, хотя и отчетливо, но как бы с дрожью:

— Что ты собираешься делать? Почему смотришь на меня так?

Тревиндор не отвечал, ограждая свой мозг от прикосновений и изо всех сил собираясь с решимостью. Смятение в сознании Хозяина нарастало. На секунду его ужас даже вызвал что-то близкое к сожалению в мягкой душе Тревиндора; воля его поколебалась. Но тут перед ним опять возникло видение горящих и рушащихся городов.

Всей силой своего разума, подкрепленной тысячами веков эволюции, он обрушился на человека, стоявшего перед ним. И в мозг Хозяина, уничтожая все, вонзилась единственная мысль — мысль о смерти.

Мгновение Хозяин стоял недвижно, только глаза его дико взирали на все вокруг. Но легкие его прервали работу, дыхание прекратилось, пульс крови в жилах, так долго молчавший, снова начал замирать, теперь уже навсегда. Без звука Хозяин повалился на землю.

Тревиндор очень медленно повернулся и вышел в ночь. Молчание и одиночество пустого мира саваном окутали его. Сыпучий песок, так долго ждавший своего часа, начал надвигаться на открытые двери гробницы Хозяина.

Перевод с английского Б. СИЛКИНА

быть назван систематическим, если под системой понимать нечто наукообразное, рационально-логическое.

«...Моя манера мыслить скорее отрывочно-афористическая. Но целостность этой мысли внутренняя, она присутствует в каждой части. Моя мысль очень централизована... я мало делал для понимания своего «миросозерцания», я его провозглашал, но не развивал систематически. Мое философское мышление не наукообразное, не рационально-логическое, а интуитивно-жизненное, в основании его лежит духовный опыт, оно движется страстью к свободе». (Н. Бердяев, «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация».) Точно так же стиль его мысли не может быть назван академическим.

«Я никогда не был философом академического типа и никогда не хотел, чтобы философия была отвлеченной и далекой от жизни». (Н. Бердяев, «О рабстве и свободе человека».)

Философия Бердяева очень противоречива. «Моя философия есть философия духа. Дух же для меня есть свобода, творческий акт, личность, общение, любовь». (Н. Бердяев, «Самопознание. Опыт философской автобиографии».) Она очень личная. Можно даже сказать, что все философствование Бердяева — это рассказ о себе, о своих первичных интуициях, о своем творческом горении. Однако из этого не следует, что философия Бердяева есть нечто «принадлежащее» ему одному. Тот факт, что у Николая Александровича есть последователи, говорит о сходстве духовного опыта многих людей с его духовным опытом. Все написанное им есть попытка «выразить себя», втиснуть свой горячий, чистый дух в «объективные продукты мысли», то есть в слова.

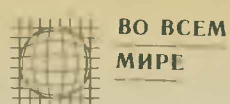
Бердяев называл себя экзистенциальным философом, христианским теософом, историософом, моралистом.

Основные темы философии Бердяева — темы личности, свободы, творчества. Нельзя, однако, сказать, что это разные темы. Это разные грани проблемы. «В моей философии есть противоречия, которые вызываются самым ее существом и которые не могут и не должны быть устранены». (Н. Бердяев, «Самопознание. Опыт философской автобиографии».)

Как понимал Н. А. Бердяев Бога? Прежде всего, Бог есть сила освобождающая, просветляющая и преображающая, но никак не карающая. Бог царствует в царстве свободы, а не в царстве необходимости, в духе, а не в детерминированной природе. Сущностью христианства и величайшей его новизной философ считал раскрытие человечности Бога, богочеловечение, преодоление пропасти между Богом и человеком.

В заключение мы хотели бы заметить, что несмотря на кажущуюся легкость некоторых своих работ, Бердяев — сложный писатель. Поэтому читатель, не читавший работ Николая Александровича ранее, но решивший все же приобрести его четырехтомник, должен подготовиться к тяжелой работе. Наградой послужит интеллектуальное наслаждение от слияния с мыслью философа, для которого слова «жизнь» и «свобода», «жизнь» и «творчество», «жизнь» и «дух» были синонимами.

А. Мельников

ВО ВСЕМ МИРЕ

ЭКСПО экзотических растений

Что получится, если собрать в одном месте гигантские, сорока метров в обхвате, баобабы, миниатюрные эдельвейсы, колючие кактусы и нежные орхидеи? Получится постоянно действующая международная выставка экзотических растений, которую и решено создать на берегах соленого египетского озера Марьют, недалеко от Александрии.

Ботаники считают, что мягкий средиземноморский климат и южное солнце благоприятны для развития самой разнообразной растительности со всего мира. Экзотические деревья, кусты и цветы будут высажены на сорока гектарах. Выставка, по замыслу организаторов, не только привлечет туристов, но станет также важным научно-исследовательским центром. Многие страны уже дали согласие участвовать в этом новом предприятии.

Ни мороз не страшен, ни жара

Из чего только не изготавливали солнцезащитные тенты, шторы, зонтики, автомобильные чехлы! Но несравненен новый материал, разработанный инженерами японской компании «Мицубиси Хэви Индастриз». На основу из смеси уретана с белым керамическим порошком осаждают с внутренней стороны пленку из паров алюминия, а снаружи наносят пленку из полиэфирной смолы, поверх нее — нейлоновую ткань. Такой «слоеный пирог» общей толщиной 20 микрон отражает 90 процентов солнечных лучей, не поглощает тепла и не пропускает влаги. Он не теряет своих свойств при температуре от минус 150 до плюс 200 градусов, прочен и хорошо окрашивается.

Слиток парит в воздухе

Обычно металл расплавляют в тиглях. При этом он в той или иной мере загрязняется частицами материала тигля, особенно такие химически активные металлы, как титан, цирконий, ниобий. Чтобы избежать загрязнения, японская компания «Тосиба Металл Индастриз» разработала технологию плавки методом «левитации». Слиток весом в несколько килограммов помещают в поле индукционной катушки. По ней пропускают ток частотой три килогерца от генератора мощностью 100 киловатт. В результате в слитке наводятся вихревые токи, которые разогревают его до жидкого и даже газообразного состояния. Силы электромагнитного взаимодействия между токами в катушке и в металле удерживают его во взвешенном положении.

Аккумуляторы свертываются в рулон

Пока это только опыты, успешно проведенные в одной из лабораторий акционерного общества «Варта» в ФРГ. Там созданы аккумуляторы из легко сгибающихся пленок с корпусом из таких же пленок, так что в собранном виде их можно скручивать в рулон. Основа аккумуляторов — полученная недавно пластмасса полипиррол, обладающая электропроводностью. Она служит положительным электродом, в роли отрицательного электрода — также сгибаемая пленка, изготовленная из металла лития. Опытные образцы новых аккумуляторов размером с почтовую открытку при напряжении на клеммах от 2,0 до 3,9 вольт накапливают столько же электроэнергии, сколько и никель-кадмиевые.

Дебют квазикристаллов

Существуют ли так называемые квазикристаллы — абсолютно новый вид твердотельного состояния вещества? Группа американских ученых утверждает, что получила квазикристаллы, содержащие алюминий, кобальт и медь. Как дополнительное доказательство представлен и снимок, который вы видите. На нем — многократно увеличенное зернышко нового материала, синтезированного специалистами. По их мнению, квазикристаллы могут обладать непредсказуемыми механическими и электрическими свойствами с широким практическим применением. Полученный учеными материал электропроводен и износоустойчив.

Иллюстрация О. Брель

Б. Жужунава

Трубка вождя

Наконец-то мне повезло и я переселился в Трубку Вождя. В семье, как говорится, не без урода. Был такой и у нас, царство ему небесное. Надрался мухобойки и свалился вниз. В лепешку, конечно. В результате его жилье перешло ко мне. Вот так всегда бывает в жизни: что одному — удача, то другому — совсем наоборот.

До этого я жил в Ухе Вождя. Ужасно! Ни согнуться, ни разогнуться. Единственное, что там можно было делать, это сидеть. Ел сидя, спал сидя. Короче, отсидел два года.

Зато здесь, можно сказать, двухкомнатная квартира. Трубка состоит из большой круглой чаши — это мой сад, здесь я поселил также мою собственную микаву.* С ума сойти, до сих пор не верится, что она у меня есть. От чаши отходит длинная полая труба, сужающаяся на конце, именно за нее Вождь зубами держит все это странное сооружение. В этой трубе я устроил отличную спальню. Тесновато, конечно, зато никакая непогода не страшна. Какое это, оказывается, удовольствие — спать лежа, не привязываясь, без страха свалиться.

Проход, ведущий в Рот Вождя, где живет тихая бабуля Блю, не очень широкий. По правде говоря, в него пролезаю только я, но это даже к лучшему — с гостями одни хлопоты, а у меня забот полон рот. Сначала я выгребал барахло, которое оставалось от моего предшественника. Никогда бы не поверил, что один человек, да еще такой, между нами, никудышный, способен натащить такую гору всякой дряни.

Потом я занялся садом. До этого он располагался у меня на Плече Вождя, но это, ясное дело, не очень-то удобно. Зато теперь! Я прибил высокий шест, к вершине его протянул тонкие веревки и пустил по ним горох. С краев чаши прямо наружу свешиваются цветущие стебли растения, которое принесла моя микава. Я тогда понятия не имел, что это такое. Просто так ткнул в землю, на всякий случай. Выросли какие-то странные несъедобные круглые штуки, и я собрался его выбросить. Но когда вытащил растение из земли, на корнях обнаружились выросты неправильной формы. Старый Хрыч, который живет в Правой Ноге Вождя, закричал при виде их, что он знает, он помнит, что как раз эти штуки и едят. Они же грязные, говорю. «Ну и что?! — продолжал вопить он. Всегда кричит, потому что глухой как пень.— Вымыть, что ли, не можешь? Они, знаешь, какие вкусные! Я помню, я это ел, называется "картофь"». Странное такое слово, но эти картофи и вправду оказались очень вкусные.

Под тенью гороха — подстилка для микавы, а рядом в корзинке живут две микуры**. Днем они летают, где хотят, но на ночь всегда возвращаются домой. Они откладывают замечательные яйца. Маленькие, голубые в крапинку — объеденье!

У меня много чего есть, все не опишешь. Так что я теперь практически могу не спускаться вниз, что мне всегда было очень неприятно. И не потому, что так уж трудно преодолевать эти 511 ступенек, вырубленных внутри Вождя,— я ведь, слава Богу, самый молодой из всех наших. Просто мне там страшно не нравится. Воздух внизу какой-то липкий, и, до чего ни дотронься, все грязное. Но главное — по дороге к ручью можно встретить Низших, а я их терпеть не могу. Ума не приложу, как они живут. Ничего-то у них не растет, микавы не размножаются. Наверное, поэтому они такие агрессивные. Ходят слухи, что иногда они даже едят друг друга. Меня прямо всего передергивает при виде их. Поэтому я научил мою микаву носить воду в маленьком ведерке. Она у меня такая умненькая, такая трудолюбивая, золотце мое. Зато я никогда не позволю себе даже голоса на нее повысить, и чищу ее, и мою, и все за ней убираю, и даже рожки ей подвязал красной ленточкой, ей очень нравится.

Сегодня утром я проснулся с первыми лучами солнца. Воздух был свежий и ароматный — это от гороха, который недавно сплошь покрылся цветами. Я еще подумал: господи, как хорошо-то. И конечно, сглазил. Гляжу, а моя микава еще дома и, похоже, никуда лететь не собирается. Дышит тяжело, широкие бока ее, белые в коричневых пятнах, так и ходят. Что за штука, думаю? Уж не заболела ли? Я с ней и так, и эдак, а она только глаза закрывает и голову опускает, будто стыдится чего-то. И тут еще звякнул колокольчик, который я повесил у входа, там, где моя Трубка соединяется со Ртом Вождя. Кого это принесло на мою голову? Ну конечно, кому же еще не лень в такую рань тащиться черт знает куда, чтобы сказать какую-нибудь глупость? Старый Хрыч из Правой Ноги. Он, слава Богу, ко мне пролезть не может, потому как постоянно таскается к Низшим, ворует у них всякие отбросы и обжирается ими. От этого брюхо у него стало такое, что он скоро в своей Ноге не поместится, не то что у меня. Как всегда, седые космы торчали вокруг его красного лица, глаза возбужденно горели, а сам он подпрыгивал и вертелся, пытаясь заглянуть ко мне.

— Вот ты сидишь здесь,— завопил он,— и ничегошеньки не знаешь, серость!

— Ты зачем сюда пришел? Ругаться? — спросил я.— И чего это я такого не знаю? Что мне надо, я все знаю, а политикой я не интересуюсь, тебе это известно. И вообще у меня вон микава что-то приболела.

Он так подпрыгнул, что я испугался, как бы он не загремел со всех 511 ступенек.

— А что, что с ней? — кричит.— Небось, эта ведьма Блю сглазила!

До чего бестактный старикашка! Недаром он живет ближе всех к Низшим. Блю, может быть, где-то рядом, а он так про нее выражается. Она, конечно, тоже слышит плоховато, но все равно нехорошо. Тут он как-то извернулся, ухитрился заглянуть ко мне и завопил пуще прежнего:

— Дурак ты, дурак. Рожает твоя микава, вот что!

У меня аж в глазах потемнело.

— Как это — рожает? Что это?

— Не знаешь, как рожают? Ну, ты даешь! Да ладно, не придуривайся. Вон, вон, гляди, уже головка лезет!

И тут до меня дошло. И вправду, какой-то я совсем ненаблюдательный. Я видел, что микава растолстела, но думал, что это просто от хорошей жизни. А оно вон что!

— Не боись! — кричал Старый Хрыч.— Это дело нехитрое, это они умеют! А что ты будешь с микавеночком делать? Может, мне продашь? Я тебе за него Книгу отдам. Какую хочешь — мне не жалко!

Больно нужны мне его Книги! Тут моя микава икнула, напряглась — и на свет выскочил из нее чудесный микавенок, весь белый, только на лбу коричневая звездочка. Микава довольно вздохнула и принялась его вылизывать, а я дрожащими руками достал заветную бутылку с мухобойкой. Ста-

* Микава — микроскопическая, с ладонь человека, летающая корова. Дает в день стакан прекрасного молока. Очень разумна, может выполнять отдельные поручения, любит ласку.

** Микура — микроскопическая курица, от свободиой жизни и хорошего обращения научившаяся летать.

рый Хрыч глазам своим не поверил. Ну я, конечно, и ему налил, раз такое событие. Просунул в Трубку руку и прямо в пасть ему вылил хороший глоток. Он глаза закатил, облизнулся и тут же опять на бутылку таращится. Ну я и убрал ее от греха подальше. А Хрыч вдруг как хлопнет себя по лбу, как завопит:

— Ах я, старый дурак!

Хоть один раз в жизни правду про себя сказал.

— Я же для чего к тебе пришел, а? Ты посмотри вниз, что там делается.

— А что там у вас опять случилось?

Мне стало хорошо, тепло, сердце прямо пело, когда я глядел на мою микавочку и ее чудного красавчика.

— У вас...— передразнил Хрыч.— У нас! Ты только глянь!

Ну, посмотрел я вниз, а там и в самом деле что-то из ряда вон, я даже не сразу понял, что это такое. Тут до меня дошло, что я уже давно слышу глухой, непривычный шум, похожий на шуршание веток в ветреный день. Просто не обращал на него внимания за своими заботами. Внизу плескалось черно-серо-коричневое море, кое-где расцвеченное яркими пятнами красных и белых полотнищ, на которых что-то было написано. Это были Низшие, я столько их сразу никогда не видел. Они со всех сторон окружали нас, издавая тот самый, странный шум.

— Что это они? — шепотом спросил я, хотя с такой высоты они, конечно, не могли меня слышать.

— Вот то-то и оно! — закричал Старый Хрыч.— Наши сказали, чтобы ты шел и поговорил с ними,— ты у нас самый молодой, и башка у тебя лучше всех варит.

— Ты же знаешь, я политикой не интересуюсь. И почему это всегда я? И при чем здесь старый, молодой? А чего они хотят?

— Вождя они желают сломать, понял? Совсем рехнулись.

— Как это — сломать? Зачем?

— Вот ты у них и спроси. Давай-давай, вылезай, ничего с твоей микавой не случится, она теперь от своего засранца ни на шаг. А то смотри, сломают нас, что мы тогда делать будем?

И правда — что? Уйдем к Низшим? Да я лучше удавлюсь.

Ноги сами несли меня вниз, Старый Хрыч пыхтел где-то сзади. Меня мутило и трясло при одной мысли от общения с Низшими, но страх потерять все то, что я наконец обрел, был сильнее. Наши толпились внизу, у ворот, сооруженных между Сапогами Вождя, и сразу же с лязгом захлопнули за мной тяжелые створки.

Со всех сторон меня окружили Низшие. Они напирали друг на друга, глаза их горели, из раскрытых ртов вместе с вонью вырывались крики.

— Чего вы хотите? — громко спросил я.

Вперед выбился мужик с пятнистым лицом в какой-то особенно неопрятной рубахе.

— Очищайте помещение! — гаркнул он.— Хватит вам по углам гнездиться!

— А что, мы вам мешаем? Мы же никого не трогаем, политикой не интересуемся.

Толпа угрожающе загудела.

— Гляньте на него, ребята! Ты что, с луны свалился? Да вы хоть знаете тут, кто тот тип, в чьем памятнике вы живете?

— Не знаем и знать не хотим. Нам-то какое дело?

— Ну это ты брось! — закричал мужик.— Вот из-за таких, как ты, которые по щелям отсиживаются, мы и пропадаем. Но теперь все, конец! Тирана свергли, мы свободные люди, а памятник этот проклятый нужно разрушить, чтобы и следа не осталось от кровопийцы!

Я поднял руку и крикнул:

— Вы свободные люди?

Нестройный хор голосов ответил мне:

— Да-а...

— Ну так и живите свободно, кто вам не дает? Зачем разрушать-то? Или еще не надоело?

Стало очень тихо.

— Вот ты, тетка,— я выхватил из толпы лицо женщины, морщинистое, загорелое, и натруженные руки, сложенные на животе.— У тебя, небось, дети есть? И с утра не кормлены? А ты тут время теряешь. Тебе, что ли, памятник помешал? Иди домой. А то пока ты тут болтаешься, у тебя последнее украдут.

Взгляд ее, неотрывно прикованный к моему лицу, затуманился, губы что-то шептали.

— Мы хотим строить новый мир...— выкрикнул парень. Но в словах его не было прежнего напора. Уж у него-то точно было, что красть.

— Да стройте, кто вам не дает. Вон вас сколько — вы бы за это время новый памятник могли отгрохать, если этот вам не нравится. Земля большая, на ней, знаете, сколько памятников поставить можно!

Краем глаза я видел, что толпа стала редеть, размываться и таять. Тетка, к которой я обращался, юркнула в толпу. Надо было ковать железо, пока горячо. Перед моими глазами неотступно стоял белогрудый микавеночек.

— А не хотите строить памятники — дома ставьте. Работы полно. А этот истукан каменный в свой срок сам рухнет, он же не вечный. А пока доброму делу послужит.

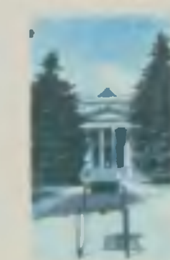
Я говорил, говорил, и возбуждение сходило с их лиц. Я подумал, что все это враки — насчет того, что они едят друг друга, они такие же люди, как мы. Просто им меньше повезло.

●

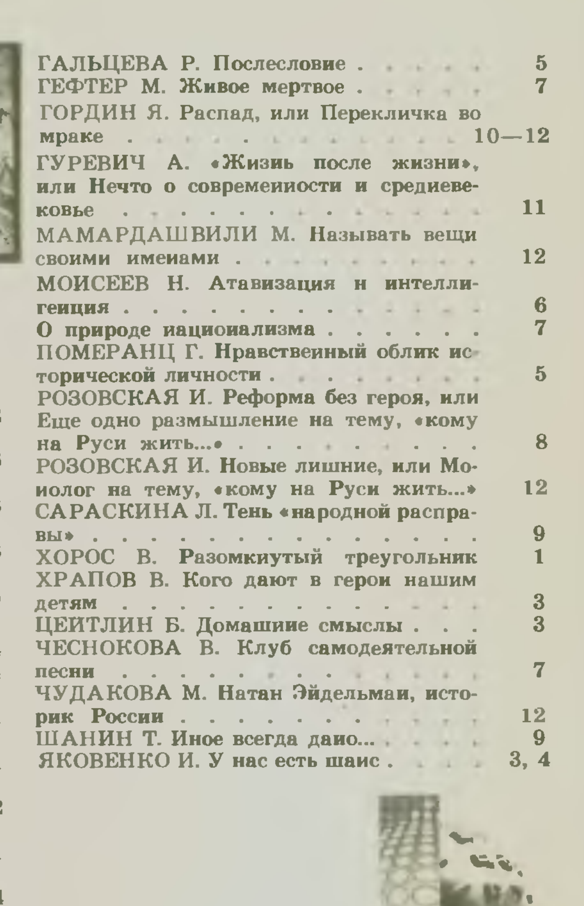
Краткое содержание журнала «Знание — сила» за 1990 год

ЭКОНОМИКА. НАУКА И ТЕХНИКА — ПРОИЗВОДСТВУ

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ

ФИЗИКА, ХИМИЯ, КИБЕРНЕТИКА, МАТЕМАТИКА

НАУКИ О ЗЕМЛЕ И КОСМОСЕ. ЭКОЛОГИЯ

БИОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ, МЕДИЦИНА. РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

ИНСТИТУТ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ

НАУКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИЯ НАУКИ

ИСКУССТВО, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, АРХИТЕКТУРА

ФОТООКНО «ЗНАНИЕ — СИЛА»

СТРАНА ФАНТАЗИЯ

ДЕТЕКТИВ

ТЕСТЫ

Знание — сила 12/90

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

Издание ордена Ленина
Всесоюзного общества
«Знание»

№ 12(762)
Издается с 1926 года

Обложка М. Шрейдера
Фото О. Миликини

А. Никонов,
доктор геолого-минералогических наук

Факты и размышления в годовщину трагедии

Два года отделяют нас от катастрофы в Армении. Как ни хранить боль в сердце, даже такое экстраординарное событие постепенно отходит в прошлое. Как ушли сотни подобных катастроф в истории человечества.

И потому именно сейчас, когда мы освобождаемся от шока и ужаса первых впечатлений и известий, но не утрачена боль и само событие еще свежо в памяти, самое время трезво обдумать все случившееся. Ведь столько пережито, небывало много узнано, так много сделано и делается.

Постарались спасти заваленных и облегчить уцелевшим их страдания. Постарались оперативно организовать восстановление разрушенного. Воздали должное героизму спасателей, стойкости и самоотверженности многих сотрудников различных служб, добровольцев, партийных руководителей. Принесли благодарности правительствам, организациям, частным лицам за сочувствие и широкомасштабную бескорыстную помощь. Пытаясь осуществить помощь как можно лучше, откровенно критиковали недостатки в организации спасательных и восстановительных работ. Так много делали и так много писали о том, что произошло и что делается для ликвидации последствий, как никогда не бывало прежде.

Но по крайней мере одного до сих пор не сделали. По крупному счету, — вероятно, главного, обязательного, без

ISSN 0130-1640

ЗНАНИЕ-СИЛА 12/90

